

Научно-теоретический и методический журнал

4
2008

ПРЕПОДАВАНИЕ **ИСТОРИИ** *в школе*

Периодическое издание основано в 1916 г., возобновлено в мае 1934 г.

Входит в перечень ведущих научных журналов и изданий, утвержденный ВАКом РФ

УЧРЕДИТЕЛИ:

Министерство образования и науки Российской Федерации
Межрегиональная общественная организация
«Объединение преподавателей истории»
ООО «Преподавание истории в школе»

История России до 1917 года

- 3 О.В. Морова**
Восстановление российской государственности и земские соборы в первое десятилетие правления Михаила Федоровича
- 7 И.В. Амосова**
Монастырский приказ 1649–1677 гг. в системе государственного управления России: функции и структура
- 11 Н.О. Блейх**
Вклад российской науки в социокультурное строительство Северо-Кавказского региона
- 15 И.В. Кузьмина**
Земельные отношения в Нижнем Поволжье во второй половине XIX – начале XX в.
- 19 С.А. Юртаев**
Либеральная печать России о российско-германских отношениях после 1871 г.
- 23 С.А. Жукова**
О взаимоотношениях и представлениях друг о друге москвичей и находившихся в Москве иностранцев на рубеже XIX–XX вв.
- 27 Л.М. Тодуа**
К истории становления парламентской и партийной прессы в России

Отечественная история после 1917 года

- 31 А.Л. Кубасов**
Внесудебные полномочия чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией
- 35 О.Ю. Бухаренкова**
Культурно-просветительная деятельность среди безработных в 20-е гг. XX в.
- 39 И.Г. Иванцов**
КК–РКИ ВКП(б) как проводники решений партии на селе в конце 1920-х – начале 1930-х гг. (на материалах Северного Кавказа)
- 43 А.В. Новичков**
Государственная политика в области народного образования в СССР в 30-е гг. XX в.

Российская эмиграция XX в.

- 47 А.Ю. Сидоров**
Советский Союз и агрессия Японии в Маньчжурии в 1931–1932 гг. (по новым документам)
- 54 Л.П. Муромцева**
Российские эмигранты о памятниках отечественной истории и культуры
- 58 В.Э. Полетаев**
Военно-политический активизм российской эмиграции в 1920–1945 гг.: теоретико-методологический аспект проблемы
- 62 А.А. Федоров**
Современные теоретические подходы к изучению истории российского военного зарубежья 1920–1950-х гг.

Культурология и педагогика

- 66 С.А. Кирсанова**
Старообрядчество – религия Книги
- 70 В.В. Сильвачев**
Ценностные ориентации курсантов
- 73 Н. О. Блейх**
Горское просветительство в контексте мирового люмьеризма
- 77 И. Н. Смоляков**
Методика совершенствования коммуникативной культуры преподавателей военного вуза

- ПИШ-информбюро** **22,30**, Новости Государственного исторического музея
57,
72 Открытия археологов

АДРЕС РЕДАКЦИИ ДЛЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ПОСЕТИТЕЛЕЙ:

129626, Москва,
ул. Павла Корчагина, дом 7, А

Тел.: (495) 683-2541.

Тел\факс: (495) 683-8583.

E-mail: pishinfo@rambler.ru

www.pish.ru

Формат 70 х 100 1/16.
Тираж 3500 экз. Заказ №

Журнал зарегистрирован
Министерством по делам печати,
телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций РФ
28 декабря 2000 г.
Свидетельство ПИ № 77-7049
Отпечатано в ОАО
«Выбор-принт»

127278, Москва,
ул. Павла Корчагина, дом 7, А.
Тел. (495) 683-54-52.
Факс: (495) 683-54-52.

© ООО «Преподавание истории в школе», 2008, № 4.
Спецвыпуск

Распространяется только в розницу.

Главный редактор Э.Н. Абдулаев
Заместитель главного редактора В.Б. Перхавко
Редакторы отделов С.А. Абрамова,
А.Ю. Морозов
Зав. производственным отделом С.А. Голубков
Компьютерная верстка С.А. Голубков
Координатор номера В.Б. Перхавко

Редакционный совет:

Э.Н. Абдулаев, М.Д. Афанасьев,
В.В. Артемов, И.В. Бестужев-Лада,
О.В. Волобуев, А.А. Данилов, А.Б. Драхлер,
А.Н. Иоффе, Г.М. Карпов, А.В. Лукутин,
О.Н. Наумов, А.П. Прохоров, В.Б. Перхавко
(председатель), Е.В. Саплина, Я.В. Соловьев,
М.Г. Цыренова, А.И. Чернов, А.П. Шевырев

Охраняется Законом об авторском праве. Запрещается воспроизведение журнала
или журнальной статьи без письменного разрешения издателя.

Любая попытка нарушения закона будет преследоваться в судебном порядке.

О.В. Морова

Восстановление российской государственности и земские соборы в первое десятилетие правления Михаила Федоровича

Московское государство в момент избрания Михаила Романова на царствование представляло собой политически и экономически дезорганизованное образование, ставшее объектом жесткой экспансии со стороны западных и северо-западных государств и разорительных посягательств южных и юго-восточных соседей. Коренная причина дезорганизации жизни лежала в потере российским народом государственного суверенитета. Именно государство на Руси являлось опорой единства нации как разнородного конгломерата народов, вер, ценностей. Именно государство выступало носителем универсальных фундаментальных политических, экономических и нравственно-религиозных начал, играющих роль объединительного принципа¹. Именно государство к 1613 г. утратило свою объединительную силу и суверенитет, оно так обессилило, что поставило все российское национально-государственное образование на грань уничтожения.

Суверенитет, отмечают В.В. Ильин и А.С. Ахиезер, есть «верховная нефрагментированная легитимная монополия власти на всевозможные инициативы на конкретной территории»². Следовательно, ключевыми характеристиками суверенной власти являются: 1) верховность (она должна быть высшим источником политического влияния на всей территории страны и на все население); 2) нефрагментированность (она должна обладать

всей полнотой полномочий и инициатив во всех сферах общественно-государственной жизни); 3) легитимность (должна быть законна, природна, признана народом).

В России на момент избрания Михаила Федоровича на престол не было власти, легитимно обладающей монополией политического воздействия на всю территорию и все население страны. События Смуты сильно подорвали идею самодержавия. В результате польско-литовской интервенции и тесных контактов с представителями Речи Посполитой Россия узнала модель ограниченной королевской власти.

Авторитет верховной власти вслед за авторитетом тех, кто в Смутные годы был ее представителем или составной частью (Борис Годунов, Василий Шуйский, лжецари, аристократическая верхушка членов Боярской думы, не раз предававшая национальные интересы), был дискредитирован. Для простого человека более важными являлись проблемы физического выживания, пропитания, которые он решал самостоятельно или со своим миром.

Новоизбранный царь Михаил Романов стал формальным главой государства в России. Ему предстояло заново возвести национальную общественно-политическую систему, отстояв независимость своей власти и преодолев внутренний системный кризис. Это была на первый взгляд непосильная задача для 16-летнего юноши, не имеющего ни малейшего опыта политического взаимодействия, тем более руководства. Мало того, прав на Российский престол у него было не больше, чем у другого претендента – королевича Владислава.

Ольга Викторовна Морова – старший преподаватель кафедры истории Московского государственного областного педагогического института.

Для массы простого населения Михаил Романов был одним из многих занимавших Российский престол или претендовавших на него. Степень недоверия к новому очередному царю Михаилу видна из разбирательств по «слову и делу государеву»: в 1614–1616 гг. стрельцы, посадские люди Белгорода, Суздаля, Можайска и других городов, крестьяне ряда уездов отказывались желать здоровья избранному царю Михаилу, а славили Дмитрия, или спрашивали друг у друга, мол, какому ты царю служишь, иногда справлялись, что де нынешние цари³.

Какие же политические ресурсы могли помочь Михаилу Федоровичу возродить страну из хаоса? На кого мог он опереться в крайне опасной внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуации при чрезвычайной зыбкости своего положения? Некоторые исследователи считают, что в первый период правления Михаила Федоровича (с момента венчания на царство до возвращения Филарета из плена) он находился под давлением своей матери и ее родственников, составлявших ближнюю Думу царя, – Бориса и Михаила Салтыковых: «инока великая старица Марфа, правя под ним и поддерживая царство со своим родом»⁴. Д.И. Иловайский назвал этот период «эпохой самовластия старицы Марфы Ивановны и ближних бояр»⁵.

Л.Е. Морозова оценила управляющую роль матери Михаила как одно из основных средств упрочения царской власти⁶.

Признавая властный характер инокини Марфы, ее осведомленность состоянием дел в стране и на рубежах, все же согласимся с С.Ф. Платоновым, который отмечал очевидность того, что «старица правила только дворцом и поддерживала не царство, а свой “род”... Течение политической жизни шло мимо ее кельи и направлялось какой-то иной силой...»⁷. Какой же силой? Боярской Думой? Высшей московской аристократией?

Практически все члены Боярской думы Михаила Федоровича являлись крупными землевладельцами: 73 человека имели владения свыше 5000–7000 четвертей (Д. Трубецкой, Ф. Мстиславский, М. Бутурлин, Ф. Шереметев, Семен и Матвей Прозоровские, И. Воротынский, И.Н. Романов, И. Черкасский, А. Сицкий и другие). Только у 22 из них не было (помимо дач при Лжедмитриях и Семи-

боярщине) новых приобретений, полученных от Михаила Федоровича, а остальные существенно приумножили свои вотчины и поместья⁸.

По мнению Е.Д. Сташевского, члены думы были объединены только общими крупноземлевладельческими интересами⁹. Современник тех событий архиепископ Смоленский Сергей назвал этих новых правителей «земли разорители» за то, что «лакомство неправдивого богатства» ослепило их, одни они «хотят в богатстве быть, а что в земле делается – не чувят»¹⁰.

С.Ф. Платонов считал, что «сама Боярская дума в момент избрания Михаила... не существовала...»¹¹. «Положение великих бояр, представлявших собой все боярство, совершенно скомпрометировано. Их рассматривали как изменников...»¹².

Единственным элементом российской общественно-политической системы досмутного образца, который не только не запятнал себя изменою, но, наоборот, оказался верным носителем национально-государственной идеи, способным самоорганизоваться и осуществить освободительную миссию, был Земский собор. Даже именуемый в силу неустойчивости терминологии Великой Земской думой или Советом всея земли, он мыслился именно как соборное представительство земли. И только Земский собор мог выступить и выступил как условие, залог, гарант необратимости процесса возрождения государственности, мироустройства и единения общества.

Все исследователи истории Земских соборов выражают единое мнение о почти непрерывной земско-соборной деятельности в первое десятилетие правления Михаила Федоровича¹³. Причины такого особенного положения объясняются ими политическим бессилием новой власти, разорением страны, а также тем, что при отсутствии властных и материальных стимулов в деле восстановления мог помочь только моральный авторитет Земского собора.

Молодой государь не распустил Земский собор, избравший его на российский престол (потому получивший в литературе название «избирательный»). Данный собор работал, вероятно, до начала весны 1615 г. Косвенные свидетельства о длительном периоде работы избирательного собора с января 1613 г. по

март 1615 г. обнаруживаются в столбцах Печатного приказа¹⁴. Это челобитные от людей разных чинов молодому царю Михаилу Федоровичу с прошением не брать с них за бедностью и разорением подписных и печатных пошлин. Царь всех пожаловал, кого поместьем, кого озерками и речками, кого деньгами, кого разрешением вернуть беглых крестьян, а всех – освобождением от подписных и печатных пошлин.

Члены собора получили возможность далее проживать в Москве, платить постоянное, так как жили приехавшие люди на наемных дворах, скорее всего, за Белым городом. Распустить их по домам мог только сам Михаил Федорович своим указом, но он отнесся к избравшим его на престол соборным людям как к реальной действенной силе, готовой оказать ему всяческую поддержку. Это позволяет считать собрание, присутствовавшее в Москве с января 1613 г. до марта 1615 г., не только избирательным, но и первым Земским собором в правлении Михаила Федоровича.

Заслуга первого при Михаиле Федоровиче Земского собора в том, что его участниками были предопределены позиции будущего взаимодействия государя и общества. Соборными указами указано высшее предназначение, во имя которого представители всей земли по воле Божьей избрали Михаила Федоровича. Новый Государь избран, во-первых, «чтоб святая и непорочная истинная православная христианская вера греческого закона была во всем великом Российском государстве нерушима попрежнему и сияла во всю вселенную», во-вторых, чтоб «все православное крестьянство в тишине и в покое и в благоденствии» пребывало, в-третьих, чтоб «его царское пресветлое имя передо всеми Великими Государи славно было к очищению и к расширению и к прибавлению их великих государств»¹⁵.

Новоизбранный Государь получал исторически сложившиеся функции российского монарха – духовного преемника Византийского императора: охранение православной веры в масштабе всей вселенной и забота о православных христианах, а также специфическую, возникшую в условиях государственного кризиса, задачу-программу на свое правление – очищение государства, расширение его территории и прибавление (рассматриваемое как пополнение казны, обогащение).

Реализация этих функций – монополия исключительно государя. Но общество, выдвинувшее из своей среды и виновников, и вольных и невольных участников Смуты, и ее противников, победителей, должно было взять на себя конкретные обязанности, при исполнении которых государь сможет достойно выполнить свое предназначение. Именно на Земском соборе были сформулированы универсальные обязывающие статьи, на основании которых россияне должны были строить свое социально-политическое поведение.

В окружной грамоте от московского Земского совета во все российские города об избрании Михаила Федоровича (от 25 февраля 1613 г.) содержится запись для присяги в верности новому царю. В ней земля брала на себя обязанности:

- 1) «служить и прямить и добра хотеть»;
- 2) «никого опричь не хотеть»;
- 3) «где велит Государь быть на службе, ... служить»;
- 4) с недругами (к ним отнесены крымские, ногайские, литовские, немецкие люди) «биться, не отъезжать, не ссылаться»;
- 5) государево здоровье оберегать, доносить о заговоре или злом умысле,
- 6) с «недоброхотами государевыми», т.е. с внутренними врагами, «биться до смерти»;
- 7) «самовольством, т.е. «без указа Михаила Романова, ведома ничего не делать»;
- 8) «никого не грабити и не побивать, никого дурна никому не чинить»¹⁶.

Представители власти и земли на соборе тем самым определили основополагающие условия, соблюдение которых позволило российскому обществу преодолеть тяжелейший системный кризис.

Земский собор явился той силой, которая обеспечила легитимацию власти нового Государя, ее укрепление через уничтожение внешних и внутренних врагов и через наведение порядка в стране. Первый же собор от своего имени и совместно с Михаилом Федоровичем предпринял действенные меры по восстановлению финансовой системы страны (сбор налогов и контроль над расходами), инициировал и обеспечил сбор дополнительных средств в казну (пятинные деньги). Избирательный собор, используя широкий спектр мер военного и невоенного характера (от морально-

психологического воздействия, обещания прощения грехов до зачисления на службу и назначения жалования) способствовал подавлению казацкой анархии¹⁷.

Последующий Земский собор 1616–1618 гг., одобрив на первый взгляд невыгодные условия прекращения военных действий, помог молодому царю установить мирные отношения со Швецией (Столбовский мир позволил восстановить и укрепить северо-западные рубежи России) и Польшей (Деулинское перемирие обеспечило стабильность на западных рубежах страны).

Страна и российский престол к 1619 г. были избавлены от серьезной внешней угрозы. С возвращением из плена Филарета и возведением его в патриарший сан верховная власть получила мощную поддержку, начался новый этап земско-соборной деятельности. Он завершился окончательным избавлением московского престола от претензий польского короля. Сняты были все препятствия для свободного развития Российского государства. Земский собор постоянной работой совместно с государем, характером и действенностью принимаемых решений смог обеспечить легитимацию и незыблемость новой династии, а через это и восстановление и укрепление национально-государственного суверенитета.

Примечания

¹ Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. Под ред. проф. В.В. Ильина. М., 1997. С. 151.

² Там же. С. 98.

³ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Приказной

стол. Стб. № 2, Л. 89–92; Стб. № 3. Л. 204–219; Стб. №10. Л. 1109–1113.

⁴ Скрынников Р.Г. Михаил Романов. М., 2005. С. 198–199.

⁵ Иловыйский Д.И. Новая династия. М., 2003. С. 338.

⁶ Морозова Л.Е. Михаил Федорович // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 39.

⁷ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб., 1999. С. 337.

⁸ Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве в XVI в. М., 1897. С. 205–229.

⁹ Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. I. Московское общество и государство от начала царствования Михаила Федоровича до эпохи Смоленской войны. Киев, 1913. С. 78.

¹⁰ Там же. С. 80.

¹¹ Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 346

¹² Там же. С. 347.

¹³ См.: Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005; Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. I. Московское общество и государство от начала царствования Михаила Федоровича до эпохи Смоленской войны. Киев, 1913; Князьков С.А. Допетровская Русь. М., 2005; Шмурло Е.Ф. История России (IX–XX вв.). М., 2005; Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1988; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968; Скрынников Р.Г. Указ. соч. и другие работы.

¹⁴ Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа) / Под ред. и с предисловием Л.М. Сухотина. М., 1915.

¹⁵ СГД. Ч. III. М., 1822. С. 1–5.

¹⁶ Там же. С. 14–15.

¹⁷ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 201.

И.В. Амосова

Монастырский приказ 1649—1677 гг. в системе государственного управления России: функции и структура

Реформы второй половины XVII – первой четверти XVIII в. затронули не только систему управления страной, но и взаимоотношения церкви и государства. Традиционная приказная система сначала видоизменилась, а затем прекратила свое существование. В то же самое время правительство стремилось, с одной стороны, ограничить церковное землевладение, а с другой – создать такую систему, которая позволила бы использовать доходы с церковных земель на нужды государства. Сильные и самостоятельные патриархи Филарет и Никон стремились ограничить влияние государя на дела церкви и укрепить собственное положение. Но одновременно они способствовали усилению государственной власти в целом и власти самого государя.

В своем желании укрепить самодержавную власть правительство царя Алексея Михайловича искало механизм, позволяющий контролировать деятельность церкви. Таким инструментом в XVII в. и стал Монастырский приказ. Дореволюционная историография не уделяла должного внимания изучению данного учреждения, советская историческая наука рассматривала Монастырский приказ либо в контексте реформ патриарха Никона, либо при изучении эволюции государственного аппарата России. Специальное исследование функционирования приказа не производилось¹. Долгое время велись споры о классификации Мо-

настырского приказа. В XIX в. распространилось мнение, что Монастырский приказ – один из патриарших приказов. Но уже в начале XX в. от этой гипотезы отказались. На сегодняшний день Монастырский приказ принято относить к органам центрального государственного управления.

Монастырский приказ как самостоятельное центральное государственное учреждение возникает в середине XVII в. На протяжении XVII в. он прошел путь от отдельного стола в Приказе Большого дворца до самостоятельного учреждения. Функции Приказа Большого Дворца были разнообразны и достаточно сложны. Одной из них являлось управление церковными землевладениями. Восстановление государства после Смуты требовало активного использования церковных земель для нужд государства. Патриарх Филарет это прекрасно понимал, и с его возвращением в Москву появляется ряд документов, отменявших тарханные грамоты монастырей. В то же время монастыри стремились как можно быстрее попасть под управление Приказа Большого Дворца, что сулило им большие привилегии в отношениях с местными властями. С конца 1630-х гг. объем дел, связанных с управлением церковными вотчинами, резко возрастает, и в Приказе Большого Дворца появляется самостоятельное отделение «Монастырский приказ» (первое упоминание дьяка «у монастырских дел» относится к 1632 г.). До 1649 г. он функционировал как самостоятельная часть Приказа Большого Дворца. В 1649 г. правительство создает Монастырский приказ. По мнению

¹ Инга Владимировна Амосова – учитель истории школы № 1073, Москва.

ряда исследователей, новое учреждение по своим функциям и по своей структуре стало лишь копией старого Приказа Большого Дворца².

Однако сравнение функций приказов заставляют нас прийти к выводу о том, что Монастырский приказ стал совершенно новым учреждением в государственном управлении России.

В истории Монастырского приказа XVII в. можно выделить несколько этапов: 1) с середины 1640-х гг. до 1650 г.; 2) с 1650 по 1655 г.; 3) 1655–1668 гг.; 4) с 1668 по 1677(78) г. В каждый из периодов существования учреждение выполняет различные функции, область его влияния, структура и состав штата также разнятся. На протяжении XVII в. Монастырский приказ в своей деятельности опирался на положения, прописанные в XII и XIII главах Соборного Уложения. На первом этапе существования учреждения происходит оформление его штата и определение функций. Главная задача нового органа власти состояла в разборе исков и ведении суда по гражданским и уголовным делам в отношении клириков – от митрополита и ниже, а также по делам на их «приказных и дворовых людей и детей боярских» и других категорий³. Согласно Соборному Уложению, в ведомство Монастырского приказа входили все лица и монастыри, находившиеся ранее под контролем Приказа Большого Дворца⁴. Отметим, что Уложение не регулирует вопрос о разборе исков духовных лиц на духовных по гражданским делам. Однако приказ обладал судебными правами и на этот род дел⁵. Структура учреждения осталась прежней: дьяк и несколько подьячих.

С 1650 г. ситуация изменяется. Монастырский приказ отныне рассматривает не только судебные иски, но занимается сбором и перераспределением налогов с церковных и монастырских земель. В структуре приказа происходят значительные изменения. Вплоть до 1655 г. деятельность Монастырского приказа регулируется священнослужителями, входившими в состав учреждения. До 1656 г. в приказе находились архимандрит Чудова монастыря Ферапонт и старец Новоспасского монастыря Пафнутий Еропкин⁶. Но уже после 1656 г. их в со-

ставе приказа нет. Церковь перестала контролировать учреждение. Таким образом, правительство царя Алексея Михайловича постепенно создало светский орган власти для управления делами церковными, сохранив при этом все патриаршие приказы.

С этого момента в истории приказа начинается следующий, самый сложный и насыщенный период существования. Именно на данном этапе Монастырский приказ выполняет свои функции в полном объеме. Основу судебной деятельности приказа в 1655–1667 гг. составляли земельные споры церковных и светских феодалов. Показательными могут служить разбирательства по вопросу об отдаче женскому монастырю под келью земель боярина Стрешнева. Монастырский приказ решал кому они достанутся после смерти боярина⁷. Разбирал Монастырский приказ и дела, связанные с розыском и возвращением беглых крестьян владельцам⁸. Бывали и совсем курьезные случаи. Монастырский приказ по Соборному Уложению имел право рассматривать мелкие уголовные дела, иски по которым не превышали 20 рублей. Нередко приходилось рассматривать иски светских людей против священников именно по уголовным преступлениям. Ярким примером необычного дела может служить иск крестьянина Мартына Иванова против Григория, приходского священника села Темишево. Крестьянин, искавший у Монастырского приказа защиты, жаловался на то, что поп Григорий, придя к нему в дом, избил и ограбил его⁹.

С 1655 г. Монастырский приказ собирал все определенные налоги с подведомственных земель. Постоянные войны, ведущиеся государством, требовали огромных затрат – как финансовых, так и людских. Использование церковных владений для обеспечения армии до создания Монастырского приказа было практически невозможно. С 1658 г. в Монастырском приказе определялась норма поставки даточных людей на службу в войска¹⁰. С этого момента учреждение по поручению правительства обеспечивало те или иные военные подразделения лошаадьми, фуражом и людьми¹¹.

Деятельность Монастырского приказа была связана с проведением налоговой и церковной реформ XVII в. С середины

XVII в. начинается постепенный переход от посошного налогообложения к подворному. В 1662 г. служащими приказа была проведена очередная перепись дворов в монастырях, находившихся в подчинении учреждения. С одной стороны, это позволяло определить размер собираемых налогов, с другой – показывало, сколько монастырей нуждается в помощи государства. Перепись земель и распределение по повытям именно дворов, а не сох, косвенно подтверждает желание царя включить и церковные земли в рамки проводившейся налоговой реформы.

В период реформы в сферу деятельности приказа попадают и вопросы сугубо церковные. В распоряжении историков имеются несколько расходных книг Монастырского приказа XVII в., из которых видно, что в указанный период приказ занимался обеспечением жизнедеятельности церквей и монастырей. Именно в приказе определялись размеры денежного и хлебного довольствия¹².

К 1660 г. учреждение стало контролировать выполнение положений реформы на местах. Так, даже введение в церквях единогогласия попало под пристальное внимание Монастырского приказа. Поскольку в этот период в состав учреждения уже не входят представители церкви, то следить за самим исполнением полагалось клиру¹³. Стремление правительства царя Алексея Михайловича включить церковь в структуру государственного управления сталкивалось с желанием патриарха Никона сохранить независимость церковного ведомства. Свою позицию он выразил в «Отзыве об Уложении царя Алексея Михайловича». Патриарх резко критикует царя за создание Монастырского приказа. С одной стороны его не устраивает изъятие из ведения патриарших приказов судебных функций, с другой – потеря контроля над финансами монастырей¹⁴.

Недовольство патриарха разделяли высшие и духовные иерархи, именно поэтому на соборе 1666–1667 гг. в качестве одной из проблем стал вопрос о разграничении полномочий между царем и патриархом, а также ликвидации Монастырского приказа. Судебная функция была изъята из ведения приказа сразу же. Решение о закрытии при-

каза, принятое в 1667 г., было реализовано к 1677 г.

В рассматриваемый период (1655–1667 гг.) структура приказа отражала те задачи, которые были поставлены перед данным учреждением. Структура Монастырского приказа была наиболее приближена к другим приказам: во главе стоял судья, как правило, боярин или окольничий, в составе были один-два дьяка и до 30 подьячих разных статей¹⁵. В указанный период судьями приказа, сменяя друг друга, были окольничий князь Даниил Степанович Великого-Гагин, Иван Федорович Стрешнев, окольничий, князь Иван Петрович Барятинский, князь Дмитрий Алексеевич Долгорукий¹⁶. Как мы видим, во главе учреждения стояли окольничии, что говорит о значимости приказа в системе управления страной. Все судьи и до, и после службы в приказе занимали значительные посты и оказывались приближенными к царю. Анализ карьер дьяков также подтверждает большое значение Монастырского приказа в государственном управлении.

После Собора 1667 г. начинается завершающий этап эволюции Монастырского приказа в XVII в. В последнее десятилетие своего существования приказ выполнял только финансовые функции, обеспечивал контроль над монастырским землевладением и снабжал армию дополнительными средствами. В его штате также произошли значительные изменения: во главе приказа появился думный дворянин и сократилось количество подьячих (до 15–20)¹⁷. Ликвидация приказа проходила под руководством думного дворянина Семена Ивановича Заборовского. Этот чиновник XVII в. длительное время являлся дьяком Разрядного приказа и разбирал огромное количество спорных и сложных дел. Но появление на посту судьи думного дворянина говорит о падении престижа и значимости Монастырского приказа для царского правительства.

В 1677 г. царь Федор Алексеевич подписывает указ о ликвидации Монастырского приказа и передаче его дел в Приказ Большого Дворца и патриаршие приказы¹⁸.

Как видим, Монастырский приказ XVII в. помог правительству царя Алексея Михайловича решить важнейшую задачу

переходного периода – ограничение органов социального контроля. Разнообразие функций учреждения дает возможность рассматривать его как институт, который содействовал политике укрепления царской власти. Монастырский приказ оказался удобным инструментом в вопросах использования церковных земель на нужды государства (например, военные). А подчинение приказу суда и достаточно безболезненная ликвидация этой функции позволяют предположить, что изъятие духовенства по вопросам гражданского судопроизводства из-под юрисдикции церковного суда было своего рода инструментом давления на служителей культа. Главная задача Монастырского приказа состояла в реализации стремления государственной власти сделать церковь частью административной системы страны.

Примечания

¹ Горчаков М.И. Монастырский приказ 1649–1725 гг. СПб., 1868; Дмитриев А. Петр I и Церковь. М., 1930; Устюгов Н.В., Чаев Н.С. Русская церковь в XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 295–330; Смолич И.К. Русское монашество. М., 1997. С.152–155.

² Горчаков М.И. Указ. соч. С. 5–7.

³ Соборное Уложение 1649. Гл. XIII. Ст. 1.

⁴ Соборное Уложение 1649. Гл. XIII. Ст. 2.

⁵ Горчаков М.И. Указ. соч. С. 71.

⁶ ААЭ. СПб., 1840. Т. IV. № 62.

⁷ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6487. Л. 1–3.

⁸ Там же. Д. 6579.

⁹ Там же. Д. 6489.

¹⁰ АИ. 1841. Т. 3. С. 295.

¹¹ Записки Отделения Русской и Славянской Археологии. СПб., 1885. Т. 2. С. 601–641.

¹² РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6484. Л. 1–2.

¹³ ААЭ. 1846. Т.4. № 115.

¹⁴ Записки Отделения Русской и Славянской Археологии. СПб., 1881. Т. 2. С. 455.

¹⁵ РГАДА. Ф. 237. Оп.1. Д. 80 Л. 1–2 об.

¹⁶ РИБ. Т.21. С. 621; РИБ. Т. 10. С. 203, 405.

¹⁷ Дворцовые Разряды. СПб., 1851. Т. 3. Стб. 1266.

¹⁸ ПСЗ. СПб., 1833 Т. V.

Список сокращений

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук, СПб.

АЕ – Археографический ежегодник

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией Академии наук, СПб.

ВИ – Вопросы истории

ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ГИМ – Государственный Исторический музей

ДАИ – Дополнение к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией Академии наук, СПб.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ИЗ – Исторические записки

ОИ – Отечественная история

ПИШ – Преподавание истории в школе

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи, СПб.

РАН – Российская Академия наук

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека, М.

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией

РНБ – Российская национальная библиотека, СПб.

Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, М.

Н.О. Блейх

Вклад российской науки в социокультурное строительство Северо-Кавказского региона

Трудно переоценить роль России в социокультурном строительстве Северо-Кавказского края, являвшегося до присоединения к империи крайне отсталым регионом. Сельское хозяйство здесь находилось в упадке, не было своей промышленности, многочисленные народности и этнические группы жили разрозненно. Объективных условий для объединения в единое государство у горцев не наблюдалось. Раздробленные политически северокавказские народы не могли самостоятельно отстоять своей независимости в вековой борьбе с Ираном и Турцией. Присоединение к России оградило горские народы от их разбойничьих нападений и навсегда положило конец гнету злейших врагов кавказцев – султанской Турции и шахского Ирана, а улучшение внешне- и внутривнутриполитических условий на Северном Кавказе стало очень важным фактором ускорения экономического и культурного развития горских народов.

В культурном отношении народы Северного Кавказа были такими же отсталыми, как и в общественно-экономическом устройстве. Северный Кавказ долго оставался неизведанным краем. До XVIII в. никто не изучал его культуру, природные богатства, флору и фауну. В сочинениях греческих и римских писателей, армянских и грузинских описаниях, русских источниках имеются только отрывочные сведения о его социокультурном устройстве. Однако в основном их информационная база носит компилятивный характер и не может нам

Надежда Оскаровна Блейх – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии Северо-Осетинского государственного университета, г. Владикавказ.

дать целостного представления о социокультурном устройстве народов Кавказа¹. Научный характер эти сведения приобретают лишь с появлением на Кавказе русских ученых и путешественников, обследовавших «загадочный край». И хотя эти экспедиции носили ознакомительный характер и практиковались нечасто, их исследования отличались сравнительно-историческим подходом, российские путешественники не только описывали отдельный кавказский народ, но и сравнивали некоторые области его культуры и быта с другими горскими этносами.

Систематическое изучение Северного Кавказа и его народов российскими учеными стало возможным только после добровольного вхождения горских обществ в Российскую империю. Тем более что период присоединения северокавказского региона к России (вторая половина XVIII в.) как раз совпал с невиданным прежде развитием культуры самого русского народа, с подъемом прогрессивной общественно-просветительской мысли, оказавших благотворное влияние и на все стороны жизни народов Северного Кавказа – социально-экономическую, общественно-политическую и культурную. Во многом этому способствовали мероприятия российского правительства, заинтересованного в накоплении экономических и политических знаний о Кавказе, занимавшем важное положение в военно-стратегическом отношении. И потому изучение кавказских народов в этот период шло параллельно с изучением всей страны. Первые русские ученые М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев, С.П. Крашенинников и другие провозгласили лозунгом эпохи –

«знать свое отечество во всех его пределах, знать промыслы граждан и подвластных народов, знать обычаи их, веру, содержание и в чем состоит богатство их, также места, в коих они живут, с кем пограничны»².

Большую роль в формировании и развитии научных представлений о социокультурном устройстве многочисленных кавказских народностей сыграли научные экспедиции, организованные Российской Академией наук во второй половине XVIII – XIX вв. Участники этих экспедиций проводили геологические изыскания, определяли уровень развития отдельных отраслей сельского хозяйства и т. д. Так, экспедиции ботаника академика С.-Г. Гмелина (1768–1774 гг.), врача и естествоиспытателя, академика И.-А. Гюльденштедта (1768–1775 гг.), врача, естественника, академика П.-С. Палласа (1768–1775 гг.) обследовали многие районы Кавказа³.

Данные материалы (в частности, исследование И. Гюльденштедта) послужили основой первого сводного труда о народах России «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», составленно-го грузинским историком И.Г. Георги⁴.

Большое научное значение имели результаты, полученные участниками геологических экспедиций в Северную Осетию С. Вонявиным (1768 г.) и А. Батыревым (1774 г.). Помимо выявления рудных месторождений, задачей этих экспедиций был и сбор различного рода материалов об осетинах (в частности, выяснение уровня экономического развития, их отношения к России). В этой связи С. Вонявин отмечал, что осетины «с крайнею охотою желают выйти из гор для поселения на степь Малой Кабарды и быть под покровительством Российского двора», подчеркивал, что к переселению на равнину осетин вынуждает «пре-трудная их жизнь в хлебопашестве и скотоводстве по горам». По его мнению, передача осетинам части равнинных земель не только благотворно скажется на их жизни, но и послужит упрочению русско-осетинских отношений. Большое внимание В. Вонявин уделял вопросу о развитии просвещения в Осетии. Он считал необходимым присут-ствие в Моздоке или в осетинском монастыре «ученой должности персоны, дабы выходящие из гор бедные смыслом в законе мог-

ли как в духовном, так и в светском поучать-ся и через то к Российской стороне склониться». В материалах В. Вонявина и А. Батырева содержится немало сведений о социальном устройстве осетинских обществ, о взаимоотношениях осетин с Кабардой и Грузией⁵.

Начиная с 1800 г., несколько путешествий по Северо-Восточному Кавказу совершил врач, ботаник, этнолог, академик Х.Х. Стивен; в 1825–1826 гг. в Дагестане побывал русский естествоиспытатель, академик Э.И. Эйхвальд; в 1833 году там проводил топографические работы Ф.И. Гене⁶. «Хозяйственное описание Предкавказья по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству» создал И.В. Ровинский, «Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом адыхе» и «Топографическое описание Северной покатоги Кавказского хребта от крепости Анапы до истока реки Кубани» были изда-ны Г.В. Новицким⁷.

Заметную роль в распространении научных медицинских знаний на Северном Кавказе сыграл врач и ученый Н.И. Пирогов. В 1847 г. в Дагестане он впервые в истории войн применил эфирный наркоз. После этого свыше 600 операций под наркозом провел в Темир-Хан-Шуре, Дербенте, Казикумухе и других местах⁸.

Однако наибольшее внимание в русской науке в это время было уделено изучению языка, этнографии и истории народов Северного Кавказа. Интерес к прошлому кавказцев у российских ученых выразился как в сборе историко-этнографического материала, так и в написании исторических трудов, не потерявших своего научного значения и поныне.

Большую лепту в изучение истории народов Северного Кавказа внесли В.В. Латышев, Н.И. Веселовский, В.И. Долбежев, П.А. Владимиров, Ю.А. Кулаковский, В.А. Городцов, А.А. Бобринский, Н.С. Семенов, В.М. Сысов, В.Р. Апухтин и другие. Социальные аспекты истории горцев изучались Е.С. Барановым, А.М. Дирром, А.Н. Дьячковым-Тарасовым, С.А. Егпазаровым, Л.Г. Лопатинским, Л.В. Малининым, А.А. Миллером, Г.Ф. Чурсиным, В.М. Сысовым, С.В. Фарфоровским,

Н. С. Щукиным и многими другими специалистами.

Особую роль в изучении истории и культуры сыграли научные труды В.Ф. Миллера «Осетинские этюды» и М.М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе», «Современный обычай и древний закон» (М., 1886). Обширные материалы о социо-экономическом устройстве Кавказа собрал академик П.Г. Бутков. Они были положены в основу его фундаментального труда «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.». В 1800–1808 гг. лингвистическая экспедиция Ю. Клапрота собрала материалы для ряда языковедческих работ, освещавшие многие стороны быта адыгов, карачаевцев, балкарцев, осетин и других народов. В 1820 г. описание чеченцев, северокавказских армян, осетин, адыгов, караногайцев, абазин составил А.Ф. Ребров⁹. Ценные сведения по экономике, истории и этнографии народов Южного Дагестана собрал в 1826–1828 гг. И.Н. Березин¹⁰. Не менее интересные данные о социальном устройстве народов Дагестана представлены в труде О. Евецкого¹¹.

Огромную работу по исследованию кавказской истории и этнографии провел П.К. Услар. Его перу принадлежит «Очерк древнейшей истории Кавказа до времен Александра Македонского»¹². В нем он отмечал, что «при полном даже успехе, история моя не только не будет настоящей историей Кавказа, но даже не будет и историческим материалом, она лишь будет подготовлением к надлежащему собиранию исторических материалов, но такое приготовление необходимо, иначе вся история Кавказа от Чайкоса и Картлоса до нашего времени останется чахлою, еле-еле дышащею. В ее болезненной атмосфере поблекнут розы на лепестках прекрасной царицы Тамары и завянут лавры Кавказских героев. Пока не будет проложен путь к разумной истории Кавказа»¹³.

Большой научно-исторический интерес представляют произведения А.И. Якубовича («Отрывки о Кавказе», содержащие этнографические сведения о карачаевцах и абхазцах), И.С. Бурцова («Бой полковника Тихвинского с закубанскими черкесами» — сочинение, характеризующее быт северо-западных адыгов), В.С. Толстого («Тага-

урцы», «Из служебных воспоминаний», «Поездка в Осетию в 1847 году»), А.О. Корниловича («Записка об управлении Кавказом»).

Ученые-академики путешествовали в тяжелых условиях, связанных с финансовыми и продовольственными затруднениями. Они надолго были оторваны от главного научного центра и испытывали недоверие со стороны коренных жителей, но, несмотря на это, их сведения расширили знания по истории и этнографии кавказского народа. Они положили начало «историко-этнографическому изучению Кавказа и лингвистической классификации кавказских народов», поэтому их публикации до сих пор остаются заслуживающими внимания источниками для изучения многих сторон жизни и быта горцев.

В дореформенный период вышло довольно много работ этнографического характера, посвященных отдельным народностям, проживающим на Северном Кавказе. Нередко их авторами были офицеры русской армии, служившие на Кавказе. К их числу относится А.Л. Зиссерман. Он первым в русской кавказоведческой литературе описал каторжный труд рабочих на Садонских сербросвинцовых рудниках¹⁴.

Желая «доставить Европе основательные сведения о политическом и гражданском состоянии» кавказских народов, крупный вклад в научное кавказоведение внес полковник русской армии С.М. Броневский, долгое время служивший на Кавказе и изучавший историю его народов. Его труд «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе и его народах» (в 2 томах) вышел в свет в 1823 г. в Москве. В нем, наряду с описанием быта, нравов, обычаев адыгов, осетин, чеченцев, ногайцев, кумыков и других народов Северного Кавказа, характеризуется общественный строй этих народов¹⁵. Работа С.М. Броневского получила в свое время широкую известность и, по существу, сделалась на долгие годы главным источником, из которого черпались сведения о Северном Кавказе.

В 1834–1835 гг. в Петербурге был опубликован труд П.П. Зубова «Картина Закавказская» (в 4 частях)¹⁶. Весьма ценными являются работы Г. Гордеева, посвященные

изучению истории быта, обычаев, вероисповеданию осетин. В них приводятся статистические данные о количестве населения в отдельных осетинских приходах, о результатах, которые были достигнуты в земледелии к середине XIX в. переселившимися на равнину осетинами¹⁶.

В 40-х гг. XIX в. кавказская администрация сама провела большую работу по изучению обычного права горских народов. Собранные тогда материалы и поныне остаются основным источником для характеристики социальных отношений дореформенного Северного Кавказа. Дагестанский просветитель и ученый Казем-Бек искренне гордился успехами русской науки в освоении кавказского края. «Сердце радуется, — писал он, — когда мы, обозревая минувшее, видим, как умственная деятельность в России с году на год успешно совершенствуется. Стоит только обратиться к ежемесячным нашим библиографическим летописям, чтобы убедиться в том, что в нашем беспредельном отечестве... движение умственной деятельности в течение последнего 25-летия произвело такие неожиданные плоды»¹⁷.

Примечания

¹ Блейх Н.О. Начало изучения российской наукой Северокавказского региона // Социология и социальная работа. Владикавказ, 2002. С. 44–48.

² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Т. 1.

³ Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835. С. 87.

⁴ Калоев Б.А. Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 6.

⁵ История народов Северного Кавказа. М., 1985. С. 67.

⁶ Труды третьего международного съезда ориенталистов в С-Петербурге. СПб., 1879–1890. Т. I. С. 14–15.

⁷ Пузанов И.И. А.Д. Нордман (1803–1866). М., 1969.

⁸ Кавказский этнографический сборник. М., 1955–1966. Т. 1–3.

⁹ История Дагестана. Махачкала, 1966. Т. 1; Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957.

¹⁰ Березин Н.И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1849. Ч. 1.

¹¹ Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835. С. 234.

¹² Записки Кавказского отделения РГО. Кн. 5. С. 44.

¹³ Загурский Л.П. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе. М., 1867. С. 34.

¹⁴ Зиссерман А.Л. Мои впечатления о Кавказе // Русский инвалид. 1823. № 234. С. 45–48.

¹⁵ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе и его народах. В 2 т. М., 1823.

¹⁶ Зубов П.П. Картина Закавказского края, принадлежащего России, и сопредельных ему земель в историческом, этнографическом, финансовых и торговых отношениях. СПб., 1834–1835. Ч. 1–4.

¹⁷ Кумыков Т.Х. Этапы и особенности развития общественной мысли Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи в XIX – начале XX в. Материалы научной конференции. Нальчик, 1976. С. 15.

И.В. Кузьмина

Земельные отношения в Нижнем Поволжье во второй половине XIX — начале XX в.

Земельный вопрос в России был и остается актуальным на протяжении нескольких столетий. Во второй половине XIX — начале XX в. аграрные отношения во многом определяли социально-экономический облик государства, и их противоречивость, нерешенность сдерживала экономическое развитие, обуславливая отставание от капиталистических держав. Назревшую необходимость перемен осознавало правительство, которое в 1861 г. приступило к осуществлению земельной реформы.

Губернии Нижнего Поволжья представляли собой окраинные территории, однако их в немалой степени затронули все сложности аграрного вопроса. Во второй половине XIX в. территория двух нижевожских губерний — Астраханской и Саратовской — пролегла вдоль течения Волги, где выгоды речного пути соединялись с обилием свободных земель. Существенные различия между этими районами заключались в природно-климатических условиях, определявших занятия населения, а, следовательно, и хозяйственный облик губерний. В Саратовском крае плодородие почвы в условиях теплого климата способствовало земледелию — прежде всего, хлебопашеству. В степной Астраханской губернии широкое развитие получило скотоводство, а также рыболовный и соляной промыслы.

Земельные отношения второй половины XIX в. во многом определялись результатами реформы 1861 г., которая, ликвиди-

ровав феодальную зависимость и наделив крестьян землей, способствовала быстрейшему развитию капитализма. Переход к капитализму в Астраханской губернии совершался в сравнительно благоприятных условиях. Этому способствовало отсутствие крупного помещичьего землевладения и ничтожное число крепостных (2 % населения губернии) накануне отмены крепостного права¹. Кроме того, астраханские крестьяне имели широкие возможности заниматься промысловой деятельностью.

В отличие от других губерний Европейской России, в Астраханской губернии после реформы надельное землепользование увеличилось на 13,8 %². В наиболее выгодном положении находилась группа бывших государственных крестьян, составлявших большинство сельского населения. Именно они, как наиболее обеспеченные землей (в среднем по 16 десятин на двор, а всего — 1 млн. 632 тыс. 355 дес.), имели возможность развивать свое земледельческое хозяйство³.

Однако при достаточном количестве земли назревала проблема малоземелья. Если в большинстве губерний Европейской России виной тому были значительные отрезки крестьянских земель, то здесь причиной заключалось в характерных природно-климатических условиях: на глинистой и солончаковой почве невозможно было эффективно вести земледельческое хозяйство. Пахотные угодья составляли лишь 5 % от площади губернии, в основном в северных Царевском и Черноярском уездах⁴. Отсутствие активной зерновой специализации компенсировалось развитием иных форм земледелия — бахчеводства, садовод-

Ирина Валерьевна Кузьмина — ассистент кафедры регионоведения Астраханского государственного университета.

ства, огородничества. В связи с развитием животноводства большое количество земли использовалось под пастбища и сенокосы.

Земледелие в губернии не было в числе главных занятий населения, но от распределения земельной собственности среди владельцев и пользователей зависела степень развития остальных отраслей сельского хозяйства. К 1905 г. общая площадь всех земельных угодий Астраханской губернии составляла 17 млн. 135 тыс. 801 дес.⁵ Господствующей формой землевладения оставалась общинная: 66,8 % земель составляли крестьянские и казачьи наделные земли. Крупным собственником была казна (27,6 %), которая сдавала свои угодья в аренду; частным владельцам принадлежало 5,6 % земли, крупное помещичье землевладение отсутствовало⁶.

Особенностью губернии было наличие казачьего землепользования. В 1905 г. наделные земли казаков занимали площадь в 452 тыс. 600 дес. Будучи обеспеченными землей, свои паи (участки, равные по качеству), они в большинстве случаев сдавали в аренду, так как земледелие в хозяйственной жизни казаков играло второстепенную роль⁷.

Калмыцкая и Киргизская степи входили в состав губернии на правах уездов. Калмыки и киргизы не были включены в категорию крестьян. В скотоводческих улусах землевладение носило общинный характер, поэтому земля не была предметом купли-продажи; в полусоседных – постепенно складывалась начальная форма частного владения землей. Земледелие, несмотря на содействие правительства, развивалось медленно, при сохранении большой роли скотоводства. Однако у астраханских калмыков находились большие массивы земель, поэтому русские крестьяне в условиях недостатка угодий арендовали (иногда тайно) или захватывали калмыцкие земли, используя их в качестве выгонов для скота⁸.

Получила распространение совместная распашка земли крестьянами и местным калмыцким населением, хотя нередко калмыки, не ведя собственного земледельческого хозяйства, сдавали землю русским крестьянам из части урожая. Арендовали угодья не только под распашку, но и под сенокос. Низкие цены на землю во многом спо-

собствовали тому, что крестьянская аренда в Калмыцкой степи достигала огромных размеров⁹.

Во второй половине XIX – начале XX в. в губернии складывается земельный рынок: земля переходит в руки самых разных сословий. К 1905 г. выросла земельная собственность мещан (5 тыс. 469 дес.) и крестьян (26 тыс. 163 дес.)¹⁰. Фонд купчих земель увеличивался за счет сокращения купеческого (в 1,5 раза по сравнению с 1877 годом) и дворянского (в 2,5 раза) землевладения¹¹.

Широкое развитие арендных отношений являлось важной особенностью края. Аренда способствовала перераспределению земель между сословиями, усилению капиталистических форм землевладения. Основным источником аренды служили земли казны, сельских общин, калмыков и казаков. Для губернии было характерно сочетание различных форм аренды, но преобладала предпринимательская форма, то есть аренда за деньги, в основном в хозяйствах зажиточных крестьян и купцов.

Свои особенности имели земельные отношения в Саратовской губернии. Большинство населения принадлежало к крестьянскому сословию, в структуре землевладения преобладали наделные земли (49,2 % в 1905 г.)¹². Экономика губернии носила аграрный характер: было развито хлебопашество (пахотные земли составляли 60 %). Значительными были посевы пшеницы и других зерновых культур.

В пореформенный период основной проблемой крестьянского хозяйства становится малоземелье. Уменьшение крестьянских наделов наблюдалось в большинстве губерний Европейской России. Сельское население росло, количество же земель у общин оставалось неизменным. Землепользование крестьян Саратовской губернии сократилось с 13,4 до 9,5 дес. на двор¹³. В наиболее сложном положении оказались бывшие владельческие крестьяне, надел которых составлял 5,3 дес.¹⁴ К неблагоприятным факторам крестьянского землепользования следует отнести и «отрезки». По величине «отрезков» Саратовская губерния оказалась первой в России.

Рост численности малоземельного крестьянства (особенно в Вольском уезде) про-

исходил также за счет так называемых «дарственников» – бывших крепостных крестьян, получивших в ходе реформы 1861 г. бесплатно по соглашению с помещиком минимальный (дарственный) надел – $\frac{1}{4}$ высшей нормы надела. Чаще всего крестьяне Саратовской губернии, требуя дарственный надел, руководствовались низкой продажной и арендной ценами земли, с одной стороны; и непомерно высокой ее стоимостью по выкупу, с другой. Перейдя на дар, они стремились восполнить недостаток наделной земли арендой помещичьих земель. Как правило, эта категория крестьянства мало арендовала землю товариществами, то есть капиталистическим способом. Аренда была краткосрочной (1–2 года), поэтому невыгодной. Среди видов аренды у дарственников преобладала испольная (60 % всей арендованной земли).

Особенностью губернии было наличие среди землевладельцев колоний-поселений бывших иностранных подданных, как правило, немцев. Землевладение у колонистов было общинным, они были в наибольшей степени обеспечены землей (18,8 десятин на двор). Главным направлением их сельскохозяйственной деятельности являлось хлебопашество, занимавшее 45 % посевных площадей¹⁵.

Значительное место в структуре земельных площадей принадлежало крупному помещицкому землевладению. Частные земли занимали 38,7 % площади губернии. Лишь 12,1 % земли принадлежали казне, церкви и учреждениям, однако собственность казны продолжала увеличиваться¹⁶.

Реформа 1861 г. дала толчок быстрому росту бессословной земельной собственности. По количеству поступивших в продажу сельскохозяйственных угодий Саратовская губерния была одним из лидеров в регионе. С 1893 по 1902 г. здесь было продано более 1200 дес. земли¹⁷.

Крупными землевладельцами стали купцы и мещане (мещанское землевладение выросло в 2 раза). Хотя собственность купцов и дворян имела тенденцию к сокращению (в 1,2–1,7 раза), дворянское землевладение оставалось значительным (в 1906 г. – 70,7 % всех частновладельческих земель) и продолжало оказывать влияние на развитие земель-

ных отношений в регионе¹⁸. Дворянские владения сосредоточивались в центральных и северных уездах губернии: Балашовском, Аткарском, Сердобском, Петровском, Саратовском и Вольском.

Размеры крестьянских купчих земель (в основном они находились в Хвалынском уезде) к началу XX в. увеличились в 2,9 раза по сравнению с 1877 г. В собственности крестьянских обществ и товариществ в 1905 г. находилось 506,7 тысяч десятин¹⁹.

Помимо роста продажи сельскохозяйственных угодий, товарный рынок способствовал также быстрому развитию земельной аренды, в которой участвовали с разными целями различные слои населения.

Арендные отношения получили широкое распространение в крае: в 1907 г. 34,9 % частновладельческой пахотной земли находились в аренде²⁰. Около $\frac{1}{3}$ земли крупные арендаторы эксплуатировали сами: сеяли зерновые, бахчевые культуры, вели промышленное скотоводство. Остальные участки находились в субаренде, то есть сдавались повторно другим владельцам, как правило, более мелкими участками и за значительно более высокую цену.

Отличительной чертой аренды в Саратовской губернии был ее краткосрочный характер (на один посев). В 1880 г. пахотные угодья, сдававшиеся в аренду в розницу на один год, составляли 70 % от общей площади арендованных земель²¹. Это, естественно, не способствовало хозяйственному отношению краткосрочных арендаторов.

Имела место в губернии и предпринимательская аренда, которой занимались как отдельные лица, так и товарищества крестьян. Доля такой капиталистической аренды по уездам была различной. В Кузнецком, Хвалынском, Вольском уездах она составляла 23 % от общего количества арендованной крупными участками земли, Аткарском – 32 %²². Особое место в развитии капиталистической аренды занимали Царицынский, Саратовский, Петровский, Балашовский уезды, в которых богатые крестьяне арендовали более половины всей земли, взятой в долгосрочную аренду.

Наиболее тяжелыми формами аренды являлись испольная, при которой арендная плата составляла половину урожая; и отра-

боточная, когда съемщик расплачивался за землю собственным трудом. Такие виды были распространены у беднейшего крестьянства. По мере увеличения роли аренды в крестьянском хозяйстве испольщина получала все большее распространение (особенно на северо-западе губернии) и большую стоимость по сравнению с денежной арендой. С ростом арендных цен испольщику трудно было перейти к денежному съему: он не мог увеличить свою запашку, так как вынужден был много труда уделять обработке владельческой доли.

Эволюция земельных отношений в Нижнем Поволжье была показателем развития капитализма. В двух губерниях (Астраханской и Саратовской) эти процессы имели различные причины, связанные с природно-географическими и историческими условиями. К общим тенденциям следует отнести сокращение дворянской собственности, рост крестьянского и мещанского частного землевладения.

Земля становится товаром, предметом широкой купли-продажи. Обширные земельные площади вовлекаются в торговый оборот и формируют собой земельный рынок. Земля теряла свою сословную принадлежность. Увеличивалось число купчих земель, в том числе и у крестьян, что само по себе было явлением буржуазным. Сохранялась значительная роль государства в регулировании земельных отношений как Нижнего Поволжья, так и всей России. Правительство путем реформ, с одной стороны, способствовало развитию прогрессивных тенденций в экономике, с другой — сдерживало это развитие. Половинчатость, незавершенность изменений была связана с попытками сохранить и поддержать помещичье землевладение, а, значит, и феодальные пережитки.

Примечания

¹ История Астраханского края. Астрахань, 2002. С. 368.

² Статистика землевладения в России 1905 г. Вып. XXIII. Астраханская губерния. С. 10–11.

³ Государственный архив Астраханской области (далее — ГААО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 440. Л. 2.

⁴ Тарасюк Д.А. Поземельная собственность пореформенной России. Историковедческое исследование по переписи 1877–1878 гг. М., 1981. С. 71.

⁵ Статистика землевладения в России 1905 г. Вып. XXIII. Астраханская губерния. С. 10–11.

⁶ Там же С. 22–24.

⁷ Лакин Г.И. Хозяйственно-экономические очерки и наблюдения: Астраханское казачье войско. Астрахань, 1903. Вып. 1. С. 24.

⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 317. Л. 7–8.

⁹ См.: ГААО. Ф. 973. Оп. 1. Д. 207, 310.

¹⁰ Статистика землевладения в России 1905 г. Вып. XXIII. С. 22.

¹¹ Там же.

¹² Статистика землевладения 1905 г. Вып. 2. Саратовская губерния. СПб., 1906. С. 12.

¹³ Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1890). Саратов, 1995. Т. 2. Ч. 1. С. 75.

¹⁴ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 421. Оп. 1. Д. 2526.

¹⁵ Статистический обзор Саратовской губернии за 1913 г. Саратов, 1914. С. 87–91.

¹⁶ Статистика землевладения 1905 г. Вып. 2. С. 10–11.

¹⁷ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982. С. 29.

¹⁸ Статистика землевладения 1905 г. Вып. 2. С. 24.

¹⁹ Там же. С. 24–26.

²⁰ Материалы для оценки земель Саратовской губернии. Вып. II. Эксплуатация пашни в частновладельческих хозяйствах и крестьянская внеадельная аренда. Саратов, 1905. С. 54.

²¹ Там же. С. 81.

С.А. Юртаев

Либеральная печать России о российско-германских отношениях после 1871 г.

Возникшая в начале 1871 г. Германская империя фактически оказалась в состоянии дипломатической изоляции и вызывала у большинства государств недоверие и опасения. Казалось естественным, что это крупное государство, так неожиданно для многих возникшее в центре Европы, после его первых впечатляющих побед (прежде всего, в войне с Францией) будет и дальше стремиться к расширению своих границ. Отношение общественного мнения России к франко-прусской войне 1870–1871 гг. детально проанализировано в фундаментальной работе С.В. Оболенской¹.

Итоги войны и послевоенный расклад сил в Европе находились в центре внимания ведущих печатных органов России того времени, в том числе и представителей либерального направления общественной мысли. К наиболее влиятельным изданиям этого направления традиционно относят журнал «Вестник Европы» и газету «Голос», материалы проанализированы в данной статье².

Уже с января 1871 г., когда ни у кого не оставалось сомнений в исходе франко-прусской войны, на страницах журнала «Вестник Европы» развернулось обсуждение будущего политического развития Германской империи. Какую роль сыграет она на международной сцене: станет ли «прочным оплотом для мира»³ или продолжит «прежнюю известную систему “хозяйничанья” целыми населенными, против явной их воли»⁴.

Журнал видел два возможных пути развития: если бы германское общество смогло

оказывать влияние на внешнюю политику Германии, то это привело бы к отказу от завоевательной политики и к установлению там «мирного внутреннего развития и истинной свободы»⁵.

Гораздо хуже для Германии и «беспокойнее и опаснее для ее соседей»⁶ оказался бы, по мнению журнала, вариант, когда восторжествовали бы прежняя система прусского милитаризма, насилие и национальное возбуждение, лежавшие в основании империи. Дипломатия новой империи в собственной своей природе «никаких гарантий либеральной самосдержанности не представляет», она тоже пропитана милитаризмом. Яркой иллюстрацией этого, по мнению редакции, служил тот факт, что Бисмарк, «великий государственный муж, на высоте своего исторического величия и славы, добивается зачисления его военным чином»⁷. Противостоять консерватизму прусской монархии мог только сам народ Германии, а его политическая свобода была тем «оплотом, на который опирается истинная цивилизация»⁸.

Либеральные надежды издателей «Вестника Европы» не стали реальностью. У германского общества не было ни желания, ни возможности внести изменения во внешнюю политику Бисмарка, который, как признавала сама редакция, умело использовал «национальные стремления, конечно, только те, которые вели к увеличению могущества берлинского правительства»⁹. Бисмарк завершал 170-летний путь Пруссии к превращению в мощнейшее военное государство Европы.

Таким образом, журнал рассматривал победоносную Германскую империю как

Сергей Алексеевич Юртаев – историк, Москва.

фактор нестабильности в Европе, как потенциального участника новых военных конфликтов, противопоставляя милитаристским устремлениям государства миролюбивое настроение самого немецкого народа.

Примечательна позиция газеты «Голос», либерального органа, крайне резко отреагировавшего на победы Пруссии в ходе войны 1870–1871 гг. Цель Пруссии и Бисмарка виделась редакции не только во внутреннем объединении страны, но и в господстве во всей Европе¹⁰. При этом газета указывала на ключевую роль России в данном процессе: «В доброжелательстве России прусское правительство не сомневалось» и Россия оказала Пруссии своим образом действий «огромную услугу, облегчив ей возможность располагать всеми ее военными силами против врага»¹¹. Вопрос, насколько выгодна сложившаяся после войны ситуация для России и для всей Европы, решался «Голосом» неоднозначно: будущий мир послужит для обоих противников лишь средством изготовиться к новому поединку, то есть новое столкновение между Францией и Германией неизбежно¹². Вероятным представлялся газете новый путь континентальной Европы «под гегемонией Пруссии», которая «сумеет теперь создать даже новую философскую систему, положив в ее основание теорию “крови и железа”»¹³. Предложенная интерпретация происходивших событий подтверждала высказанные опасения. Газета указывала на то, что «политика пруссаков отличается таким завоевательным характером, которому подобного ничего не видела Европа со времен Наполеона I»¹⁴. Прямо говорилось, как Пруссия ставила себе целью не обеспечение безопасности со стороны Франции, а уничтожение этой державы и утверждение своей гегемонии в Европе¹⁵.

Для России, по мнению «Голоса», возникла опасность оказаться лицом к лицу против союза Пруссии, Англии и Австрии, который сложился бы естественным образом после гибели Франции¹⁶. Подобные опасения повторялись и в следующих номерах газеты: «Голос» призывал к скорейшему вмешательству нейтральных держав, поддержанному мобилизацией вооруженных

сил, с целью предотвратить превращение Франции в «данницу немцев» и получения Пруссией «решительного перевеса в Европе»¹⁷. Таким образом, «Голос» шел дальше других печатных органов: не просто указывал на опасное возвышение Пруссии, но и ратовал за активное, в том числе и военными мерами, противодействие этому. Газета подчеркивала дестабилизирующее влияние прусской победы над Францией и опасалась за сохранение европейского мира в будущем. В могущественной Пруссии она видела новый центр силы, нового гегемона континентальной Европы.

Как отмечалось выше, «Голос» настаивал на том, что именно содействие России сыграло существенную роль в победе Германии¹⁸. Непосредственным последствием прусской победы и ослабления Франции являлось, по мнению газеты, возможное возникновение естественного союза Пруссии, Англии и Австрии против России¹⁹. Эта идея была образно представлена редакцией так: Пруссия перекрещивается в Германию и кладет на себя крест «не духом и водой, но железом и кровью»; «крест уже положен на севере, юге и западе, на челе, груди и левом плече: остается только коснуться востока, размять правое плечо – и Германия будет готова к той великой просветительной миссии, о которой так давно мечтают ее поэты и философы, пасторы и генералы»²⁰. В данной трактовке нападение Германии на Россию представлялось предопределенным и неизбежным, ибо лежало в логике рождения и становления великой Германской империи, но не скорым. В непосредственную опасность начала конфликта между немцами и славянами газета не верила, причиной чему была следующая концепция взаимоотношений между этими двумя этносами. Предваряя ее изложение, необходимо отметить, что подобные воззрения совершенно не характерны для либерального органа, каким «Голос» представлен и в глазах современников, и в научных исследованиях по истории русской журналистики. Похожие мотивы можно заметить в консервативном издании М.Н. Каткова «Московские ведомости» и в знаменитой славянофильской «Руси», издававшейся И.С. Аксаковым. Россия представлялась

в качестве германской Индии, колонии, предоставлявшей немцам обширное поприще «для благодарного и выгодного помещения и наращивания своих идеальных и натуральных капиталов, для проявления своих административных, законодательных, военных, ученых, банкирских, торгашеских и всяких других талантов»²¹. Немцы, по мнению газеты, могли повелевать Россией без войны, силой своего ума. Назвав русских народом рабов, «они поставили своей исторической задачей сделать славян этнографическим материалом для развития германской культуры»²². Между этими двумя народами «лежит глубокая и бездонная пропасть, в которую обрушились все попытки их взаимного примирения и которая делает невозможным прочный и долговременный между ними мир»²³. «Голос» все же придерживался мнения, что до нарушения этого мира было далеко, так как немцы могли бы попытаться спасти это выгодное положение войной, присоединив некоторые территории России, только в случае «кораблекрушения», бунта русского народа против подобного положения, что представлялось тогда маловероятным²⁴.

Очевидно, в данном случае речь уже не шла о строгом и взвешенном анализе политической обстановки; отношения между двумя государствами рассматривались в духе концепции конфликта различных культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. В этих рассуждениях не было места обсуждению баланса сил, конфликта интересов и попыток сближения позиций – прямо говорилось о бескомпромиссной борьбе, исход которой есть уничтожение одного из противников. То обстоятельство, что подобные идеи высказывались именно либеральным органом, может свидетельствовать об их распространении в широких слоях русского общества. При этом последовательно проводилась мысль о потенциальном союзнике России в борьбе против немцев – «французской нации, отведшей от нас и принявшей на свою грудь грозный удар, который мог бы надолго повредить нам»²⁵.

В газете всячески подчеркивалась роль России, которая осталась последним достойным соперником Германии в Европе. Россия, по утверждению «Голоса», не искала

никаких территориальных приобретений, но возможная попытка Германии в случае распада Австрии присоединить к себе Чехию могла бы спровоцировать вооруженное вмешательство России²⁶. Указывалось также на несовпадение экономических и коммерческих интересов обеих империй, в частности отмечалось, что «началось коммерческое состязание между прусскими и русскими балтийскими портами»²⁷.

Таким образом, в течение 1871 г. газета «Голос» занимала ярко выраженную антипрусскую, а затем и антигерманскую позицию. Подчеркивалось дестабилизирующее значение победы Пруссии, которая ставила под вопрос возможность и долговечность европейского мира. Для России возвышение, значительное усиление Пруссии представляло существенную опасность из-за цивилизационных и экономических противоречий между этими двумя державами.

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующий вывод. В широких кругах русского общества, в том числе и в его либеральной части, были распространены негативное отношение к победе Германии и опасения за будущее мира в Европе, причем оценки уровня угрозы различались весьма значительно: от возможности конфронтации между Германией и Францией до неизбежности истребительной войны Германии против России.

Примечания

¹ Оболенская С.В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977.

² Балуев Б.П. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. М., 1971. С. 180–182.

³ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 410.

⁴ Там же. С. 411.

⁵ Там же. С. 414.

⁶ Там же.

⁷ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1871. Т. 1. Кн. 2. С. 844.

⁸ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1871. Т. 2. Кн. 4. С. 867.

⁹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1871. Т. 2. Кн. 3. С. 215.

¹⁰ Передовая статья // Голос. 1871. 1 (13) янва-

ря. № 1. С. 1.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 2.

¹³ Передовая статья // Голос. 1871. 13 (25) января. № 13. С. 1.

¹⁴ Передовая статья // Голос. 1871. 17 (29) января. № 17. С. 1.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Передовая статья // Голос. 1871. 27 января (8 февраля). № 27. С. 1.

¹⁸ Передовая статья // Голос. 1871. 1 (13) января. № 1. С. 1.

¹⁹ Передовая статья // Голос. 1871. 17 (29) января. № 17. С. 1.

²⁰ Передовая статья // Голос. 1871. 10 (22) февраля. № 41. С. 1.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 2.

²⁴ Там же. С. 1.

²⁵ Там же. С. 2.

²⁶ Передовая статья // Голос. 1871. 23 февраля (7 марта). № 54. С. 1.

²⁷ Передовая статья // Голос. 1871. 16 (28) сентября. № 256. С. 1.

Новости науки

М.К. Тенишева в зеркале Серебряного века

К 150-летию со дня рождения выдающейся представительницы русской культуры рубежа XIX–XX вв. издатели приурочили выход книги «М.К. Тенишева в зеркале Серебряного века». Цель издания – показать всю многогранную личность Тенишевой в контексте сложной, но чрезвычайно интересной эпохи. В нем отражены все этапы ее творческой, меценатской, организаторской, коллекционерской деятельности. В круг общения Тенишевой входили практически все выдающиеся представители русской культуры Серебряного века, поэтому ее жизнь отразила художественную атмосферу России этого периода.

Книга содержит около 350 иллюстраций. В нее вошло большое число произведений искусства и архивных документов, имеющих важное научное значение. Многие материалы публикуются впервые. Среди них – неизвестные архивные документы, фотографии и произведения художников Серебряного века, выявленные в процессе подготовки юбилейных выставки и издания. Некоторые из них находятся в зарубежных архивах и частных собраниях. Так, например, материалы парижского фонда «Кустодия» впервые стали доступны отечественным исследователям – О.Струговой и Р. Клавьен. Впервые публикуются обнаруженные в частном парижском собрании парные скульптуры выдающегося художника Д.С.Стеллецкого, выполненные в 1922 г. по заказу Тенишевой и открывающие новую, неизвестную страницу его творчества. Их ценность усиливает письмо автора к Тенишевой о создании этих скульптур, обнаруженное в фонде «Кустодия». Несомненный интерес вызовет первая публикация сведений из письма тети С.П. Дягилева к М.К. Тенишевой о настоящем месте рождения этого выдающегося деятеля русской культуры начала XX в.

Жизнь Тенишевой завершилась в 1928 г. во Франции в городке Вокрессон под Парижем. Здесь, на вилле, прозванной Н.К.Рерихом «Малое Талашкино», она работала как художница. Это место стало одним из культурных центров русского зарубежья. В книге впервые опубликованы произведения Тенишевой периода эмиграции, а также предметы и произведения искусства, окружавшие ее в последние годы жизни.

С. А. Жукова

О взаимоотношениях и представлениях друг о друге москвичей и находившихся в Москве иностранцев на рубеже XIX—XX вв.

Несмотря на достаточно успешную интеграцию иностранцев в московское общество на рубеже XIX—XX вв., дифференциация по национальному признаку была весьма заметной, как между москвичами и иностранцами, так и между самими иностранцами.

В условиях проживания бок о бок и тесного общения у иностранцев и москвичей сложились определенные представления друг о друге.

Москва была благосклонна к иностранцам, на которых распространялось русское дружелюбие и доверие, если представитель другого государства был работающим и уживчивым. «Русская натура как нигде проявила себя в отношении к иностранцам. Чуждая национальной узости и ксенофобии, она позволяла относиться к труду независимо от национальности». Так, например, швейцарцы отмечали отсутствие у русских людей «какой-либо национальной ограниченности и широкую открытость по отношению к другим странам и народам»¹. А немцы чувствовали себя почти как на родине: «немец, прибывающий в России как чужеземец, может снимать квартиру у хозяев-немцев, читать здешние немецкие газеты и журналы, посещать немецкие церкви, посылать учиться своих детей в немецкие школы и с полным удовлетворением принимать участие в общественной жизни, даже не зная русского языка»².

¹ Софья Анатольевна Жукова – учитель истории и обществознания ГОУ СОШ № 110 с углубленным изучением испанского языка им. М. Эрнандеса, Москва.

Швейцарский врач Герман Роршах писал в 1908 г. о положении российских женщин своей сестре, которая в то время работала гувернанткой в русской семье: «Вероятно, пожив в России, и в особенности в Москве, ты уже, наверное, заметила, насколько бесконечно свободнее, непринужденнее, естественнее и честнее здесь все отношения людей между собой. Ты, видимо, уже убедилась в правильности моего мнения, которое я уже высказывал тебе ранее, что женщина в России занимает совершенно иное положение. Совершенно иным является и отношение к ней: нигде мужчины не проявляют столь большого уважения к женщине, как в России. Поэтому русская женщина занимает совершенно иные жизненные позиции, чем, например, наши швейцарские женщины. В России женщины, прежде всего интеллигентные женщины, составляют силу, которая хочет делать (и действительно делает) много для блага всего общества, но я не думаю, что из-за этого русские женщины становятся худшими женами и матерями, чем наши, скорее наоборот»³.

Москвичей, в свою очередь, подкупали и вызывали уважение к иностранцам, особенно немцам, такие черты последних, как пунктуальность, педантичность и трудолюбие – в работе, в праздниках и т. д. Эти характерные черты часто подчеркивались в анекдотах и юмористических миниатюрах:

«Спрашиваем сегодня нашего сторожа:
– Скажи, пожалуйста, отчего немецкая работа, какую ни возьми, прочнее русской?»

– А это потому, – сказал нам сторож, – что немец рассчитывает на долголетие, а русский “хоть сейчас помирать”. Оттого немец делает все прочно, а русский кое-как»⁴.

«Немцы считались честными, прилежными, надежными партнерами, работоспособными и бережливыми, – отмечал Д. Дальманн. – В деловом обиходе устное согласие немца почиталось достаточным для совершения сделки... Но слово немца считалось особо верной гарантией, и отдельные случаи нарушения устного обещания не могли испортить общего впечатления»⁵.

А.П. Чехов писал, что «завсегдаям немецких биргалок» удавалось сделать гораздо больше, чем «восьмисоттысячному населению Москвы, изобилующему и суммами, и телесными силами»⁶.

В целом необходимо отметить, что в московском обществе рубежа XIX–XX вв. господствовали достаточно традиционные стереотипы в восприятии иностранцев: любители сиделок и добротного пива – немцы, которые подчас воспринимались как милитаристски настроенные солдафоны; импульсивные и взрывные итальянцы и испанцы, и, наоборот, выдержанные и флегматичные англичане; изысканные французы; хитрые и оборотистые представители азиатских стран и т.д. В анекдотах рубежа XIX–XX вв., как правило, высмеивались чрезмерная любовь французов к женщинам и англичан – к породистым лошадям⁷.

В основе русской доброжелательности лежало, прежде всего, чувство собственного достоинства, хотя достаточно большая часть московских обывателей преклонялась перед Европой и перенимала европейские нравы и обычаи. При этом москвичи весьма снисходительно, а часто и высокомерно относились к представителям восточных народов. Нередко наблюдалось и дружеское подшучивание москвичей над европейцами.

Одновременно происходило постоянное сравнение-соперничество между россиянами и иностранцами. При этом москвичи многое заимствовали у Европы – манеры, развлечения, моду, «парламент, трамваи, конторы справок о кредитоспособности, женщин-врачей и адвокатов» и т. д.⁸

Однако, несмотря на многолетнюю моду на заграничное, москвичи на рубеже XIX–XX вв. хорошо ощущали разницу в менталитете. В их понимании русский человек никогда не сможет полностью избавиться от самобытности, от того, что иностранцы называют «русской душой»: «не указ Европа нам, – дух у ней не русский!..»⁹.

Более того, в начале XX в. подражание иностранцам считалось дурным вкусом и всячески высмеивалось на страницах периодической печати, в художественной литературе и на театральных подмостках. Особенно частым нападкам подвергалось стремление использовать иностранный язык вместо русского. Так, например, в журнале «Развлечение» в 1898 г. был опубликован фельетон о воспитаннице русского частного пансиона, в котором большинство предметов «преподавались иностранцами; разговоры велись исключительно на иностранных языках, и дежурными репетиторами были англичанка, немка и французенка»¹⁰. Итогом такого воспитания стало плохое знание родного языка, воспринимавшегося как «варварский», на котором способны изъясняться одни «грубые мужики»¹¹.

Жителям Москвы с древних времен были свойственны радушие, гостеприимство и терпимость по отношению к иноземцам, но настороженность и неприятие их в отдельные неблагоприятные периоды – войны и т. п. – тоже имели место, порой приобретая весьма враждебные формы, вплоть до открытой агрессии, что особенно ярко проявилось в годы Первой мировой войны.

Но в целом в своих впечатлениях и воспоминаниях иностранцы отмечали необыкновенное гостеприимство и радушие москвичей. С неподдельным восторгом они отзывались о достопримечательности Москвы, ее театрах и опере.

Однако многое вызывало у иностранцев удивление и даже неприятие. Москвичи сами сознавали эти недостатки и даже систематически высмеивали их. Так, в январе 1910 г. в Москве находилась чрезвычайная китайская миссия. Журналист газеты «Раннее утро» написал якобы от лица одного из членов миссии письмо на его родину: «Последний большой город, который мы видели, это была Москва, называемая сердцем

России. Если это верно, то Россия страдает пороком сердца. ... она могла бы набраться от нас культуры, но этого незаметно, по крайней мере, наружно. Вообрази себе, лучшая из матерей Поднебесной Империи, мы здесь не могли найти ни одной крысы, хотя спрашивали во всех хороших ресторанах. Правда, иногда здесь попадает крыса в запеченном хлебе, но варвары не только не одобряют этого деликатеса, но начинают сердиться и угрожают особому рода карой, которая здесь называется протоколом. Зато в Москве иногда попадают червячки в мясе, рыбе или колбасах. И, вообрази себе, что варвары тоже не одобряют такого способа пищи. Удивительно дикий народ»¹².

Больше всего доставалось московским дорогам, состояние которых, по мнению обывателей рубежа XIX–XX вв., мешало Москве войти в один ряд с другими европейскими столичными городами¹³.

Вообще, тема сравнения Москвы с другими европейскими городами систематически всплывала на страницах сатирической печати, причем почти всегда сравнение было не в пользу первой. Огромное затруднение для иностранцев, привыкших к европейскому сервису, представляли отсутствие недорогих гостиниц и невысокий общий уровень комфорта: «Москва не сделала почти ничего для того, чтобы встретить хорошо и приютить с комфортом всех тех иностранцев, которые обязательно останавливаются на день-два для осмотра достопримечательностей. <...> Прежде всего, в Москве приноровлены для приема иностранцев только две гостиницы, обе очень дорогие, и только в последнее время принаравливается к вкусам и требованиям иностранцев третья гостиница из недорогих. В общем, гостиницы эти далеко не оборудованы по образцу иностранных, где туристы в своих комнатах только отдыхают, а весь день проводят в читальнях, салоне, кофейне и зимнем саду при гостинице. Читальни и комнаты для корреспонденции есть при московских гостиницах, но нет столов, где иностранец мог бы принять гостей, нет тех общих комнат, где в уютной обстановке туристы могли бы себя чувствовать как дома, и проводить время в приятной беседе. С английскими привычками, вкусами и потреб-

ностями не считается ни одна московская гостиница. Французский (или швейцарский) завтрак можно получить в любой гостинице, но завтрака на английский манер не достать, ни за какие деньги»¹⁴.

Отмечалось также то, что иностранцы, интересовавшиеся достопримечательностями города, не могли воспользоваться услугами гидов: «Москва до сих пор не имеет ни одного гида, который говорил бы на наиболее распространенных европейских языках и мог бы оказать иностранцу, осматривающему Москву, существенную помощь. Иностранец, попавший в Кремль, должен поневоле выслушивать объяснения соборных и дворцовых служителей на непонятном иностранцу русском языке. Ориентироваться в Кремле можно только при помощи городских и добровольцев-мальчиков, играющих вблизи Царя-колокола, и ни одна надпись в Кремле, привлекающем ежегодно тысячи туристов-иностранцев, не сделана хотя бы только на одном из иностранных языков. До чего коммерческая Москва равнодушна к иностранцу, как к покупателю, показывает то обстоятельство, что в Москве нигде не встретишь надписи «on parle français» или «hier spricht man deutsch», в то время как в западно-европейских центрах можно повсюду увидеть надпись: «здесь говорят по-русски»¹⁵. Указанные недостатки способствовали снижению авторитета Москвы и ее жителей в глазах заграничных гостей.

Что касается взаимоотношений между самими иностранцами, то в Москве они предпочитали держаться достаточно замкнутыми группами по национальному или языковому признаку. В исследованных нами источниках не было выявлено открытой ксенофобии между представителями различных национальностей, каких-либо конфликтов на религиозной или этнической почве, но, вероятно, на бытовом уровне они могли присутствовать.

Многие иностранцы достаточно легко ассимилировались и адаптировались в московской среде, благодаря существованию иностранных колоний и исторически сложившемуся благоприятному отношению москвичей к чужеземцам.

Иностранцы, осевшие постоянно или на какое-то время в Москве, очень многое пе-

ренимали из русского образа жизни – нормы поведения, манеры, традиции, атрибуты быта, праздники и т. д.

Касательно проблемы ассимиляции германских подданных, составлявших абсолютное большинство среди иностранцев, проживавших в Москве, исследователи отмечали: «Даже тот из московских немцев, кто оставался германским подданным (одного из германских государств или позднее Германского рейха), перенимал манеры и нормы поведения русского окружения. Складывалось даже впечатление, что немцы довольно продолжительное время механически заимствовали русские внешние формы, не вникая в их содержание. В немецких семьях почти сразу же усваивалось русское обращение ко взрослым по имени-отчеству и к детям – в виде уменьшительно-ласкательных имен-прозвищ. В семьях, подвергшихся большей ассимиляции и близких к дворянско-аристократическому миру, ... детей в третьем поколении уже называли русскими именами. Немало немецких династий перенимали русские обряды и обычаи, отмечали русские религиозные и светские праздники. У многих немцев, как то было заведено в русском доме, в восточном, «красном» углу главной жилой комнаты (столовой или гостиной) висели иконы»¹⁶.

Тот же автор далее подчеркивает: «Благодаря... личным связям четкие границы между различными этническими группами на рубеже XIX–XX вв. начинали размываться. Дружившие со школьной скамьи, русские и немцы впоследствии становились и деловыми партнерами. Помимо офисов главным местом их встреч служили клубы или рестораны»¹⁷.

Однако большинство иностранцев на рубеже XIX–XX вв. сохраняли самоидентификацию нацменьшинства в российской столице.

Таким образом, можно говорить о достаточно успешной интеграции иностранцев в московское общество, их ассимиляции и часто «обрусении» в течение нескольких поколений. Однако в некоторой степени сохранялись взаимное национальное и культурное непонимание, неприятие отдельных реалий и традиций, недоверие между москвичами и представителями различных национальностей.

Примечания

¹ Дьяконова И. Швейцарские целители // Былое. 1992. Июнь.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Развлечение. 1912. 26 июля.

⁵ Дальманн Д. Менталитет московских немцев // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы (сборник докладов Международной научной конференции, посвященной 850-летию Москвы). М., 1997. С. 349.

⁶ Чехов А.П. Осколки московской жизни // Чехов А.П. Сочинения. М., 1987. Т. 16. С. 76.

⁷ Например: Вострышев М. Москва разгульная. М., 2008. С. 433.

⁸ Развлечение. 1908. № 32.

⁹ Развлечение. 1898. 2 мая.

¹⁰ Развлечение. 1898. 15 августа.

¹¹ Там же.

¹² Раннее утро. 1910. 8 января.

¹³ Московский листок. 1910. 25 августа.

¹⁴ Раннее утро. 1911. 19 августа.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Дальманн Д. Менталитет московских немцев. С. 341.

¹⁷ Там же. С. 348.

Л.М. Тодуа

К истории становления парламентской и партийной прессы в России

С созданием в России Государственной Думы, первое заседание которой открылось 27 апреля 1906 г., возникла необходимость регулярного освещения ее работы. Появился и новый вид прессы – парламентская печать и печатные органы политических партий, сыгравшие существенную роль в развитии страны. Деятельность думских печатных органов («Государственная Дума», «Дума», «Думский листок», «Народная Дума», «Звезда» и др.) практически не исследовалась в отечественной историографии, в советский период ей просто не уделяли должного внимания.

В издании этих печатных органов участвовал весь цвет русской интеллигенции того времени. А утро почти каждого обывателя не обходилось без чтения газеты для того, чтобы узнать последние новости о заседаниях Думы.

Но практически во всех публикациях дореволюционного периода прослеживается тесная взаимосвязь между политическими взглядами и позициями авторов, часто активно участвовавших в государственной и общественной жизни, и их оценкой форм и методов внутренней и внешней политики России, роли Думы в ее совершенствовании и в решении разнообразных проблем социально-политического, экономического и идеологического характера. Поэтому работы этого времени объективно не могли дать всесторонний анализ этих вопросов, однако и сегодня служат важным источником для изучения истории российского парламентаризма.

Лиана Михайловна Тодуа – историк, Московская область.

«В целом, в начале XX в. в нашей стране резко увеличилось количество печатных периодических изданий. Об этом свидетельствует статистика. Если в 1900 г. насчитывалось более 1000 периодических изданий (212 общественно-политических и литературных, 282 официальных и справочных, 508 специальных и научных; издавалось около 50 «Епархиальных ведомостей»), то в 1908 г. – 2028 изданий, из которых 826 общественно-политических и литературных, 836 религиозного содержания. А в 1917 г. в России было уже более 4000 периодических изданий»¹.

А 14 марта 1906 г. в свет вышла газета, какой не было до этого в России: «Государственная Дума». Это вечернее издание носило характер внепартийной ведомости русской общественно-государственной жизни. Во вступлении издания говорилось следующее: «Насущная необходимость издания такого органа, как “Государственная Дума”, станет очевидна каждому, кто, пожелав ознакомиться с политической жизнью в России вообще и, в частности, с жизнью политических партий, не удовольствуется знакомством с их программой, но найдет полезным представить себе ясную картину того, что данная партия уже сделала, какие пути она избрала для своей программы, каково отношение к другим партиям, как в свою очередь относятся к ней эти партии и, наконец, как смотрит на нее русский народ и русское общество. При такой попытке любознательный русский политик был бы поставлен в тупик, так как в нашей печати совершенно нет источников, которые помогли бы ему разобраться в истории деятельности партий и в их предположениях на будущее...»².

Газета «Государственная Дума» состояла из трех отделов. Первый отдел был посвящен политической жизни в России, также включал исторический обзор деятельности русских политических партий, обзор иностранной печати по отношению к политической жизни России. Второй отдел касался общественной жизни в России и за границей, в третьем велся дневник общих правительственных распоряжений. Не обходилось в газете и без публикаций, носящих скандальный характер.

Главной задачей издания было представить читателям как можно более полный обзор русской и иноземной политической жизни вообще и, в частности, ознакомить политических деятелей всех лагерей с действиями их единомышленников и противников.

А так как Манифест 17 октября 1905 г. открыл возможность формирования впервые в истории России легальных политических партий, то в конце 1905 – начале 1906 г. в стране стали появляться центральные органы возникших партий.

Первыми значение газеты в деле организации партии поняли социал-демократы и эсеры. Еще в 1900 г. они наладили выход за рубежом своих нелегальных органов «Искра» и «Революционная Россия». По тому же пути пошли будущие кадеты, двумя годами позже начавшие издавать журнал «Освобождение». Нелегальные газеты и журналы издавались с трудом, невозможно было выдерживать периодичность, а тем более тип издания.

С момента легализации партий постановка партийной прессы стала неотложной задачей. Первыми опять сориентировались радикальные партии, социал-демократы (большевики и меньшевики) и социалы-революционеры.

Для организации партийных легальных газет лидеры партий В. Ленин и В. Чернов, находившиеся в эмиграции, выехали в Россию. Но чтобы не привлекать излишнего внимания цензуры, несмотря на свободу печати, и та и другая партия не стали создавать новых газет, а предпочли воспользоваться уже выходившими или только что разрешенными изданиями.

Из многочисленных газет большевиков надо отметить центральный печатный ор-

ган социал-демократов – легальную пролетарскую газету «Звезда». Ее выпуск был налажен в Петербурге с конца 1910 г. Первоначально в ней принимали участие некоторые меньшевики (Иорданский, Плеханов и др.), но в целом это был большевистский орган, отстаивавший принципы революционного рабочего движения. В газете печатались В.И. Ленин, В.Д. Бонч-Бруевич, Е.С. Еремеев, М. Горький, Д. Бедный и другие. Издавалась она большим форматом, подобно другим легальным массовым газетам.

Меньшевики наладили выпуск своего печатного органа – газеты «Народная Дума», которая выпускалась ежедневно в Петербурге с 1907 г., всего вышел 21 номер. Редакторами издания были Ф.И. Гуревич, И.И. Клешиков. В издании освещались различные общественные проблемы с точки зрения классовой борьбы. Немало внимания уделялось заседаниям Государственной Думы и обсуждаемым в ней вопросам.

Социалы-революционеры также считали, что партия должна вырасти вокруг общего дела, каким может быть, прежде всего, издание газеты. К этому Союз и направил свои основные усилия, начав выпускать «Революционную Россию», которая впоследствии стала центральным органом партии эсеров. После выпуска двух номеров «Революционной России» в самой России третий вышел за границей в январе 1902 г. Печатным органом партии эсеров являлся также журнал «Вестник русской революции».

В конце 1906 г. стал выходить центральный орган «Союза 17 октября» – «Голос Москвы». В задачу партии октябристов входило создание периодики, которая служила бы противовесом крайней левой прессе. Газета выходила ежедневно, за исключением праздничных дней. Кроме публикаций в защиту интересов отечественной промышленности и торговли и общего экономического блага России, в газете с первых же номеров велась агитационная работа по привлечению новых членов в партию:

«От Центрального Комитета «Союза 17-го октября»

Московские граждане! Кто желает для нашего отечества деловой, работоспособной Государственной Думы, которая сумела

бы обновить всю нашу государственную жизнь мирным путем и воскресить нашу родину к прежнему могуществу и создать ей новое величие, кто идет против анархии и против насилия со стороны революционных партий, кто желает утверждения нашего государственного строя на началах, возведенных манифестом 17-го октября 1905 года, и дальнейшего мирного развития его, – пусть идет в "Союз 17-го октября"³.

Еще в 1900 г. сторонники самодержавия, поняв все преимущества сплоченной борьбы, объединились, основав Русское собрание, формально провозгласив чисто просветительские цели. Со временем Русское собрание расширилось, возникли его отделения в провинции, появились собственные печатные издания. «Русское знамя» и «Земщина» – центральные органы разных течений черносотенцев. Оставаясь выразителями идей самых реакционных групп русского дворянства, эти газеты неожиданно приобрели массовый характер. Первым издателем «Земщины» был депутат III Государственной Думы С.А. Володимиров, а практически бессменным редактором – известный журналист С.К. Глинка-Янчевский. В газете публиковались видные правые публицисты Н.А. Энгельгардт, Н.П. Тихменев, Г.Г. Замысловский и другие. На страницах газеты высказывались многие идеи, становившиеся неотъемлемой частью идеологии русских монархистов.

Кадетских же изданий было значительно больше, чем большевистских, меньшевистских и эсеровских, да и по своему объему они значительно превосходили социалистические печатные органы.

Вот что писалось в обращении ЦК кадетской партии к сочувствующим о создании особого фонда для издания газет партии: «В настоящее время всеми совершенно ясно сознается, что одним из лучших и наиболее могущественных способов широкой организации народных масс на почве нашей партийной программы является издание общедоступной народной газеты, ближайшей задачей которой во время сессии Государственной Думы должно быть ознакомление населения как с деятельностью самой Думы, так и с тактикой нашей парламентской фракции в Думе. Независимо от

этой специальной задачи такая газета как в период думских заседаний, так и во время перерывов в думской работе, во время думских каникул и в междудумье, создаваемое роспуском Думы или окончанием срока депутатских полномочий, должна преследовать и другие более общие задачи политического воспитания и просвещения широких народных масс в духе программы партии Народной Свободы, имеющей целью прочное водворение и укрепление в России конституционно-демократического строя коренное улучшение в условиях существования трудящихся масс»⁴.

Вследствие этого партией был налажен выпуск ежедневной общедоступной газеты: «Народная свобода – Думский листок», которая издавалась членом Государственной Думы А.А. Стаховичем, редактором был А.А. Корнилов. В издании газеты принимали участия многие из членов I и II Государственной Думы.

Затем по соглашению с издателями приостановленных газет «Народный Путь» и «Народная Свобода – Думский листок» подписчикам этих газет стала высылаться газета «Думский листок».

«...Предприятие это оказалось сопряжено с большими трудностями. Сельское население жаждет вестей о Думе, с жадностью набрасывается на газеты; но не привыкло еще их выписывать. В крестьянском бюджете еще не образовалось привычной расходной статьи на выпуск газет. Кроме того, как ни дешева наша цена на нашу газету, все же сельское население, обессиленное и разоренное, считает ее для себя обременительной. Несмотря на огромное сочувствие к газете широких слоев населения, далеко выходящих за рамки партии, "Думскому листку" нередко случается получать приговоры целых сельских обществ с просьбами о даровой высылке нашей газеты, не говоря уже о массе просьб народных библиотек, читален, чайных и др. подобных учреждений, а также отдельных крестьян и рабочих, которые при этом все ссылаются на отсутствие средств»⁵.

Основное внимание в «Думском листке» уделялось отчетам о заседаниях Государственной Думы и Государственного Совета, рассматривались также социальные проб-

лемы, существовавшие в обществе и обсуждавшиеся ими.

Также не менее значимой газетой кадетов, освещавшей работу Государственной Думы, была газета «Дума», ежедневная вечерняя общественно-политическая и литературная газета. Выходила она с 27 апреля 1906 г. (т.е со дня созыва Государственной Думы) в Петербурге, под общей редакцией П.Б. Струве, при ближайшем участии В.И. Вернадского, С.А. Котляровского, П.И. Новгородцева, И.И. Петрункевича. Во вступительной статье газеты говорилось: «На русскую историческую сцену выступает новая великая сила – организованное народное представительство. Эта новая сила в ближайшее время будет средоточие всей нашей государственной жизни. Освещению всех политических и общественных вопросов, в связи с работой Государственной Думы, будет посвящен наш орган. Направление газеты достаточно определяется именами ее редакторов и ближайших уча-

стников»⁶. Так как газета «Дума» выходила вечером, то в тот же день публиковала отчеты о заседаниях Государственной Думы.

Но февраль 1917 г. положил конец истории Государственной Думы Российской империи, прекратила свою деятельность и парламентская печать. Вместе с тем они оставили после себя существенные наработки, которые сегодня творчески используются нашей парламентской прессой и Государственной Думой. Опыт журналистики начала XX в. может оказать неоценимую помощь веку XXI.

Примечания

¹ Бережной А.Ф. История отечественной журналистики (конец XIX – начало XX в.): Материалы и документы. СПб., 1997. С. 13.

² Государственная Дума. 1906. 14 марта.

³ Голос Москвы. 1906. 23 декабря. № 1.

⁴ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Дело 112. Л. 2.

⁵ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Дело 118. Л. 2.

⁶ Дума. 1906. 3 мая. № 5.

Новости науки

Крюшонница из Музея хрустала имени Мальцовых

15 октября 2008 г. Государственный исторический музей и Музей хрустала имени Мальцовых (г. Гусь-Хрустальный) представили в Государственном историческом музее (Красная площадь, 1) экспонат проекта «Следы минувшего. Сокровища отечественной истории из музеев Российской Федерации в залах ГИМ» крюшонницу из Музея хрустала имени Мальцовых. Она была изготовлена между 1880 и 1899 гг. на Гусевском хрустальном заводе путем выдувания из зеленого стекла, расписанного золотом и цветными эмалями. Экспонирование приурочено к 95-летию со дня смерти последнего владельца мальцовских стеклянных заводов Юрия Степановича Нечаева – Мальцова (1834–1913), мецената и коллекционера.

Фамилия Мальцовых – самая знаменитая среди частных производителей стекла в России, история этой семьи прослеживается с 1634 г. Гусевский хрустальный завод был построен в 1756 – 1757 гг. в урочище Шиварово на р. Гусь купцом (впоследствии дворянином) Акимом Васильевичем Мальцовым и находился в собственности семьи до 1918 г. В 1797 г. на Гусевском хрустальном заводе работали 167 чел., перед Первой мировой войной – почти 1000 чел. Стоимость производимой продукции колебалась в пределах 200 – 400 тыс. рублей ежегодно. Завод являлся экспонентом и медалистом Всероссийских и Всемирных выставок. В 1849, 1861 и 1865 гг. он удостоивался высшей награды – права изображения Государственного герба на своих произведениях. В 1900 г. изделия Гусевского завода получили Гран-при на Всемирной Парижской выставке.

Крюшонные приборы начали изготавливать со второй половины XIX в., когда в России вошел в моду этот винно-фруктовый напиток. Данный прибор, выполненный в русском стиле в форме пасхального яйца, относится к изделиям, которые изготавливались малыми сериями. «Мальцовское стекло» и в начале XXI в. продолжает оставаться одним из самых удивительных феноменов русского стеклоделия.

А.Л. Кубасов

Внесудебные полномочия чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией

Характерной чертой Гражданской войны в России было то, что в условиях острейшего противостояния непримиримых политических сил наряду с судами репрессии применяли административные органы, особенно Всероссийская чрезвычайная комиссия; губернские и транспортные чрезвычайные комиссии.

Нормативные акты первых лет Советской власти закрепляли правовое положение чрезвычайных комиссий как специальных органов борьбы с противниками Октябрьской революции, большевистского режима. Все правовое регулирование деятельности чекистских органов было подчинено целям классовой борьбы, подавления так называемых «буржуазных и иных враждебных сил». В этих целях ВЦИК и СНК наделили органы ВЧК необычайно широкими полномочиями. Чрезвычайные комиссии пользовались правом проведения розыска (выявления подрывной деятельности противников Советской власти, шпионов, вредителей, саботажников, спекулянтов и т.д.), дознания и предварительного расследования дел о преступлениях, предупреждение и пресечение которых входило в компетенцию ЧК. В наиболее напряженные моменты Гражданской войны им предоставлялось право применения непосредственных, ничем не ограниченных внесудебных репрессий, заключавшихся в осуществлении расстрелов, взятии заложников, изоляции в концентрационных лагерях лиц, подозревавшихся во враждебной деятельности против Советской власти, и «классово-чуждых» элементов.

Александр Леонидович Кубасов – кандидат юридических наук, г. Вологда.

21 февраля 1918 г. в связи с угрозой немецкого наступления на Петроград Совнарком издал декрет «Социалистическое Отечество в опасности!», предписывавший Советам и всем революционным организациям принять неотложные меры для защиты республики от вражеского вторжения. Важнейшим из положений декрета являлся пункт: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»¹. В декрете не содержалось непосредственного упоминания чрезвычайных комиссий, но, несомненно, содержание приведенного выше пункта адресовалось прежде всего им. 23 февраля ВЧК, основываясь на постановлении СНК, напечатала в «Известиях ЦИК» объявление, гласившее, что указанные преступники будут беспощадно уничтожаться².

В обстановке белогвардейских мятежей и начавшейся иностранной военной интервенции 29 июля соединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, заслушав доклады В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого о текущем моменте и Красной армии, приняло резолюцию, в которой перед карательными органами Советского государства была поставлена задача «...обеспечить свой тыл, взяв под надзор буржуазию, проводя на практике массовый террор против нее»³. Последнее положение данной резолюции в то время не было реализовано. Его практическое проведение в жизнь началось позже – в сентябре 1918 г.

В сентябре Советское правительство прибегло к «красному террору». После

убийства 30 августа Наркома внутренних дел Петроградской коммуны, председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого и покушения на В.И. Ленина ВЦИК 2 сентября принял резолюцию, в которой отмечалось, что на белый террор врагов «рабочие и крестьяне ответят массовым террором против буржуазии и ее агентов»⁴.

В тот же день ВЧК послала в губернские ЧК телеграмму, требовавшую: «Первое: арестовать всех видных меньшевиков и правых эсеров и заключить в тюрьму. Второе: арестовать как заложников крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных Советской власти офицеров и заключить всю эту публику в концентрационные лагеря, установив самый надежный караул, заставляя этих господ под конвоем работать. При всякой попытке сорганизоваться, поднять восстания, напасть на караул – немедленно расстрелять. Третье: всех лиц, содержащихся за губчрезвычайками до сего времени, и у которых было найдено огнестрельное оружие, взрывчатые вещества – расстрелять немедленно по постановлению комиссии на местах, а также расстрелять всех лиц, явно уличенных в контрреволюции, заговорах, восстаниях против Советской власти. Четвертое: впредь у кого будет найдено огнестрельное оружие, взрывчатые вещества, кто будет явно уличен в контрреволюции, заговорах, восстаниях против Советской власти – без проволочек по постановлению губчрезвычайкомов, уездчрезвычайкомов – расстрелять. Пятое: бывших жандармских офицеров, исправников – расстрелять немедленно. Шестое: будьте сугубо аккуратны с рабочими, крестьянами, солдатами, когда они являются хранителями оружия; с контрреволюционерами их не расстрелять, держать в тюрьме. Седьмое: данный приказ выполнить неукоснительно, о каждом расстреле донести в Всечрезвычайком. Восьмое: за разглашение приказа привлекать к революционной ответственности»⁵.

5 сентября Совнарком принял постановление, согласно которому «прямой необходимостью» объявлялось «обеспечение тыла путем террора». Все лица, прикосновенные

к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, подлежали расстрелу. ВЧК предписывалось «обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях»⁶.

Политика «красного террора» на местах проводилась, как правило, с санкции или по прямому указанию партийных комитетов РКП(б). Так, в северном регионе России Петрозаводский окружной комитет партии, рассмотрев вопрос о проведении в губернии «красного террора», принял решение: «В связи с продолжением белого террора в виде единоличных покушений на убийства и убийств вождей революции предложить исполнительным органам Советской власти принять нижеследующие меры: 1) расстреливать всех арестованных, явно уличенных в активной контрреволюционной деятельности; 2) наложить на местную буржуазию контрибуцию в размере не менее 500 тыс. рублей, обязать внести эту контрибуцию под страхом расстрела в недельный срок; 3) ввести в продовольственном деле классовый паек с подразделением населения на соответствующие категории; 4) мобилизовать буржуазию для общественных работ; 5) уволить со службы всех, принадлежащих к партии правых эсеров»⁷. Выполнение данного решения возлагалось на губисполком и губернскую ЧК. Губчека, следуя указанию ОК РКП(б), произвела аресты заложников из числа бывших офицеров, интеллигенции и священнослужителей. 13 сентября четверо из них были расстреляны⁸.

В качестве примера можно привести также ряд постановлений, принятых Северодвинским губкомом партии. Вот некоторые из них: «Составить список нескольких самых крупных буржуев, которых держать в качестве заложников»; «Каждый расстрел должен быть санкционирован губернским комитетом партии»⁹.

В дальнейшем в связи с упрочением Советской власти ВЦИК уточнил полномочия чрезвычайных комиссий по применению внесудебных репрессий. На основании постановления «О правах ВЧК и ревтрибуналов» от 17 февраля 1919 г. за чекистскими органами сохранялось право непосред-

ственной расправы для пресечения преступлений при наличии вооруженных выступлений (контрреволюционных, бандитских и т. д.¹⁰. Такое же право предоставлялось чрезвычайным комиссиям в местностях, объявленных на военном положении. Органы ВЧК имели также право заключения враждебных элементов в концентрационные лагеря.

В приказе ВЧК № 208 от 17 декабря 1919 г. дано определение понятия «заложник». Под заложниками понимались задержанные чрезвычайными комиссиями члены организаций, боровшихся против Советской власти, а также представители «буржуазного» населения, угроза расстрела которых сдерживала неприятеля от расправы над захваченными им коммунистами, командирами и бойцами Красной армии. Следовательно, если в сентябре 1918 г. целью взятия заложников объявлялось предотвращение контрреволюционных заговоров и восстаний, то в декабре 1919 г. — сохранение жизни пленных товарищей.

Приказ предписывал председателям губчека взять на учет всех лиц, представлявших ценность в качестве заложников, и направить их списки в ВЧК. Заложниками должны были стать бывшие помещики, купцы, фабриканты, заводчики, банкиры, крупные домовладельцы, офицеры старой армии, видные чиновники дореволюционного режима, активисты противосоветских партий, родственники лиц, сражавшихся с Советской властью¹¹. Таким образом, в основе выбора заложников лежал принцип социально-классовой принадлежности. При этом участь невинных людей ставилась в зависимость от действий противников большевистского режима.

Предоставлявшееся чрезвычайным комиссиям право на осуществление репрессий расширялось и сужалось с изменением военно-политической обстановки. Так, 1 января 1920 г., после разгрома войск Деникина, Колчака и Юденича, Ф.Э. Дзержинский подписал приказ № 2, согласно которому ЧК лишались права расстрелов. 17 января ВЦИК и СНК издали совместное постановление, отменявшее применение высшей меры наказания (расстрела) по внесудебным решениям ВЧК и ее местных органов¹².

Однако с началом войны с Польшей применение расстрелов по постановлениям чрезвычайных комиссий возобновилось¹³.

В соответствии с декретом ВЦИК от 18 марта 1920 г., утвердившим «Положение о революционных трибуналах», закреплялся порядок, при котором в случаях, когда дознанием не было установлено достаточных данных для направления дел в трибунал, чрезвычайные комиссии имели право в административном порядке заключать подсудимых в лагерь принудительных работ на срок до пяти лет¹⁴.

В приказе ВЧК № 48 от 17 апреля 1920 г. Ф.Э. Дзержинский разъяснил данный пункт декрета следующим образом: «Закон дает ЧК возможность административным порядком изолировать тех нарушителей трудового порядка, паразитов и лиц, подозрительных по контрреволюции, в отношении коих данных для судебного наказания недостаточно, и где всякий суд, даже самый суровый, их всегда или в большей части оправдывает»¹⁵. В эту категорию заносились бывшие помещики, капиталисты, князья, царские чиновники. Сюда же причислялись лица, в отношении преступной деятельности которых имелись только розыскные, т.е. оперативные данные.

Точное количество жертв «красного террора», как и общее число расстрелянных чрезвычайными комиссиями и погибших от голода, холода и болезней в концентрационных лагерях за годы Гражданской войны, вряд ли когда-нибудь удастся установить. Следственные дела в отношении жертв репрессий либо отсутствуют вообще, либо оформлены в спешке. Предъявлявшиеся подсудимым обвинения зачастую не подкреплялись соответствующими доказательствами. В числе расстрелянных и взятых в заложники оказались как члены заговорщических организаций, так и лица, чья вина в расстрельных списках обозначалась словами «правый с.-р.», «слуга царской власти», «жена кулака» и т. д.¹⁶

Репрессивная деятельность органов ВЧК формально не была противозаконной. Ущербен был сам закон, служивший не защите прав граждан, а целям классового противоборства, создававший условия для государственного произвола. Право в дан-

ном случае служило средством узаконения внесудебного преследования политических сил, выступавших против большевиков, советского государственного и общественно-го строя, а также тех слоев населения, которые признавались согласно коммунистической идеологии «классово-чуждыми» пролетариату.

Придерживаясь принципа объективности в оценке событий Гражданской войны, необходимо также отметить, что аресты политических противников, внесудебное направление граждан в концлагеря, расстрелы применяли не только органы ВЧК, но и белая контрразведка.

Так, в августе 1918 г. после антисоветского переворота и высадки экспедиционного корпуса войск Антанты режим военной диктатуры был установлен в г. Архангельске. Практически сразу после захвата власти английский генерал-майор Ф. Пуль издал приказ, запрещавший собрания, митинги и другие сборища на улицах, в общественных местах и на частных квартирах¹⁷. Вслед за этим последовал приказ, согласно которому смертной казнью каралось распространение среди населения «...слухов об одержанных большевиками победах и возможности их приближения»¹⁸.

Массовый характер приобрели аресты сторонников Советской власти. На острове Мудьюг интервенты и белогвардейцы организовали концентрационный лагерь для политических заключенных¹⁹. Для ликвидации последствий большевистского режима была учреждена Особая следственная комиссия, которая могла во внесудебном порядке заключать в концентрационные лагеря лиц, деятельность которых являлась, по ее мнению, «...угрожающей государственному строю, интересам армии и общественной безопасности»²⁰.

Гражданская война, ставшая величай-

шей трагедией в истории нашей страны, диктовала и «красным», и «белым» особую логику поведения, при которой человеческая жизнь, права и свободы личности приносились в жертву во имя победы в развернувшемся противоборстве.

Примечания

¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 491.

² Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. Сборник документов. М., 1958. С. 95–96 (Далее – Из истории ВЧК).

³ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 107.

⁴ Из истории ВЧК. С. 179–180.

⁵ Центральный архив ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 2. Л. 42.

⁶ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 65. С. 710.

⁷ КГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 35.

⁸ Известия Олонекского губисполкома. 1918. 14 сентября.

⁹ ГАНПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 41, 56–57, 92.

¹⁰ Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 400–402.

¹¹ Из истории ВЧК. С. 345–347.

¹² Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 104–105.

¹³ Декреты Советской власти. М., 1976. Т. 8. С. 225.

¹⁴ Декреты Советской власти. Т. 7. С. 454–455.

¹⁵ Из истории ВЧК. С. 386.

¹⁶ Ежедневник ЧК. М., 1918. № 3. С. 27.

¹⁷ См.: Г.Е. Мырнин. Октябрь на Севере. М., 1967. С. 138.

¹⁸ Северный фронт. Борьба советского народа против иностранной военной интервенции и белогвардейщины на Советском Севере (1918–1920). Документы. М., 1961. С. 32.

¹⁹ См.: Гражданская война в Сибири и Северной области. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М.-Л., 1927. С. 271.

²⁰ ГА РФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 44. Л. 24.

О.Ю. Бухаренкова

Культурно-просветительная деятельность среди безработных в 20-е гг. XX в.

В годы новой экономической политики (НЭП) в условиях постоянно возrastавшей безработицы на первый план вышла деятельность государства в сфере регулирования рынка труда. Центральным органом, занимавшимся вопросами безработицы, стал Отдел рынка труда при Народном комиссариате труда (НКТ). На местах создавалась сеть губернских отделов труда. А непосредственная реализация принципов государственной политики учета, контроля и помощи безработным, а также борьбы с безработицей была возложена на вновь восстановленные биржи труда. Деятельность бирж труда постоянно подкреплялась различными государственными нормативными актами. Существенное влияние на их работу оказывали профсоюзы. Но при этом за биржами оставалась определенная степень самостоятельности при решении местных вопросов.

Безработица с каждым годом охватывала все большее число жителей страны. Обусловленная целым рядом причин, она для многих категорий населения носила устойчивый застойный характер. Резервная армия труда, зарегистрированная в государственных органах, представляла собой серьезную опасность радикализации масс. Около половины всех безработных составляли женщины и подростки с низкой квалификацией. Именно среди них безработица имела застойный характер. Однако в первые годы НЭПа значительное число ищущих труда составляли квалифицированные пролетарские элементы. Их сохранение

и концентрация вокруг органов труда являлись важной задачей в перспективе будущего развития страны.

Перед правительством и органами НКТ стояла серьезная задача по снятию социальной напряженности среди безработных, а также удержанию их от переезда в сельскую местность в поисках средств существования, что было характерно для времен «военного коммунизма». Поэтому важное место в деятельности бирж труда занимал вопрос об оказании посильной помощи временно незанятому пролетариату.

Помимо общей стратегии ликвидации безработицы через индустриализацию, кооперацию и культурную революцию, в годы НЭПа был разработан и применен целый ряд мер содействия безработным. Положительным моментом всей государственной политики в области борьбы с безработицей была вариативность в оказании помощи безработным. Она включала в себя материальную, трудовую и культурно-просветительную поддержку незанятого населения.

Особым направлением в деятельности бирж труда в 1920-е гг. являлась организация и ведение культурно-просветительной работы. Ее целью было разъяснение безработным их прав и обязанностей, причин массовой безработицы и деятельности государственных органов по борьбе с ней. Особым направлением культурно-просветительной работы являлась партийная и профсоюзная агитация, в связи с чем именно на профсоюзы возлагалась основная задача по реализации культпросвета на биржах труда. С 1925 г. на биржах труда началась деятельность по обучению и пере-

Ольга Юрьевна Бухаренкова – аспирантка кафедры политической истории ФГУ МГУ им. М.В. Ломоносова.

обучению безработных в целях повышения их квалификации.

Средства на проведение мероприятий в рамках культпросвета выделялись из общего фонда биржи, а также могли направляться отдельными профсоюзами. В 1922–1923 гг. культурно-просветительная работа велась слабо. Комитет Воронежской биржи труда в ноябре 1923 г. сообщал, что до сего времени никакой культработы среди безработных ни одним профсоюзом не велось. Аналогичная информация поступала и от других бирж.

На биржах создавались культурно-просветительные комиссии, которые вносили предложения по организации тех или иных работ в этой области. В основном эти предложения сводились к указанию на необходимость создания информационных стендов, оформлению помещений бирж. Это было связано с небольшой себестоимостью таких мероприятий. Так, на заседании культурно-просветительной комиссии Нижегородского губернского отдела труда (ГОТ) от 2 февраля 1924 г. было принято решение вывесить в помещении биржи труда плакаты на следующие темы: «Нужна ли биржа труда»; «Связь биржи труда с нанимателями»; «Обязанности безработных по отношению к бирже труда»; «Причины безработицы»; «Борьба с безработицей»; «Органы рынка труда у нас и за границей»; «Кому и как жаловаться на недочеты в работе биржи труда»; «Как получить пособие по безработице» и т.п.¹ В марте того же года было внесено предложение поместить во всех секциях биржи портреты В.И. Ленина и плакаты с выдержками из его трудов. Но даже такие предложения подчас наталкивались на нехватку средств на их реализацию.

В результате в целях разъяснения важности и необходимости оказания всемерной моральной и культурно-просветительной помощи безработным 14 апреля 1924 г. было направлено соответствующее циркулярное письмо. В нем указывалось, что острая нужда и застойность безработицы вызывали среди безработных деморализацию и упадочническое настроение. В Москве число самоубийств в 1922 г. увеличилось по сравнению с 1921 г. на 24 %. Неувереннее

всего в новой экономической обстановке чувствовали себя мужчины, среди которых число самоубийств за этот же период времени увеличилось на 56 %².

Безработица также влияла на рост правонарушений, в том числе со стороны безработных. В Москве в 1924–1925 гг. за хулиганство был задержан 581 безработный, что составило 18 % от общего числа задержанных³.

Органами НКТ и ВЦСПС был разработан ряд мер, которые следовало с учетом местных условий реализовывать. К ним относились: созыв общих собраний, прикрепление безработных к клубам учреждений и предприятий, проведение лекций по политическим и профсоюзным вопросам, предоставление для общего пользования различных газет, журналов, брошюр, организация бесплатного распространения билетов на спектакли, концерты, лекции. Немаловажным направлением в культурно-просветительной деятельности бирж и профсоюзов были мероприятия по ликвидации неграмотности среди безработных.

Разгрузка бирж после их реорганизации в августе 1924 г., а также усиление внимания со стороны профсоюзов позволили повысить уровень культурно-просветительной деятельности на местах. В Нижнем Новгороде к осени 1924 г. была налажена следующая работа: на бирже труда создали «Красный уголок», а на территории города – пункт ликвидации неграмотности, 2 школы для малограмотных, 2 школы политграмоты, в которые было вовлечено 120 человек. Были организованы кружки по профессиональному движению и естествознанию. Начался выпуск стенгазеты безработных. Во всех комнатах биржи труда были устроены столы с газетами и журналами. Ежедневно для безработных проводились 2 лекции по природоведению, с уклоном в антирелигиозную пропаганду⁴. Биржи труда начали активно приобретать книги для библиотеки.

В отчете о проделанной работе Орловской биржи труда сообщалось, что в области культпросвета были проведены следующие мероприятия: открытые собрания, приуроченные к 8-й годовщине Октябрьской революции, 20-летию начала револю-

ции 1905 г.; 2 антирелигиозные лекции для аудитории в 450 человек. Красный уголок ежедневно посещало около 150–170 человек, действовали кружки: шахматно-шашечный, безбожников и др.⁵

Крупные биржи труда Москвы и Ленинграда выпускали даже небольшие газеты и брошюры, сообщавшие о мероприятиях по борьбе с безработицей, а также об интересных событиях из жизни безработных. Например, в газете «Общественка» – органа культкомиссии Бюро общественных работ Московской биржи труда – была помещена статья о религиозной агитации во время общественных работ на Мамоновой даче. Помимо прямой агитации, неуставленными лицами исполнялся переделанный Интернационал:

«Ведь мы работники всемирной,
Великой армии Христа,
Мы христиане во вселенной
Должны примером быть всегда...»⁶.

Автор статьи жаловался на слабую культурную работу со стороны биржи и профсоюзов, что и являлось, по его мнению, основной причиной такого «безобразия».

В Воронежской губернии в рамках культурно-просветительной работы была открыта и содержалась школа по ликвидации неграмотности среди безработных, в которой в 1924 г. обучалось до 250 человек⁷.

Говоря о культурно-просветительной деятельности профсоюзов, следует отметить, что во многом она была поставлена чрезвычайно слабо. Так, Сибирский ГСПС в докладе ВЦСПС от 16 декабря 1921 г. помимо всего сообщал, что «по борьбе с безработицей союзами никаких мер не принималось, тем более в области культпросвета»⁸. Это было вызвано тем, что в первые годы НЭПа профсоюзы вообще недостаточно активно включились в борьбу с безработицей, а также отсутствием на биржах труда специальных помещений, где возможно было осуществлять контакты с безработными. В феврале 1927 г. культурно-просветительная работа ввиду отсутствия помещений совершенно не велась в таких крупных городах как Вологда, Гомель, Иваново-Вознесенск, Нижний Новгород, Рязань, Ростов-на-Дону, Краснодар, Тула, Красноярск и Сталинград.

В 1924 г. Тульский ГСПС информировал, что в клубы вовлечено лишь 3 % безработных (245 человек), в кружках задействовано 1,2 % (90 человек)⁹. Эта проблема не была до конца решена и к 1927 г., что существенно затрудняло агитационную работу представителей профсоюзов на биржах труда. Лишь 27 августа 1927 г. постановлением Президиума ВЦСПС отменили взимание с безработных ежемесячных клубных взносов, что позволило расширить число лиц, входящих в них. Можно сделать вывод о том, что причиной слабой профессиональной и культурно-просветительной работы был, прежде всего, объективный фактор (отсутствие помещений), не связанный с непосредственной деятельностью профсоюзов.

С 1925 г. перед биржами труда встала задача активной увязки своей работы с ходом подготовки квалифицированной рабочей силы во всех ее видах. Наблюдалось расширение государственного аппарата, в частности, в связи с окончательным формированием наркоматов РСФСР. Значительно расширялся также кооперативный аппарат и вообще вся товарообменная и распределительная сеть. Так, на пленуме ЦК профсоюза совторгслужащих было указано, что по приблизительным подсчетам в 1925/1926 г. потребуется до 83 000 квалифицированных совторгслужащих, причем кооперации понадобится 33 000 чел., госторговле – 6 500, банкам – 4 500, промышленным предприятиям до 20 000 человек¹⁰. Требовались преимущественно бухгалтеры, счетоводы, кассиры, конторщики, делопроизводители, машинистки и товароведы, то есть лица с определенной квалификацией.

Такая же ситуация наблюдалась и в других отраслях народного хозяйства. Из отчета Вятской губернской биржи труда за 1924/25 хозяйственный год следует, что ощущалась нехватка квалифицированной рабочей силы (котельщиков и строгалей по хрому)¹¹.

В связи с этим биржи труда начали вести работу по выявлению точного количества необходимого спроса; проводить бригадное ученичество; открывать специальные курсы и направлять подростков в существующие производственные коллективы безра-

ботных. В циркулярном письме НКТ РСФСР от 18 ноября 1925 г. «Об общем направлении работы трудовых коллективов в связи с задачами подготовки квалифицированной рабочей силы» разъяснялось, что в новых условиях деятельность коллективов должна быть направлена, наряду с оказанием трудовой помощи безработным, так же и в сторону подготовки последних к тем или иным специальностям, в соответствии с требованиями промышленности. С января 1927 г. безработные работники просвещения стали привлекаться на курсы переподготовки¹². К переобучению следовало приобщать тех безработных, профессия которых являлась менее востребованной, особенно это касалось женщин и подростков.

Итак, с 1925 г. акцент в культурно-просветительной работе был сделан в сторону подготовки и переподготовки квалифицированных и полуквалифицированных кадров. Вопросы агитации и моральной поддержки безработных несколько отошли на второй план. Существенную роль в деле культпросвета продолжали играть общественные организации, прежде всего профсоюзы и женотделы.

На протяжении всего исследуемого периода культурно-просветительная работа среди безработных воспринималась как важная составляющая не только политики ликвидации безработицы, но и всего процесса культурной революции. Однако решение этой задачи наталкивалось на серьезную проблему – отсутствие дополнительных средств в бюджете бирж труда. А учи-

тывая то, что финансов порой не хватало и на проведение более важных мероприятий по борьбе с безработицей, таких как организация общественных работ и открытие и поддержание коллективов из безработных, то, естественно, реализация задач культпросвета откладывалась на последнюю очередь.

Культурно-просветительная деятельность бирж труда сводилась к оказанию моральной поддержки безработным, проведению среди них политической агитации. Но кроме этого культпросвет решал важные практические задачи ликвидации безграмотности и повышения квалификации среди безработных.

Примечания

¹ ГАРФ. Ф. А-390. Оп. 4. Д. 1296. Л. 89.

² Данилин А.Б. Нэповская Россия: «социалистическая рационализация» рынка труда // Новый исторический вестник. 2001. № 1. С. 34.

³ См.: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998. С. 178.

⁴ ГАРФ. Ф. А-390. Оп. 4. Д. 1296. Л. 249.

⁵ Там же. Д. 1453. Л. 50 об.

⁶ Там же. Д. 1263. Л. 143.

⁷ Там же. Д. 1274. Л. 91 об.

⁸ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 5. Д. 520. Л. 10.

⁹ Там же. Оп. 9. Д. 349. Л. 5.

¹⁰ См.: Гиндин Я.И. Наш хозяйственный подъем и новые задачи регулирования рынка труда. М., 1925. С. 9.

¹¹ ГАРФ. Ф. А-390. Оп. 4. Д. 1439. Л. 4 об.

¹² См.: Известия НКТ СССР. 1927. № 3. С. 9.

И.Г. Иванцов

КК-РКИ ВКП(б) как проводники решений партии на селе в конце 1920-х — начале 1930-х гг. (на материалах Северного Кавказа)

С конца 1920-х гг. комиссии внутрипартийного контроля (КК) ВКП(б), помимо выполнения своей основной задачи – контроля всех аспектов внутренней жизни ВКП(б) стали активно контролировать проведение хлебозаготовок. Контроль осуществлялся через партийные структуры, парторганизации и ячейки ВКП(б) в колхозах и совхозах. В ряде зерновых районов Северного Кавказа это стало одной из их основных задач. Одновременно отношение к хозяйственно-политическим кампаниям становилось мерилком коммунистов, особенно на селе. Начиная с 1928–1929 гг. отчеты по контролю партийных мероприятий на Кубани и Северном Кавказе, касающихся исполнения планов хлебозаготовок и борьбы с «кулацким саботажем», неизменно выступают на первых ролях.

Уже в конце 1930 г. по решению Северо-Кавказской краевой КК-РКИ все председатели районных КК и освобожденные работники были срочно отозваны из отпусков «для обеспечения проведения хозполиткомпании»¹. Началась непрерывная работа в авральном режиме. Так парттройка Ейской КК-РКИ констатировала срыв хлебозаготовок в станице Новошербиновской. Хлеб у кулаков был изъят весь, но его не хватило для выполнения плана, из чего последовал вывод: «станичная ячейка не нажала на кулацкую часть, члены станичного совета практически не работают». Хлебозаго-

Игорь Григорьевич Иванцов – доцент кафедры общественных дисциплин Краснодарского краевого института дополнительного профессионального педагогического образования.

товки (на начало октября) были выполнены колхозниками на 47 %, единоличниками на 39,6 %. Самым позорным было признано то, что «партийцы отказывались от изъятия у зажиточных хозяйств хлеба и хныкали, жалея их»². Крымская КК в качестве меры противодействия грядущему провалу хлебозаготовок и коллективизации решила мобилизовать всех членов президиума КК-РКИ в населенные пункты района «для проведения недельного ударника (с 1 по 7 ноября 1930 г.) по зачистке всех хозяйственно-политических кампаний». Однако эффект от проведения этого «ударника» оказался нулевым³.

Государство в лице районных властей подключило все имеющиеся средства для пропаганды кампаний по коллективизации и хлебозаготовкам. Первые полосы районных газет пестрели характерными заголовками: «Мы совершаем преступление перед страной», «Не допустить срыва», «Срываем сев», «Сев и коллективизация в центре внимания» и т. п.⁴ Районная газета «Армавирская коммуна» тогда же в передовице обобщила данные об ударном двухнедельнике хлебозаготовки в станице Упорной, который с позором провалился. Ответственные за провал предупреждались об уголовной ответственности за срыв хлебозаготовок и осеннего сева⁵.

Пытаясь добиться от ячеек выполнения планов хлебозаготовок, Лабинская районная КК рекомендовала во многих сельских партийных ячейках менять их руководство, присылать для «усиления» людей из района. Так КК потребовала сменить руководство ячеек села Псебай, станицы Мостовой.

Были заменены руководители партийных ячеек хутора Красный Кут, станиц Махшевской, Ярославской, Владимировской, Губской, Переправной и многих других⁶. В станице Костромской это не помогло, и ячейка решением президиума КК Майкопского округа 3 августа 1930 г. была распущена, а борьбой с кулаками во имя выполнения плана заготовки хлеба занялись районная прокуратура и ОГПУ⁷.

В ряде районов Донского и Кубанского округов, начиная с июня месяца, с подачи Ейской районной КК было заведено несколько уголовных дел. Причиной стали случаи мошенничества, приписок и фальсификаций с экспортными хлебозаготовками в Ейском, Куцевском, Павловском, Староминском, Уманском районах. За период с 25 июля по 24 октября 1930 г. «Экспорттрест» получил 128 вагонов зерна для отправки за рубеж, из них 39 вагонов оказались с бракованным зерном. В станице Шкуринской ссыльной пункт отгружал, например, заведомо прелое зерно⁸. Такие случаи были не единичны. В результате с подачи ряда районных КК началась немедленная чистка соваппарата конторы «Экспортхлеб». В 1930 г. на основе постановления ЦК «О колхозной ячейке» в крае прошла частичная реорганизация сельских и станичных ячеек в колхозные с целью придания им большего значения.

Чрезвычайные меры зачастую инспирировались самими КК. Президиум КК Тимашевского района на своем собрании 25 сентября 1930 г. вызвал на заседание народных судей 1-го и 2-го участков района, начальника административного отдела (милиции), уполномоченного ОГПУ, прокурора района. Их прямо обвинили в «слабом воздействии и непринятии решительных мер по отношению к сопротивляющейся кулацко-зажиточной и антисоветской части населения в вопросах проведения госполиткомпаний». В вину им также было поставлено, что за период с 1 августа по 23 сентября 1930 г. по таким фактам противодействия ими было заведено и рассмотрено всего лишь 25 дел⁹.

Превращение чрезвычайных мер в постоянную политику партии на селе встречало сильный отпор. Характерным примером

явились события в Белореченском районе, где в селах Великом, Вечном, хуторе Привольном в течение всего июля 1930 г. проходили собрания и митинги против насильственного раскулачивания и хлебозаготовок. На них велись разговоры о том что «Советская власть душит крестьян налогами, грабит хлебозаготовками, колхозы поработают и закабаляют в барщину крестьян». В правления было подано множество заявлений о выходе из колхозов. Особенно сильными были народные волнения в селе Великом.

В Сальском округе при проведении хлебозаготовок в 1929/1930 г. секретарем окружного комитета ВКП(б) Падериным был издан ряд указов и распоряжений, в соответствии с которыми по ночам проводились обыски и изъятия зерна, в которых участвовали заместитель председателя Сальского исполкома Бондаренко и секретарь Цимлянского райкома Акимов. Падерин писал «расплывчатые циркуляры» с предложениями «зверски и жестоко» нажать на кулацкую и зажиточную верхушку. Но в связи с отсутствием четкости в определениях, меры по заготовкам местными работниками в целом ряде станиц применялись не только к кулакам, но и к середнякам, и к беднякам. Причем одна из директив Падерина «оставить кулака без штанов» была понята и исполнена буквально. Изымалось все вплоть до детских пеленок и пустых бутылок. Все отнятое зерно свозилось на заготовительные пункты.

Применение подобных мер стало причиной ряда вооруженных выступлений жителей села, прокатившихся в Воронцово-Николаевском, Белоглинском и Цимлянском районах. Северо-Кавказским крайкомом ВКП(б) они квалифицировались как выступления «недобитых белых». Впрочем, краевое начальство ясно понимало причины крестьянских выступлений. Краевой КК-РКИ за «допущение левых загибов» было осуждено руководство Сальского округа, а персональное дело главного виновника событий – Падерина – было передано на рассмотрение в Центральную контрольную комиссию ВКП(б)¹⁰.

Органы КК-РКИ (согласно нормативным актам) имели право передавать неко-

торые дела в судебные органы. «НК РКИ РСФСР предоставляется право возбуждения в административном и судебном порядке преследования должностных лиц за преступления и проступки, обнаруженные в процессе работ, производимых РКИ. В указанных случаях НК РКИ обращается с предложением к судебнорозыскным органам и прокуратуре...»¹¹. Однако милиция, а также судебно-следственные органы и так находились под плотной опекой органов внутрипартийного контроля, которые зачастую вмешивались в их работу, диктовали им свои условия, вызывали должностных лиц перечисленных органов на свои заседания, отчитывали и указывали, что им делать.

4 ноября 1932 г. состоялось заседание бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) с участием представителей ЦК партии. В постановлении «О ходе хлебозаготовок и сева на Кубани» отмечалось, что декрет от 7 августа 1932 г. слабо применяется, и «предлагалось» краевому суду и прокуратуре рассмотреть 20 дел, а приговоры опубликовать в печати. Органы ОГПУ должны были усилить карательные меры¹². В районах края контрольные комиссии начали компанию по «сокрушению сопротивления кулака и его агентуры», которая заключалась в проверке деятельности всех виновных в провале хлебозаготовок: колхозных работников, работников нарсуда, милиции и прокуратуры и т. д.

Массовые репрессии до предела накалили обстановку в деревне, явились основным источником недовольства и сопротивления крестьянства, вплоть до открытых антиколхозных и антисоветских выступлений. В деревне сложилась взрывоопасная обстановка, чреватая катастрофическими для страны и правящей элиты последствиями. Райкомы партии (и КК-РКИ как органы, непосредственно контролирувавшие проведение продзаготовок) не справились с поставленной задачей. Плановые показатели были невыполнены, начался голод. Высшее руководство партии и государства осознавало это, решив создать чрезвычайные органы в сельском хозяйстве.

На январском (1933 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) было решено

организовать политотделы МТС, чтобы с их помощью устранить перечисленные опасности в самый короткий срок¹³. Политотделы отличались от обычных партийных органов тем, что они юридически обладали правом осуществлять и политические, и хозяйственные функции: начальник политотдела МТС одновременно являлся заместителем директора МТС и наряду с директором отвечал за выполнение МТС производственных и заготовительных планов, за организационно-хозяйственное состояние колхозов и т. д. Перед работниками МТС и колхозниками политотдельцы выступали не только как партруководители, но и как административно-хозяйственные работники. Наличие в составе политотделов зама по ОГПУ позволяло им эффективно выполнять функции карательных органов. Всего же в штате политотдела МТС при его полной укомплектованности было шесть человек: начальник политотдела, два заместителя (по партийно-массовой работе и по ОГПУ), помощники по комсомольской работе и по работе среди женщин, редактор многотиражной газеты.

Политотделы не подчинялись сельским райкомам партии (равно как сельским советам и районным земельным органам), на территории которых размещались и работали. Начальники политотделов МТС назначались и смещались ЦК ВКП(б) по представлению первых секретарей крайкомов, обкомов и ЦК компартий союзных республик, а также Политуправления МТС Наркомзема СССР и непосредственно подчинялись (в низшей инстанции) политсектору МТС краевого (областного) земуправления. Заместитель начальника политотдела по ОГПУ подчинялся еще и соответствующим органам ОГПУ. Таким образом, с начала 1933 г. стало существовать два центра руководства партийно-политической (а в известной степени и хозяйственной) работой на селе: политотдел МТС и райком ВКП(б)¹⁴. Политотделы МТС колхозов и совхозов, находясь на местах, более эффективно проводили контроль заготовок, чистки сельских ячеек, коллективов и т. д.

Контроль над осуществлением партийных постановлений, как подчеркивалось во всех директивных документах ЦКК ВКП(б),

стал основным направлением в деятельности как Центральной, так и местных КК в период 1930–1934 гг. В конце 1933 г. были приняты постановления Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б), называвшиеся «Организационные мероприятия в области усиления партийно-советского контроля» и закрепленные затем в решениях XVII съезда партии. Фактически речь шла о ликвидации партийно-государственного контроля в том виде, в котором он существовал ранее. Объяснялось это ликвидацией эксплуататорских классов, исчезновением социальной базы «антиленинских» течений, а также тем, что во внутрипартийной деятельности ЦКК занималась контролем исполнения партийных решений и борьбой с нарушениями партдисциплины, что дублировало работу ЦК. На селе политотделы МТС здорово потеснили районные КК–РКИ, перехватив в значительной мере исполнение функций, ранее выполняемых ими.

Главная же причина была в ином. Внутрипартийной демократии, следить за соблюдением норм которой изначально был призван внутрипартийный контроль, фактически больше не существовало. Все попытки оппозиционных группировок сохранить ее при отрицании демократии во всем обществе провалились. Исчерпан был смысл существования внутри партии крупного самостоятельного органа, который мог принимать ответственные решения, влияющие на партийную жизнь, помимо ЦК. XVII съезд партии (26 января – 10 февраля 1934 г.) постановил преобразовать ЦКК в избираемую съездом партии Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) со своим аппаратом в центре и постоянными представителями в республиках, краях,

областях, назначаемыми и отзываемыми Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б). Аппарат ЦКК был передан вновь созданной комиссии, ее руководителем было решено назначить одного из секретарей ЦК¹⁵. Фактически внутрипартийный контроль в том виде, в каком он существовал с 1920 г., был ликвидирован.

Примечания

¹ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 8485. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

² ЦДНИКК. Ф. 439. Оп. 1. Д. 29. Л. 10, 15, 29, 68, 125.

³ ЦДНИКК. В. 6397. Оп. 1. Д. 16. Л. 53–55.

⁴ За Коммуну. Газета Кропоткинско-го района ВКП(б), РИКа и Райсовпрофа. 28 сентября 1930 г. № 13 (47).

⁵ «Армавирская коммуна». Орган Армавирского райкома ВКП(б) и РИКа. 18 сентября 1930 г. № 4.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 10578. Оп. 1. Д. 6. Л. 27, 51, 54, 56–60, 62.

⁷ ЦДНИКК. Ф. 10578. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–6.

⁸ ЦДНИКК. Ф. 439. Оп. 1. Д. 28. Л. 53.

⁹ ЦДНИКК. Ф. 3643. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–6.

¹⁰ ЦДНИКК. Ф. 8003. Оп. 1. Д. 5. Л. 19–20.

¹¹ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 406. Оп. 1. Д. 561. Л. 8.

¹² Пролетарский контроль. Ежемесячный иллюстрированный журнал Северокавказской краевой КК–РКИ. 1932 г. № 10–11 (34–35). С. 4–5.

¹³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 6. 1933–1937. М., 1985. С. 21–32.

¹⁴ Зеленин И.Е. Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934 гг.) // Отечественная история. 1992. № 6. С. 44.

¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т. 6. М., 1985. С. 132–133.

А. В. Новичков

Государственная политика в области народного образования в СССР в 30-е гг. XX в.

История советской партийно-государственной политики в сфере народного образования есть, по сути, история его реформирования «сверху», что не раз приводило к существенным сдвигам во всей школьной жизни, в практико-ориентированной педагогической науке. «Волна» «революционной перестройки» исторически сложившейся образовательной системы России в первые послереволюционные годы сменилась «волной», поднявшейся на гребне развертывавшейся в стране «новой экономической политики». Третья «волна» глобальных изменений пришлось на годы «сталинских пятилеток». Установки школьной политики 1920-х гг. на воспитание сознания и поведения «борца и строителя социализма» были заменены в условиях социально-классового расслоения общества и примитивной материально-технической базы производства новым партийно-государственным заказом на «поголовную» грамотность, подготовку кадров для осуществления индустриализации народного хозяйства страны.

Постановлениями ЦК ВКП(б) 1930-х гг. фактически отвергалась прежняя политика Наркомпроса, проводившаяся А.В. Луначарским и Н.К. Крупской, зачеркивался творческий опыт педагогов 1920-х гг., ставились под сомнение сами основы организации педагогического процесса в школе, рожденной идеалами революционной эпохи.

Поначалу Н.К. Крупской и ее единомышленникам, членам научно-педагогической секции, представлялось возможным осуществить новый курс так, чтобы сохра-

Алексей Валерьевич Новичков – аспирант кафедры политической истории ФГУ МГУ им. М.В. Ломоносова.

нить педагогические ценности предшествующего опыта, уже «пройденного пути» школьного строительства. Однако вал всеобщего обучения сметал и ту достаточно примитивную учебно-материальную базу, на которой развертывалась жизнедеятельность школьных коллективов. Закрывались библиотечные комнаты и мастерские – помещения освобождались под классы. Утрачивались связи со школьным окружением, занятия краеведением и соединении обучения с производительным трудом «теряли свою остроту и актуальность» в условиях, когда вводились новые учебные программы, далеко не всегда сопровождавшиеся учебными пособиями, росла неуспеваемость, а в общественное сознание внедрялось сверху: «Нет плохих учеников – есть плохие учителя». «Надо вести дело так, – говорил новый нарком просвещения А.С. Бубнов, – чтобы ребенок (под руководством учителя) сам доходил до определенных выводов. При правильном педагогическом руководстве ребенок думает, что он сам делает, а на самом деле он делает это таким образом, как направляет его учитель, который должен всемерно развивать инициативу ребят»¹.

Однако традиции 1920-х гг., когда проверялись варианты структуры школьного обучения, готовились новые учебные программы, вводилось трудовое обучение и школьное самоуправление, сохраняли известный запас прочности. Одновременно происходила большевистская политизация просвещения. Школы продолжали жить не только учебой, но и физкультурно-спортивной работой, художественной самодеятельностью, общественной работой. В тяжелой атмосфере массовых репрессий для

многих детей школа была той социальной нишей, которая обеспечивала им психологическую защищенность (немало оставалось учителей, верных гуманистическим педагогическим идеалам). Однако постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (1931 г.) осудило концепцию Н.К. Крупской «как глупую антилининскую идею отмирания школы»².

Образовательная политика как часть общей политики большевиков с начала 1930-х гг. эволюционирует в сторону единообразия и унификации, тотального контроля за школой, отказа от революционно-педагогического романтизма и плюрализма 1920-х гг. Партийно-государственные органы резко активизировали работу по осуществлению всеобщего обязательного начального обучения (а в промышленных городах и районах – в объеме школы-семилетки), которое к 1934 г. было в основном введено. Проходивший в январе 1934 г. XVII съезд ВКП(б) в своем решении о втором пятилетнем плане поставил задачу не только завершить ликвидацию неграмотности, малограмотности трудоспособного взрослого населения и введение всеобщего обязательного начального обучения, но и осуществить всеобщее обязательное политехническое обучение в объеме семилетки, «в первую очередь в деревне, поскольку в городе эта задача была в основном уже разрешена на протяжении первой пятилетки...»³.

Бурно росло число учащихся V–VII и VIII–X классов. Так, число учащихся V–VII классов в 1929/30 учебном году составляло 1,6 млн., а в 1937/38 учебном году – 8,8 млн. В V–VII классах сельских школ число учащихся за те же годы возросло в 10 раз: с 533 000 до 5,76 млн.⁴

Во всех общеобразовательных школах число учащихся увеличилось с 7,3 млн. в 1922/23 учебном году до 38 млн. в 1940/1941 учебном году, т. е. почти в 5 раз⁵. В годы первой пятилетки (1928–1932) в связи с введением всеобщего обязательного обучения прирост контингента учащихся составил 9,3 млн., а за период второй пятилетки (1933–1937 гг.) в условиях форсированного развития семилетнего образования он равнялся 7 млн.⁶

Задачи народного образования органически были связаны с задачами социалистического переустройства общества. В своем докладе «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР» на XVII партконференции (февраль 1932 г.) В.М. Молотов в качестве первой основной политической задачи второй пятилетки обозначил кроме всего прочего «преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества»⁷. Мероприятия в области культурного строительства, усиление идеологической работы призваны были сыграть важнейшую роль в дальнейшем росте производительности труда, освоении новой техники, повышении уровня экономики страны, укреплении связи науки с производством. Важно было наращивать темпы развития общего и специального образования как основы подготовки кадров для всех отраслей народного хозяйства и культуры в соответствии с закономерностями строительства нового общества.

В исследуемый период идеологическая работа в системе образования для Коммунистической партии приобрела большое политическое значение. В решениях партийных съездов, начиная с XI до XVI, и XVII партконференции в 1932 г. придавалось большое значение образованию молодежи, расширению и укреплению школ фабзавуча, в которых практическое обучение, получение производственной квалификации соединялось с теоретическим образованием и общественно-политическим воспитанием, особо подчеркивалось, что школам должна принадлежать важнейшая роль в воспитании рядов промышленных рабочих, указывалось на необходимость дальнейшего расширения их сети, предлагалось рассматривать ФЗУ как основную форму подготовки квалифицированных рабочих из подростков. На это же указывал и А.С. Бубнов. По его мнению «система народного образования должна быть орудием мобилизации пролетарских и бедняцко-средняцких масс для социалистического строительства»⁸.

Вместе с тем, коренной недостаток общеобразовательной школы на прошлом

этапе ее развития, состоявший в том, что она не обеспечивала учащимся достаточно прочных знаний, необходимых для обучения в техникумах и высших учебных заведениях, успешно преодолевался в 30-е годы. Однако, решая задачу подготовки необходимых контингентов для техникумов и вузов, общеобразовательная школа ослабила внимание к трудовому воспитанию и политехническому обучению, допустила сильный крен в сторону книжно-словесных, абстрактных знаний.

Партия принимала различные меры к усилению руководства народным образованием. В 1930-х гг. школа стала едва ли не самым «любимым» детищем власти. Раскрывшиеся сегодня архивы красноречиво показывают, что не только все крупные «школьные проблемы», но и множество частных, мелких, текущих вопросов школьной жизни решались на самом «верху». Такую зависимость Наркомпроса от решений партии признавал и сам А.С. Бубнов. «Наша задача здесь выполнять программу партии в области народного образования, директивы ее Центрального Комитета»⁹, – говорил он. Являясь членом ЦК ВКП(б) вплоть до 1937 г., он принимал деятельное участие в разработке постановлений и декретов в области народного образования, а став наркомом просвещения, претворял их в жизнь.

Бубнов регулярно посещал школы и другие учебные заведения, встречался с педагогами, знакомился с их письмами. На основе анализа собранной информации он имел возможность делать практические выводы, касающиеся отдельных сторон школьной жизни и работы, имел возможность близко и хорошо знать школу. Руководить для него означало – вникать во все детали школьной жизни. При посещении школы Бубнов стремился ознакомиться со всеми уголками, со всеми мелочами школьной жизни, осматривая не только классы, лаборатории, учебные кабинеты, но и все подсобные помещения, начиная от вешалки. И при этом он беседовал не только с учителями, но и с учениками. Много материала о школе он получал из докладов заведующих краевыми и областными отделами народного образования (ОНО), от школь-

ных инспекторов, руководителей школ и отдельных учителей.

Состоявшееся в апреле 1930 г. II Всесоюзное партийное совещание по народному образованию положило начало выработке единой системы образования в стране. Школа должна была выпускать кадры рабочих, имевших техническую квалификацию и готовых продолжить учебу в ВУЗе.

Цель увеличения количества квалифицированных рабочих требовала от школ внедрения не только общеобразовательных, но и политехнических знаний. Это привело к широкой политехнизации советской школы. Проблему политехнизации школы нарком просвещения всегда считал актуальнейшей проблемой советской школы и педагогической науки в целом. Он утверждал, что политехническая школа позволит дать обществу, во-первых, «кадры квалифицированных рабочих, политехнически подготовленных, с определенным уровнем общего образования», во-вторых, «подготовленных людей к техническим специальностям средней квалификации... после специального обучения», в-третьих, «основную подготовку к высшему образованию». «Таким образом, – продолжал нарком, – мы будем иметь низшие и средние звенья нашей школы в таком виде, что она будет удовлетворять требованиям строительства социализма»¹⁰.

Политехническое образование в школе предусматривало ознакомление учащихся в теории и на практике с основными научными принципами производства и особенностями общественных и производственных отношений, эффективное трудовое воспитание, формирование трудовых умений и навыков, профессиональную ориентацию учащихся; способствовало сознательному выбору трудового пути, создавало основу, фундамент последующей профессиональной подготовки. Принцип политехнизма в значительной мере определял содержание образования, выбор методов обучения и практической подготовки в профессиональных учебных заведениях всех ступеней, включая высшую школу. Политехнизм позволял обеспечить широту кругозора будущих специалистов, высокий уровень их профессионализма и общей

культуры, развитие их способности быстро ориентироваться в технике и технологии производства. Предусматривалось развертывание в школах уже в 1931 г. сети мастерских, прикрепление школ к предприятиям, совхозам, МТС и колхозам с целью усиления связи обучения с производительным трудом. Все это было необходимо в свете политики форсированной индустриализации страны.

Кроме того, были изменены принципы руководства новой школой. В сентябре 1933 г. Совнарком утвердил Устав советской политехнической школы, действовавший до 1970 г., т.е. почти 50 лет. Директора, назначаемые по Уставу 1933 г. непосредственно органами Наркомпроса, не должны были совмещать управление с выполнением учительских обязанностей. Эти меры способствовали повышению роли и ответственности директора в руководстве учебно-воспитательным процессом, что содействовало организационному укреплению школы и повышению качества ее работы.

Следующим важным шагом в школьной политике государства стала унификация и централизация образовательных учреждений. 16 мая 1934 г. было издано Постановление Совета Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР», согласно которому на всей территории СССР были установлены единые типы общеобразовательных школ: начальная с четырехлетним сроком обучения, неполная средняя (семилетняя, включавшая в себя и начальную) и средняя с общим сроком обучения десять лет. Фабрично-заводская семилетка (ФЗС) и школы колхозной молодежи (ШКМ) были преобразованы в неполные средние школы. Такая структура общеобразовательной школы с некоторыми модификациями сохранялась вплоть до 1980-х гг.

Обращает внимание и заметное усиление централизации руководства школой. Так, заведующие начальными школами теперь именовались директорами и назначались наркоматами союзных и автономных республик. Представление директоров неполных средних и средних школ со стороны местных органов народного образования в Постановлении не предусматривалось,

хотя на практике кандидатуры директоров шли именно снизу. Но, независимо от этого, централизация руководства народным образованием достигла такого уровня, что заведующий даже любой маленькой начальной сельской школы мог окончательно утверждаться только в Москве.

Проведенная осенью 1933 г. реорганизация наркоматов просвещения союзных республик повысила их ответственность за школьную работу. В Центральном Комитете, а также в ЦК компартий республик, крайкомах и обкомах партии были созданы отделы школ. Политбюро ЦК партии в мае 1935 г. вынесло решение о создании трех комиссий ЦК, которым было поручено изучение работы начальной, средней и высшей школы и определение путей ее дальнейшего развития. К деятельности комиссий широко привлекались партийный и советский актив. Решения партии и правительства способствовали повышению уровня образования, в соответствии с задачами социалистического строительства.

В условиях нарастания военной опасности советская система народного образования и воспитания оказалась важным средством массовой подготовки работников, необходимых многоотраслевой экономике, культуре, государственному управлению, армии.

Примечания

¹ Бубнов А.С. Главные проблемы перестройки школы // Коммунистическое просвещение. 1932. № 7. С. 23.

² ГАРФ. Ф. Р-6946. Оп. 1. Д. 44. Л. 8.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1953. Т. 5. С. 147.

⁴ Культурное строительство. Статистический сборник. М., 1956. С. 5.

⁵ Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. М., 1967. С. 272.

⁶ Там же. С. 6, 9.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 5. С. 96.

⁸ Бубнов А.С. Очередные задачи в области народного просвещения // Народное просвещение. 1932. № 8. С. 19.

⁹ Там же. С. 20.

¹⁰ Бубнов А.С. Всеобуч и политехнизация массовой школы // Коммунистическое просвещение. 1931. № 3. С. 34.

А.Ю. Сидоров

Советский Союз и агрессия Японии в Маньчжурии в 1931—1932 гг. (по новым документам)

Причины и обстоятельства возникновения на Дальнем Востоке первого очага грядущей мировой войны всегда являлись предметом пристального внимания историков международных отношений. В отечественной историографии данной проблематике посвящены монографии и статьи Н.Е. Абловой, К.Ф. Захаровой, З.Д. Катковой, А.А. Кошкина, Р.А. Мировицкой, В.Э. Молодякова, В.П. Сафронова, Г.Н. Севостьянова, С.Л. Тихвинского, В.Н. Усова и ряда других авторов¹.

В постсоветский период вышли в свет сборники документов, содержащие немало новых сведений о советской внешней политике в годы маньчжурского кризиса². В них, в частности, вошли материалы «Особой папки» Политбюро, Исполкома Коминтерна, переписка И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича и других руководителей по вопросам Дальнего Востока. Огромный интерес для изучения данной темы представляют и рассекреченные фонды РГАСПИ и АВП РФ.

В данной статье предпринята попытка более полно и объемно, на основе новых архивных материалов, представить эволюцию внешнеполитического курса СССР в контексте маньчжурских событий.

Отметим вначале, что отношения между СССР и Японией после их нормализации в 1925 г. и вплоть до 1931 г. развивались весьма успешно. В эти годы они были вполне добрососедскими, лишенными «какой бы то ни было напряженности»³. В Москве приветствовали проводимый Токио во второй половине 1920-х гг. курс на невмеша-

тельство в китайские дела. В 1928 г. стороны подписали рыболовную конвенцию, разрешившую японским рыбакам промысел в советской экономической зоне на очень выгодных условиях. В свою очередь, Япония в дни военного конфликта на КВЖД 1929 г. фактически встала на сторону СССР, отказавшись осудить его действия как противоречившие пакту об отказе от войны («пакту Бриана-Келлога»). Она высказалась за разрешение конфликта путем двусторонних переговоров, без привлечения международных посредников, как того и добивались в Москве, и даже отказалась перевозить китайские войска по ЮМЖД к району приграничных боев.

Вторжение Квантунской армии в Маньчжурию, начавшееся 18 сентября 1931 г., поначалу было воспринято советскими руководителями скорее как локальный эпизод, но не кардинальный поворот в японской внешней политике. Вместе с тем они поспешили сразу же принять меры к тому, чтобы СССР остался в стороне от разгорающегося конфликта. Уже 20 сентября 1931 г. Сталин, находившийся на отдыхе в Сочи, телеграфировал Молотову и Кагановичу: «Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас нецелесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились»⁴.

Советский Союз официально не осудил Японию как агрессора и призвал к урегулированию ее противоречий с Китаем на двусторонней основе, без международного посредничества. Эта позиция была, по существу, зеркальным отражением позиции

А.Ю. Сидоров – кандидат исторических наук, доцент МГИМО – Университета МИД России.

Японии, занятой ею во время конфликта на КВЖД, и была идентична позиции Москвы в отношении японской военной экспедиции в Шаньдуне в 1928 г⁵. Вместе с тем советская сторона ясно дала понять, что недовольна и обеспокоена действиями японских военных. Прямые указания на сей счет исходили от самого Сталина. «В печати надо вести себя так, чтобы не было никаких сомнений в том, что мы всей душой против интервенции, – наставлял он коллег по Политбюро. – Пусть “Правда” ругает всю японских оккупантов, Лигу Наций как орудие войны... Пусть кричит “Правда” всюду, что империалистические пацифисты Европы, Америки и Азии делят и порабощают Китай. “Известия” должны вести ту же линию, но в умеренном и архисторожном тоне. Умеренный тон для “Известий” абсолютно необходим»⁶. Полпреду в Токио А.А. Трояновскому была направлена инструкция Наркоминдела, в которой позиция СССР определялась как «политика мира, ... полного нейтралитета и строжайшего невмешательства в маньчжурские дела»⁷. Ему, как и другим советским диппредставителям в регионе, было дано «категорическое указание... не предпринимать никаких шагов и не давать никаких разъяснений без указания из Москвы»⁸.

Еще одним аспектом позиции СССР стало его демонстративное отстранение от дипломатических усилий, предпринимаемых Лигой Наций, и даже их осуждение как провокационных и контрпродуктивных. Советская сторона опасалась, что сотрудничество с Лигой может лишить ее «независимости и маневренности в политике» и даже спровоцировать военный конфликт с Японией.⁹ Как отмечал заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан в одном из докладов Сталину, «не может быть двух мнений, что наиболее идеальным выходом... из создавшегося на Дальнем Востоке положения для США и для европейских держав была бы война между СССР и Японией. Нас будут втягивать и толкать на это»¹⁰. Думается, что для подобного негативного отношения к деятельности Лиги имелись определенные основания. В нарушение собственного Устава эта международная организация уклонилась от опера-

тивного вынесения вердикта в отношении возникшего кризиса. Совет Лиги, впервые обсудив его только 10 декабря 1931 г., вопреки очевидным фактам не стал признавать Японию агрессором и вводить против нее санкции, ограничившись созданием «комиссии обследования» во главе с англичанином лордом В. Литтоном. По удачному замечанию Г. Киссинджера, это был «стандартный дипломатический прием, когда подается сигнал, что желанным исходом является бездействие... Была запущена машина совершенного ничегонеделания»¹¹.

В Москве решение Совета Лиги было расценено как попустительство агрессору и попытка подтолкнуть его на север, к советским границам. СССР отказался сотрудничать с «комиссией Литтона». Политбюро ЦК ВКП(б) (по инициативе Карахана и вопреки мнению Литвинова) даже запретило допускать ее на советскую территорию. Советские консульства в Маньчжурии и правление КВЖД получили указание Центра не вступать в контакты с этой комиссией и не делиться с ней информацией. Генеральный консул в Шэньяне А.А. Знаменский, встретившийся по собственной инициативе с Литтоном, был по предложению Карахана снят с должности и отозван в Москву¹².

31 декабря 1931 г. М.М. Литвинов в беседе с японским министром иностранных дел Иосидзавой, находившимся в Москве проездом из Женевы, предложил заключить двусторонний пакт о ненападении. Нарком подчеркнул, что такой договор явился бы «выражением миролюбивой политики и намерений правительств, и... был бы особенно кстати, когда будущее японо-советских отношений является предметом спекуляций в Западной Европе и Америке». Подписание договора, по его мнению, положило бы конец этим спекуляциям¹³. Москва, таким образом, предлагала Токио урегулировать возникшие проблемы отдельно, без оглядки на Лигу Наций, а также на гоминьдановский Китай, с которым у нее в то время были разорваны дипломатические отношения. Это был ее ответ на решение Совета Лиги от 10 декабря 1931 г.

Японский правящий класс воспринял советскую инициативу с неподдельным интересом. Правительство Ц. Инукаи, ведущие

политические партии и часть военных склонялись к тому, чтобы ее поддержать. Против заключения пакта выступили экстремистские силы в армии во главе с военным министром С. Араки. Ввиду развернувшейся внутривластной борьбы в Токио взяли долгую паузу для «изучения» советского предложения. Опасаясь, как бы сближение с СССР не привело к ухудшению отношений с западными державами, здесь решили дождаться выводов комиссии Лиги Наций. В июле 1932 г. новый японский министр граф К. Утида заявил полпреду Трояновскому, что «японцев еще надо готовить, чтобы они привыкли к мысли о пакте»¹⁴.

Между тем легкие и бескровные успехи Квантунской армии породили в японском обществе настоящую эйфорию. «Интервенция в Маньчжурии не вызывает здесь никаких возражений, и все оттенки политических направлений от крайних реакционеров до левых центристов эту интервенцию поддерживают, — докладывало советское полпредство в Токио в письме в НКВД от 28 января 1932 г. — Сейчас только коммунисты, в меру своих слабых сил, протестуют против японских действий в Маньчжурии»¹⁵. Наряду с этим, в правительственных и особенно армейских кругах, поначалу ожидавших от Советского Союза решительного противодействия захвату Маньчжурии, восприятие его намерений существенно изменилось. Как отмечал в этой связи Генеральный консул СССР в Цицикаре А. Дрибинский в письме Карахану от 17 марта 1932 г., «допуская возможность японо-советского столкновения, здесь уже не предполагают, что СССР первый выступит на защиту своих интересов в Северной Маньчжурии. Раньше только так здесь и мыслили исходные пути японо-советской вооруженной борьбы... Выявившаяся сдержанность нашей политики вызвала сначала недоумение и некоторое разочарование. Теперь же здесь понимают, что... столкновение может произойти лишь в результате активного японского выступления против нас непосредственно...»¹⁶.

1 марта 1932 г., накануне приезда в регион «комиссии Литтона», на территории Маньчжурии было провозглашено марионеточное государство Маньчжоу-го. Его

формальным главой стал Пу И — последний император свергнутой в 1911 г. династии Цин, однако вся реальная власть была сосредоточена в руках Квантунской армии. Такое развитие событий означало, что кризис прошел «точку невозврата», мосты сожжены, и японцы преисполнены решимости закрепиться в Маньчжурии всерьез и надолго. Реакция СССР на образование Маньчжоу-го была весьма сдержанной. Никаких протестов высказано не было; более того, новый режим был сразу же признан де-факто. Такой подход диктовался, по оценке Карахана, «практической необходимостью поддерживать фактические отношения с той властью, которая существует в настоящее время в Маньчжурии, где имеется наша дорога (КВЖД — А.С.), где мы имеем десятки тысяч наших граждан, где мы имеем пять наших консульств, и где кроме власти Маньчжоу-го нет никакой другой, с кем можно было бы разговаривать и вести дела»¹⁷. Советским дипломатам было разрешено устанавливать контакты с марионеточными властями по вопросам, связанным с положением советских граждан и функционированием КВЖД. Сотрудников китайских консульств в Дальневосточном крае (ДВК), назначенных свергнутым правительством Чжан Сюэяна, сменили представители Маньчжоу-го. Администрации КВЖД было дано разрешение на перевозку японских войск¹⁸.

В феврале 1932 г. японские воинские части впервые подошли к советской границе. Эти акции, как и размещение Квантунской армии на севере Маньчжурии на постоянной основе, явились грубым нарушением Портсмутского договора, о чем Литвинов прямо заявил японскому послу. Вместе с тем в Москве стремились свести риск советско-японских пограничных столкновений к минимуму. Особое внимание Центр уделял надзору за местными властями ДВК и недопущению какой-либо их «самодеятельности», способной еще более осложнить обстановку. В марте 1932 г. Политбюро потребовало от партийных органов Северного Сахалина, где располагались японские нефтяные и угольные концессии, «не создавать поводов для конфликтов... и вообще не вести себя вызывающе в отношении японцев»¹⁹. Ранее во всех городах к востоку от Урала решением

Политбюро было прекращено радиовещание по вопросам о событиях в Маньчжурии на всех языках²⁰. В июне 1932 г. Дальневосточная комиссия ЦК, следуя указаниям Сталина, запретила пограничникам и частям Красной армии открывать огонь по нарушителям границы по своему усмотрению; на любое применение оружия теперь требовалось согласие ЦК ВКП(б) и Совнаркома²¹. Руководству ДВК и представителям Наркоминдела, наблюдавшим за деятельностью концессий, вновь были даны «твердые и ясные директивы... не задевать японцев, не ущемлять их без надобности и не создавать на этой почве конфликтов и недоразумений»²². Советские разведслужбы (ИНО ОГПУ и Разведуправление Генштаба) получили категорическое указание не вести какой-либо подрывной работы в Маньчжурии, направленной против японских войск (а такие попытки имели место)²³.

Анализируя состояние двусторонних отношений, Трояновский в апреле 1932 г. с удовлетворением отмечал: «В знаменитом меморандуме барона Танака предполагалось, что овладение Маньчжурией неизбежно приведет к войне с СССР. До сих пор этого не случилось. Не случилось это потому, что мы занимали действительно нейтральную позицию и избегали осложнений и конфликта»²⁴. По убеждению посла, Советское правительство и впредь должно было «делать все возможное, чтобы не быть втянутым в конфликт без очень серьезных оснований»²⁵. Это мнение полностью разделялось и в Москве.

Вместе с тем новые международные реалии заставляли руководство страны всерьез задуматься о перспективах советского присутствия в Маньчжурии. 26 марта 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решило начать консультации с Токио по всему комплексу двусторонних отношений. Трояновскому предлагалось заявить о готовности СССР признать Маньчжоу-го де-юре, а также продать КВЖД при условии, что Япония согласится заключить пакт о ненападении, а также откажется от поддержки российской белоэмиграции в Маньчжурии²⁶. 10 апреля 1932 г. Трояновскому была направлена еще одна директива: в случае заключения пакта о ненападении с Японией

СССР мог бы заключить такой же пакт о ненападении с Маньчжоу-го²⁷.

Все эти заманчивые и даже сенсационные предложения при ближайшем рассмотрении не содержали, однако, каких-либо принципиальных уступок. КВЖД, приносившая большие убытки, после военного конфликта 1929 г. стала восприниматься Москвой как обуза, от которой пора избавляться. 10 апреля 1931 г., то есть еще за полгода до японского вторжения, Политбюро одобрило Основные принципы выкупа КВЖД – дорогу предполагалось продать Китаю. Что же касается признания Маньчжоу-го де-юре – шага, который, безусловно, вызвал бы шквал обвинений в советско-японском «империалистическом сговоре», – то оно могло последовать только после признания Маньчжоу-го де-юре самой Японией. Однако в Токио вокруг этого вопроса разгорелась острая внутриполитическая борьба. В мае 1932 г. премьер-министр Ц. Инукаи, выступивший против признания режима Пу И, был убит в ходе неудавшегося путча. Новое правительство М. Сайто тоже не спешило с признанием, ожидая выводов «комиссии Литтона». Неудивительно, что советская сторона в июне 1932 г., по существу, проигнорировала предложение властей Маньчжоу-го об установлении дипотношений. «Мы не должны признать де-юре Маньчжурское государство, – указывал Сталин в письме Кагановичу. – Настаивая на признании..., японцы рассчитывают поссорить нас с Китаем или с Маньчжурией... Так рассуждают японцы своим неглубоким, хотя и хитрым умом»²⁸. «Мы должны ответить, – продолжал он, – что изучаем вопрос о формальном признании, ... каковое..., к сожалению, несколько тормозится уходом в отпуск членом сессии ЦИК... Чтобы успокоить японцев и маньчжуров, надо заявить им одновременно, что мы в принципе не отвергали никогда и не отвергаем признание де-юре, но что практически такие вопросы не решаются одним ударом, но нуждаются в изучении»²⁹.

Советско-японские закулисные консультации вызвали серьезное беспокойство гоминьдановского Китая. 25 июня 1932 г. он официально предложил СССР восстановить дипломатические отношения при условии одновременного заключения пакта о ненапа-

дении. «Считаем, что решение Нанкина в основном определяется опасениями нашего сближения с Маньчжоу-го, – докладывали Сталину, лечившемуся в Сочи, Молотов и Каганович – ... Можно быть уверенным, что китайцы прямо включают в пакт... какие-либо пункты, прямо связывающие нас в нашей маньчжурской политике»³⁰. Согласившись с этими соображениями, Сталин, со своей стороны, подчеркнул безусловный приоритет достижения договоренности с Токио. Он предложил «попугать японцев перспективой нашего сближения с китайцами и тем самым заставить их поторопиться с подписанием пакта с СССР»³¹.

Советско-китайские контакты заставили активизироваться те силы в Японии, которые не желали идти на конфронтацию с СССР. 26 июня 1932 г. высокопоставленный представитель Министерства обороны П. Минодзуми в беседе с советским военноморским атташе Н.А. Бологовым высказался за подписание пакта о ненападении при условии дополнения его секретными пунктами о признании Маньчжоу-го японской территорией и о нефтяных концессиях на Северном Сахалине³². Однако спустя два дня в газетах появилась статья военного министра С. Араки с призывом готовиться к войне против СССР. В ответ на нее заместитель начальника Квантунской армии К. Исихара публично заявил: «Пусть Араки воюет. Квантунская армия драться с советскими войсками не будет»³³.

Разгоревшаяся перепалка не осталась без внимания Наркоминдела. В октябре 1932 г. в Южную Маньчжурию и Корею был командирован советник полпредства в Токио И.И. Спильванек, который провел ряд встреч с руководством Квантунской армии: ее командующим генералом Н. Муто, начальником штаба генерал-лейтенантом К. Койсо, комендантом Порт-Артура генерал-лейтенантом А. Кисабуро и другими. Общая тональность переговоров была весьма доброжелательной. «Никто так хорошо не понимает русский народ, как мы, военные, – заявил советскому дипломату Кисабуро – ... Именно мы... знаем действительную силу русского народа и правильно ее оцениваем – ... Если когда-нибудь опять суждено быть русско-японской войне, ко-

торую некоторые державы желают, то она будет величайшим бедствием для обеих сторон...»³⁴ Н. Муто и К. Койсо также заверили его в том, что они «стоят за дружбу Японии и СССР» и выступают «неуклонно против какого бы то ни было столкновения между японскими и советскими войсками»³⁵. 20 октября 1932 г. Квантунский штаб выступил с заявлением, в котором единодушно высказался за заключение пакта с СССР сроком на 2–3 года³⁶. По итогам поездки Спильванек докладывал: «Заявление... Исихара не пустое, а имеет полную поддержку со стороны руководящих кругов японской общественности и командования в Маньчжурии»³⁷.

Позиция Квантунской армии в 1931–1932 гг., шедшая вразрез с линией С. Араки, нашла отражение и в характере отношений между советской колонией и японскими войсками в Маньчжурии. До весны 1933 г. они оставались более или менее спокойными и неконфликтными. В течение 1932 г. произошло лишь два заметных инцидента (арест 8 апреля в Харбине японской жандармерией 9 служащих КВЖД и захват 7 июля японо-маньчжурскими полицейскими перевалочной пристани КВЖД на реке Сунгари)³⁸.

1 октября 1932 г. «комиссия Литтона» опубликовала, наконец, свой итоговый доклад. Его выводы, как и ожидалось, оказались весьма противоречивыми: Маньчжоу-го признавалось марионеточным образованием, Япония – агрессором, однако никаких санкций против нее не предусматривалось. Убедившись, что бояться нечего, в Токио в сентябре 1932 г., незадолго до его публикации, признали де-юре Маньчжоу-го. Чрезвычайная сессия Ассамблеи Лиги Наций, созванная в декабре 1932 г., одобрила основные тезисы доклада Литтона. Как и прогнозировали в Москве, агрессия фактически сошла Японии с рук. «Пример с Китаем показал, – язвительно отмечал Карахан, – что сочувствие Лиги Наций и держав к Китаю – выеденного яйца не стоит и никакого реального значения не имеет»³⁹.

На таком международном фоне всю вторую половину 1932 г. продолжались на параллельных курсах советско-японские и советско-китайские консультации. СССР про-

должал демонстрировать сдержанность и уступчивость по отношению к Токио. 13 августа 1932 г. было подписано рыболовное соглашение «Карахан – Хирота», весьма выгодное японской стороне. По оценке Наркоминдела, оно явилось «в гораздо большей степени политическим актом, нежели экономической конвенцией», и позволило заметно снизить «градус напряженности» в рыболовном вопросе, традиционно считавшимся в двусторонних отношениях наиболее конфликтным⁴⁰. В свою очередь, кабинет М. Сайто тоже проявлял интерес к подписанию пакта. 23 ноября 1932 г. премьер вновь заявил в интервью японским газетам: «Учитывая всю обстановку, полагаю, что пакт может быть заключен»⁴¹. Однако на предложение полпредства обсудить его конкретное содержание канцелярия премьер-министра ответила отказом. Анализируя «расклад сил» в коридорах власти в Токио, полпредство пришло к выводу о том, что договор может быть подписан лишь тогда, «когда в Японии создается крепкое правительство, которое сумеет обуздать военных»⁴².

Как видим, в период маньчжурского кризиса 1931–1932 гг. Советский Союз проводил осторожную и прагматичную внешнеполитическую линию, продиктованную интересами обеспечения его безопасности. Она была обусловлена его международной изоляцией, неблагоприятным соотношением военных сил, наконец, очень сложной внутриполитической обстановкой в стране. В условиях чрезвычайного напряжения всех сил народа, мобилизованного на проведение индустриализации и коллективизации, вооруженное столкновение с Японией расценивалось сталинским руководством как абсолютно несвоевременное. Его нельзя было допустить, во всяком случае, до тех пор, пока на границе с Маньчжоу-го не была создана сильная военная инфраструктура. В письме наркому обороны К.Е. Ворошилову от 27 ноября 1931 г. Сталин выдвинул в качестве важнейшей задачи кардинальное укрепление обороны на Дальнем Востоке, высказав при этом убеждение, что через два-три года, когда эта цель будет достигнута, японцам уже будет поздно нападать на СССР⁴³.

В то же время категорический отказ Советского Союза от любых форм сотрудни-

чества с Лигой Наций в дальневосточных делах стал очередным проявлением идеологизированности его внешней политики, глубокого – и порой небезосновательного – недоверия к империалистическим державам, которые «думают только о том, как бы выбраться из кризиса... за наш счет»⁴⁴. Это обстоятельство, безусловно, облегчило Японии реализацию ее агрессивных замыслов. Вместе с тем избранная тактика позволила советскому руководству решить самую насущную задачу – получить «мирную передышку», выиграть время для укрепления обороны. Впоследствии эта тактика будет еще не раз применяться им как в Азии, так и в Европе – хотя и с разной степенью успеха.

Примечания

¹ См., напр.: *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории: (первая половина XX в.). М., 2004; *Захарова К.Ф.* Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945. М., 1990; *Каткова З.Д.* Китай и державы. 1927–1937. М., 1995; *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР 1931–1945 гг. М., 1989; *Он же.* Направление удара: Север или Юг? // *Азия и Африка сегодня.* 2002. № 7, 8; *Он же.* Япония: на пути к большой войне // *Азия и Африка сегодня.* 2001. № 11, 12; 2002. № 1; *Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии гоминьдана (20–30-е годы). М., 1990; *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: меч на весах: неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929–1948): историческое исследование. М., 2005; *Сафронов В.П.* СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг. М., 2001. *Тихвинский С.Л.* СССР и интервенция Японии в Северо-Восточном Китае в 1931 г. // *Новая и новейшая история.* 1992. № 3; *Усов В.Н.* Группа Рихарда Зорге в Китае (1930–1932 гг.) // *Проблемы Дальнего Востока.* 2005. № 3; *Он же.* Последний император Китая. Пу И (1906–1967). М., 2003.

² ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 4. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937 гг. / Ред. колл.: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. М., 2003; ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. / Отв. ред. Г.М. Адиебеков, Вада Харуки. М., 2001; Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг.: Сборник документов. М., 1995; Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)

и Коминтерн. 1919–1943 гг. Документы. / Ред. колл.: Г.М. Адиебеков и др. М., 2004; Сталин и Каганович. Переписка, 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2001.

³ Оценка первого заместителя наркома иностранных дел Н.Н. Крестинского. См.: АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. Папка. 80. Д. 120. Л. 65.

⁴ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. С. 67.

⁵ В апреле–мае 1928 г. японский корпус численностью до 50 тыс. чел. находился в китайской провинции Шаньдун. В этой связи Политбюро 10 мая 1928 г. сочло «нецелесообразным» выступать с официальным протестом, но в то же время постановило «поднять кампанию в газетах против японской политики в Китае»: Москва – Токио: политика и дипломатия Кремля, 1921–1931 годы: Сборник документов / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2007. С. 250.

⁶ ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 67.

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ) Ф.08. Оп. 15. Папка 150. Д.210. Л. 18.

⁸ ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 66.

⁹ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 16. Папка 166. Д. 158. Л. 35.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Киссинджер Г.* Дипломатия: Пер. с англ. М., 1997. С. 256.

¹² АВП РФ. Ф. 08. Оп. 15. Папка 140. Д. 67. Л. 60.

¹³ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 016а. Папка 156. Д. 1. Л. 15

¹⁴ Там же. Л. 18.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 15. Папка 149. Д. 5. Л. 10.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 15. Папка 140. Д. 67. Л. 29–30.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 17. Папка 173. Д. 20. Л. 27.

¹⁸ См. об этом: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ) Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 49.

¹⁹ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. С. 78.

²⁰ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. С. 76.

²¹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 54. 5 июня 1932 г. Сталин писал Кагановичу: «Ясно, что по-

добные вопросы и “инциденты”, которые таят в себе опасность “неожиданно” развязать войну, – должны решаться во всех мелочах исключительно Москвой. Советую держаться до конца этой установки и не поддаваться (ни в коем случае!) воплям т. Блюхера». Цит. по: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 141.

²² АВП РФ. Ф. 08. Оп. 15. Папка 140. Д. 67. Л. 58.

²³ См. об этом: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 208.

²⁴ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 15. Папка 151. Д. 217. Л. 39.

²⁵ Там же. Л. 45.

²⁶ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. С. 79.

²⁷ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 15. Папка 150. Д. 212. Л. 36.

²⁸ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 158.

²⁹ Там же (16 июня 1932 г. эти указания были оформлены решением Политбюро).

³⁰ Там же. С. 184.

³¹ Там же.

³² АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 016а. Папка 156. Д. 1. Л. 17.

³³ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 15. Папка 151. Д. 217. Л. 157.

³⁴ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 15. Папка 149. Д. 5. Л. 291–292.

³⁵ Там же. Л. 289.

³⁶ АВП РФ. Ф. 013а. Оп. 1. Папка 9. Д. 111. Л. 52.

³⁷ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 15. Папка 151. Д. 217. Л. 157.

³⁸ Подробнее см. об этих эпизодах: *Аблова Н.Е.* Указ. соч. С. 254.

³⁹ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 16. Папка 166. Д. 158. Л. 33.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 16. Папка 165. Д. 156. Л. 103.

⁴¹ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 16. Папка 166. Д. 158. Л. 54.

⁴² АВП РФ. Ф. 08. Оп. 16. Папка 165. Д. 156. Л. 103.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 52–53.

⁴⁴ Из записки Карахана на имя Сталина и Молотова от 5 марта 1933 г. См.: АВП РФ. Ф. 08. Оп. 16. Папка 166. Д. 158. Л. 35.

Л.П. Муромцева

Российские эмигранты о памятниках отечественной истории и культуры

Послереволюционная эмиграция, в которой очутились в 1917–1922 гг. более 2 млн. россиян, – это неотъемлемая часть нашей национальной истории. Истории, полной трагизма, общественных и личных драм, крушений жизненных планов, человеческих надежд и иллюзий. Истории, в недавнем прошлом трактовавшейся у нас в стране односторонне и предвзято. Лишь в последние два десятилетия отечественные историки получили возможность объективно анализировать российскую эмиграцию XX в., характеризовать ее без прежних ложных идеологических стереотипов и политических штампов. Далекое не все проблемы истории русского зарубежья подробно и глубоко исследованы¹. К числу таких недостаточно разработанных вопросов относятся, в частности, подвижническая деятельность эмигрантской интеллигенции по сохранению национальных традиций, реликвий отечественной истории и культуры.

В памяти каждого из эмигрантов запечатлелся свой духовный и овеществленный образ России, но, вместе с тем, в их восприятии прошлого покинутой Родины есть немало общего. Интересные свидетельства об отношении послереволюционной эмиграции к историко-культурному наследию России можно почерпнуть из мемуарной литературы и публицистики. Ностальгические моменты в воспоминаниях эмигрантов обычно связаны с памятниками истории и культуры тех мест, где прошла их

Людмила Петровна Муромцева – кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

юность, протекала служебная либо творческая деятельность.

Поэт Андрей Белый вспоминал о Старом Арбате, историк и общественный деятель эмиграции П.Е. Ковалевский – об архитектуре Невского проспекта, бывший чиновник А.В. Болотов – о памятниках старины Великого Новгорода, в котором когда-то служил². Известного историка А.А. Кизиветтера (1866–1933), приехавшего в 1884 г. в Москву из Оренбурга поступать в университет и завершившего свой жизненный путь в Праге, поразил контраст между старинными барскими усадьбами и редкими тогда еще многоэтажными доходными домами первопрестольной³. Русская художница Маревна (М. Воробьева-Стебельская) с юных лет «воспринимала Москву в ее древними улицами, окрашенными в разные цвета домами и сверкающими куполами церковей как душу всей России»⁴. Великий князь Александр Михайлович, по праву называвший «Медный всадник» украшением Петербурга, боготворил Петра Великого за его реформаторскую деятельность, направленную на сближение России с Западной Европой⁵.

Особенно много описаний архитектурных ансамблей Петербурга и его окрестностей (Павловска, «сказочного места» Петергофа, Царского села) содержится в воспоминаниях известного художника А.Н. Бенуа (1870–1960). Его оценки памятников архитектуры носят профессиональный характер, в чем можно убедиться, в частности, на примере характеристики Мариинки: «У Мариинского театра вид был более скромный и менее внушительный, однако до того момента, когда его изуродовали посредством

пристроек и надстроек, и он являл изящное и благородное целое. Система его плоских арок и пилястров и выдающийся над ними полукруг, соответствующий круглоте зрительного зала, производили на меня впечатление чего-то «римского». Известной грандиозностью отличался театр со стороны Крюкова канала, в который упиралась его задняя стена. Отражаясь в летние сумерки в водах канала, силуэт его положительно напоминал какое-либо античное сооружение»⁶. Петергофские фонтаны он сравнивает с западноевропейскими: «То, что служит главным художественным украшением Петергофа – фонтаны, отражает общее всей Европы увлечение садовыми затеями, однако ни в своем расположении, ни в самом своем характере эти водяные потехи не похожи на Версальские. Скорее в них чувствуются влияния немецкие, итальянские, скандинавские, но и эти влияния сильно переработаны, согласно личному вкусу Петра и других русских царей, уделявших не мало внимания Петергофу. В Петергофе все несколько грубее, примитивнее, менее проработано, менее сознательно продумано в художественном смысле»⁷.

М.И. Цветаева не раз писала о роли своего отца, профессора И.В. Цветаева, и мецената Ю.С. Нечаева-Мальцева в создании Музея изящных искусств имени императора Александра III (ныне Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина)⁸.

Интересная информация о создании и деятельности в Петербурге Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины в 1909–1917 гг. содержится в воспоминаниях искусствоведа, библиографа и театрального деятеля С.Л. Бертенсона (1885–1962), опубликованных в 1943 г. в «Новом журнале»⁹. Искусствовед и литературный критик П.П. Муратов (1881–1950) вспоминал в 1931 г. на страницах газеты «Возрождение» о своем участии в работе Петроградского отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (1919–1922 гг.), занимавшегося национализацией частных коллекций, конфискацией церковных ценностей¹⁰. В начале 1920 г. он также стал председателем Московского института историко-художественных изысканий, созданного при Российской академии

истории материальной культуры, а в эмигрантский период жизни (с 1922 г.) переиздавал за рубежом свои работы о древнерусской живописи и иконописи¹¹.

Генерал-лейтенант А.П. Богаевский (1872–1934), атаман Войска Донского, с детства был воспитан в духе уважения к военно-патриотическим традициям русского народа. Оказавшись в 1920 г. перед эмиграцией в Крыму, он живо интересовался реликвиями русской воинской славы Севастополя, в обороне которого в годы Крымской войны участвовал его отец. Вот строки из дневника Богаевского, записанные 30 марта 1920 г.: «Здесь, на священной земле Севастополя, обильно политой кровью доблестных его защитников в 1854/5 г., со всех сторон видишь памятники славной старины этого незабвенного года... Какие чудо-богатыри духа были тогда!»¹². Посетив Музей Севастопольской обороны на знаменитом Малаховом кургане, а также Братское кладбище, Богаевский дал свои личные оценки увиденным памятным сооружениям. К сожалению, в дневнике, начатом 1 (14) февраля 1919 г., записи затем прерываются на целый год, и из него нельзя ничего узнать о вывозе из Новочеркасска собраний Донского музея и архива¹³. Опасаясь, видимо, предъявления претензий со стороны СССР, Богаевский ничего не упомянул об этих ценных коллекциях и в своих воспоминаниях¹⁴.

Известный сибирский и харбинский предприниматель и благотворитель И.В. Кулаев (1857–1938) поведал о своих впечатлениях от неоднократного посещения музея «Форт Росс», (около Сан-Франциско, США), с бревенчатыми строениями и отреставрированным деревянным православным храмом, в котором в Ильин день (20 июля по старому стилю) совершалось ежегодное богослужение. Присутствуя на нем, автор, перебравшийся на склоне лет на постоянное место жительства в США, «испытывал каждый раз какой-то особенный радостный подъем духа от пребывания в церкви – памятнике и русской, и американской истории вместе»¹⁵. Вместе с тем, его мемуары сконцентрированы на описании предпринимательской деятельности в Сибири и на Дальнем Востоке в молодые и зрелые годы жиз-

ни, когда деловые заботы и интересы Кулаева не оставляли места для мыслей об историко-культурном наследии самой России.

Оказавшиеся на чужбине представители российской интеллигенции внимательно следили за событиями в области культуры, происходившими в СССР. Т.В. Чернавина, несколько лет до эмиграции (1932 г.) работавшая хранителем Музея в Ораниенбауме (Ломоносове), писала в 1938 г. в газете «Сегодня» о закрытии большевиками храмов и Дома-музея Строгановых в Ленинграде, ликвидации собраний икон, отправке на международный аукцион в Берлин коллекции старинного фарфора и хрусталя¹⁶. «Много было тогда разрушено наших родных гнезд, много пропало бесценных культурных сокровищ, – с сожалением писал С.Е. Трубецкой. – Морально удары эти переживались еще куда тяжелее, чем материально»¹⁷.

На обложке одного из номеров журнала «Иллюстрированная Россия», издававшегося эмигрантами в Париже, можно было увидеть церковь Знаменского монастыря в Москве, в которой при новой власти располагалось трикотажное заведение. Литератор и педагог С.Р. Минцлов (1870–1933) издал «Синодик библиотек, архивов и коллекций, погибших во время Великой войны и революции» (Берлин, 1925). Идеолог евразийства П.Н. Савицкий (1895–1965) в брошюре, напечатанной в 1936 г., выступил с протестом против сноса памятников зодчества, скульптуры, разбазаривания и распродажи властями СССР ценнейших коллекций из Эрмитажа и других музеев страны¹⁸. Вместе с тем ранее, в 1932 г., Савицкий подчеркивал: «Русская культура обладает насыщенной традицией. Ее нужно ценить и хранить. Но обрекает себя духовной смерти тот, кто в служении русской культуре исчерпывает себя в любовании ценностями прошлого. Отрицание настоящего смерти подобно. И это тем более, что русская культура в настоящий момент не только не переживает упадка, но находится на восходящей линии энергичной экспансии... Русская культура в 1932 г. не слабее, но сильнее, чем она была когда бы то ни было. Задача каждого русского – ценить прошлое своей культуры, творчески соучаствовать в ее настоящем

и готовить ее еще более великое будущее»¹⁹.

Будучи человеком объективным, Савицкий положительно оценивал получивший широкое распространение в Советском Союзе хронологическо-формационный принцип построения музейной экспозиции по историческим эпохам, что в отличие от размещения по категориям (зал живописи, зал нумизматики и т.д.) позволяло посетителям создать целостное представление о прошлом своей страны, родного города, края²⁰. Но он, как и другие представители интеллигенции русского зарубежья, не мог не возмущаться по поводу многочисленных фактов забвения и разрушения советскими властями историко-культурного наследия, о чем в последние годы опубликовано немало вопиющих, ранее закрытых для широкого пользования архивных материалов²¹. Так, одни уничтожали или продавали за рубежом историко-культурные ценности, а другие буквально по крохам собирали и спасали их от забвения в эмиграции, создавая в тяжелых условиях эмигрантской жизни архивы, библиотеки, общественные музеи и частные коллекции реликвий родной истории, сберегая национальное достояние России²².

Примечания

¹ См.: Пронин А.А. *Историография российской эмиграции*. Екатеринбург, 1997.

² Белый А. Арбат: Глава из книги // *Современные записки*. 1923. № 17. С. 156–182; Ковалевский П.Е. По Невскому проспекту // *Русская мысль*. 3 июня 1953 г. (№ 559). С. 4–5; Болотов А.В. *Господин Великий Новгород: Воспоминания*. Париж, 1925.

³ Кизиветтер А.А. Из воспоминаний восьмидесятника // *Голос минувшего на чужой стороне*. Париж, 1926. № 2; См. также переиздания: *Литература русского зарубежья*. Антология / Сост. В.В. Лавров. М., 1991. Т. 2. 1926–1930. С. 353–355; *Кизиветтер А.А. На рубеже столетий: Воспоминания 1881–1914*. М., 1996.

⁴ Маревна (Воробьева-Стебельская М.). *Моя жизнь с художниками «Улья»*. М., 2004. С. 20–21.

⁵ Великий князь Александр Михайлович. *Книга воспоминаний* // *Литература русского зарубежья*. Антология / Сост. В.В. Лавров. М., 1997. Т. 3. 1931–1935. С. 203.

⁶ Бенуа А. Жизнь художника. New York, 1955. Т. 1. С. 9.

⁷ Там же. С. 13–14.

⁸ Цветаева М.И. Музей Александра III // Последние новости. 1 сентября 1933 г. (№ 4545); Она же. Открытие музея // Встречи. 1934. № 2. С. 69–72; Она же. Собрание сочинений. М., 1994. Т. 5. С. 155–160, 166–169.

⁹ Бертенсон С.Л. На страже искусства старины // Новый журнал. 1943. № 6. С. 317–324.

¹⁰ Муратов П.П. Советские эпизоды: Коллегия // Возрождение. 18 августа 1931 г. (№ 2268). С. 3–4.

¹¹ См.: Гращенков В.Н. П.П. Муратов и его «Образы Италии» // Муратов П.П. Образы Италии. М., 2005. Т. 1. С. 297, 298.

¹² «Наше великое дело близко к полной гибели». Дневник последнего донского атамана А.П. Богаевского // Источник. 1993. № 3. С. 13, 16–17.

¹³ Источник, 1993. № 2. С. 23–26.

¹⁴ См.: Воспоминания генерала А.П. Богаевского. 1918 год. «Ледяной поход». Нью-Йорк, 1963.

¹⁵ Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя 1875–1930. М., 2006. С. 211.

¹⁶ Чернавина Т.В. На «ликвидации» церквей и икон (Из пережитого в СССР) // Сегодня. 14 августа 1938 г. (№ 223). С. 4; 16 августа 1938 г. (№ 225). С. 3.

¹⁷ Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 63–64.

¹⁸ Савицкий П.Н. Разрушающие свою родину (снос памятников искусства и распродажа музеев СССР). Берлин, 1936. С. 21–37; Степанов Н.Ю. Евразиец П.Н. Савицкий о разрушении памятников архитектуры и распродаже музейных ценностей в СССР в 1930-е гг. // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. Научная конференция. Тезисы докладов. М., 1993. С. 77–81.

¹⁹ Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 58.

²⁰ Савицкий П.Н. Разрушающие свою родину (снос памятников искусства и распродажа музеев СССР). С. 35–36.

²¹ См., например: Жуков Ю.Н. Операция «Эрмитаж». Опыт историко-архивного исследования. М., 1993; Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. М., 1994.

²² См.: Ковалевский П.Е. Русские культурные ценности за границей // Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. Сан-Франциско, 1966; Он же. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа Русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971; Он же. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Дополнительный выпуск. Париж, 1973; Муромцева Л.П., Перхавко В.Б. История и культура России в музейных собраниях эмиграции // История и историки: Историографический вестник. 2003. М., 2003.

Новости науки

Владимирская купеческая усадьба XIII века

Летом 2008 г. археологи вскрыли во Владимире-на-Клязьме (на современной ул. Подбельского) купеческую усадьбу, погибшую в феврале 1238 г., во время нападения монгольского войска хана Батые. Ее владелец хранил в подвале своего дома в пяти деревянных коробьях огромные товарные запасы необработанного янтаря весом около 120 кг (довольны внушительные куски, присыпанные обгоревшим зерном). На территории Польши известны менее крупные янтарные склады эпохи Средневековья: во Вроцлаве (3 кг), Гданьске (9 кг), в Прибалтике как-то нашли старинную бочку с 60 кг янтаря. В пределах этой же усадьбы Владимира была обнаружена также свинцовая гирилка для взвешивания.

В.Э. Полетаев

Военно-политический активизм российской эмиграции в 1920—1945 гг.: теоретико-методологический аспект проблемы

Военно-политический активизм российской эмиграции периода 1920–1940-х гг. является неотъемлемой частью феномена зарубежной России; он сформировался в условиях межвоенного общеевропейского кризиса и занимает особое место в системе международных отношений европейских стран, США и государств Дальнего Востока.

Российский эмигрантский военно-политический активизм развивался и проявлялся под воздействием событий и явлений, сыгравших существенную роль в отечественной и мировой истории: формирования в СССР 1930-х гг. сталинского тоталитарного режима власти, возникновения в Европе диктаторских режимов Гитлера, Муссолини, Франко, развития гражданской войны в Китае и японской интервенции в 1920–1930-е гг., начала «холодной войны» и противостояния сверхдержав СССР и США в послевоенный период.

Военно-политический активизм российской эмиграции уже с начала 1920-х гг. становится существенным фактором влияния на политическую, культурную и социально-экономическую жизнь стран-реципиентов. В 1920–1930-е гг. складывается его институциональная основа, включающая различные военно-активистские организации, вооруженные формирования, диверсионные группы, выделяется и «внутренняя линия» РОБС и т. д. Наряду с этим действуют и террористы-одиночки (Коверда, Горгулов и др.). В это же время формируются социальные типы участников военно-активистского движения,

Вадим Эдуардович Полетаев – соискатель кафедры «История и политология» Российского государственного университета туризма и сервиса (РГУТИС), Москва.

формулируются его идеологические постулаты, ментальные основы. Эмигрантский военно-политический активизм стремился создать параллельную (альтернативную) линию историческому процессу, происходившему в Советской России. При этом российское зарубежье должно было стать реальным фактором влияния на внутривосточное положение в СССР, в итоге приведя к смене государственного строя.

Социальную основу российского военно-политического активизма 1920–1930-х гг. составила многочисленная и разнообразная по составу и структуре эмигрантская диаспора, из которой рекрутировались участники вооруженных формирований и диверсионных групп.

Военно-политический активизм зарубежной России обладал в значительной степени общими системообразующими признаками, в то же время, его направления и структуры существенно отличались по своим социальным, политическим и идеологическим составляющим. В рамках военно-политического активизма российского зарубежья в 1920–1940-е гг. действовали различные внутренние импульсы, определявшие активистские действия разных социальных категорий русской эмиграции. Многообразие социальных страт участников российского зарубежного военно-активистского движения отразило в значительной степени всю палитру эмигрантского общества, включив в орбиту данного явления представителей военной эмиграции, студенчества и других социальных групп зарубежной России.

Военно-политический активизм в 1920–1930-е гг. стал фактором, во многом

изменившим облик российского эмигрантского сообщества, повлиял на ход многих политических и идеологических процессов внутри российской диаспоры во Франции, Германии, США, Тихоокеанском регионе.

Своеобразие российского эмигрантского военно-политического активизма заключается в его многоаспектности в связи с различными сегментами внутриэмигрантской политической культуры, высокой степенью идеологизированности и т. д.

Уникальность российского эмигрантского военно-политического активизма определяется не только самим фактом его существования в условиях различных стран и государственно-политических режимов, но и его качественными характеристиками, сделавшими его явлением международного масштаба. При этом российский военно-политический активизм 1920–1940-х гг. стал частью политической истории стран-реципиентов, оказал влияние на внутреннее положение и социальную ситуацию в них, в ряде случаев выступив и в качестве дестабилизирующего фактора.

В период глобального военно-политического кризиса конца 1930-х – 1945 гг. российский политический активизм проявил себя на различных уровнях, влившись в военно-политические течения ряда регионов мира – Европе, Китае, на территории СССР и пр.

Термин «военно-политический активизм» в отношении российской эмиграции автор понимает комплексно, включая в него систему активистских террористических организаций, идеологические доктрины, воинские формирования, состоящие из политически активных российских эмигрантов, информационно-разведывательную деятельность по сбору сведений о внутреннем положении в СССР, борьбу эмигрантских контрразведок (прежде всего, входивших в структуру РОБС) с советскими спецслужбами ВЧК–ОГПУ–НКВД, а также Разведывательным управлением РККА. При этом главной отличительной чертой российского эмигрантского активизма 1920–1940-х гг. является системная деятельность, направленная на свержение государственно-политического режима в СССР и утверждение в постсоветской России соб-

ственных идеологических приоритетов и системы власти.

Авторская концепция заключается в том, что российский военно-политический активизм 1920–1940-х гг. является фактором мировой истории и производным от общего геополитического кризиса в Европе и Тихоокеанском регионе.

Представляется важной задачей исследование динамики и специфики военно-политического активизма российской эмиграции 1920–1940-х гг. во всем его единстве и многообразии, изучение процесса формирования его институциональной основы. Необходимо также показать его идеологическую составляющую в контексте политических доктрин российского зарубежья, определить его социальную базу и ментальные особенности участников, показать динамику количественных и качественных характеристик данного явления на всем протяжении его существования.

Исследование проблемы российского военно-политического активизма 1920–1940-х гг. ведется в настоящее время как в международном научно-информационном пространстве, так и в рамках отечественной исторической науки¹. При этом научные исследования военно-политического активизма вышли на такой уровень освоения основных аспектов этой темы, что появилась возможность обобщения имеющихся знаний и представлений с тем, чтобы осуществить их синтез и создать комплексное исследование, всесторонне освещающее данную проблему.

Необходимым условием научного анализа проблемы российского военно-политического активизма 1920–1940-х гг. является осмысление данной темы на основе современных методологических принципов, с использованием подходов и методов различных отраслей гуманитарного знания – истории, политологии, социологии, культурологи, криминалистики и пр.

При изучении проблемы истории военно-политического активизма российской эмиграции необходимо использование принципов историзма, объективности и системности, что позволяет осуществить комплексное исследование данного феномена на основе новейших методологических

концепций. Использование сравнительно-исторического и проблемно-хронологического методов исследования позволяет взаимосвязано проанализировать и осмыслить динамику и специфику изучаемых процессов и явлений на разных этапах формирования и развития военно-политического активизма зарубежной России.

Методологическая задача исследования заключается в достижении оптимального сочетания конкретного, эмпирического изложения исторического материала и его теоретической, проблемно-содержательной реконструкции, выявлении сущности и внутренней логики военно-политической активности российской эмиграции в 1920–1940-е гг.

Принцип историзма позволяет исследовать вопрос формирования идеологии и практической реализации военно-политического активизма в контексте исторического процесса, с учетом факторов и явлений, характеризующих данный феномен как часть не только отечественной, но и мировой истории. Системный принцип предполагает рассмотрение феномена российского эмигрантского военно-политического активизма 1920–1940-х гг. как целостного явления, анализ фактов во всей их совокупности и взаимосвязи и опирается на современные научные подходы к исследованию данной темы.

Российский эмигрантский военно-политический активизм 1920–1940-х гг. имел очень широкие географические рамки: страны Западной и Центральной Европы, Прибалтийские страны, СССР, Средняя Азия, Китай и другие государства Тихоокеанского региона и т. д. Соответственно, исследование данного вопроса должно учитывать региональную специфику, систему международных отношений, позицию каждой страны и групп стран по отношению к советской России.

Источниковую базу проблемы составляют документы и материалы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Среди них – комплекс фондов Русского Заграничного исторического архива (РЗИА), так называемый «Пражский архив», включающий документы о деятельности РОВС, судебных

процессах над террористами, материалы эмигрантских диверсионных групп, программные документы военно-активистских организаций и др. В большинстве своем это информационно насыщенные источники, содержащие значительное количество данных о белоэмигрантском военно-политическом активизме².

Большой документальный комплекс по теме российского военно-политического активизма находится в Российском государственном военном архиве (РГВА) в составе материалов «Особого архива». Он содержит документы французской тайной полиции «Сюртэ Женераль», осуществлявшей наблюдение за российскими эмигрантами, материалы 2 отдела Генерального штаба Польши и другие материалы³.

В 1990–2000-е гг. на страницах отечественных периодических и продолжающихся изданий публикуются документы и материалы, отражающие историю феномена эмигрантского военно-политического активизма⁴. Выходят в свет фундаментальные сборники документов по данной проблематике. Среди них необходимо выделить издание «Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы», осуществляемое Министерством обороны РФ, ФСБ и СВР⁵.

Тема эмигрантского военно-политического активизма нашла отражение в мемуарах его участников и деятелей советских спецслужб, опубликованных в 1920-е и в 1980–1990-е гг.⁶

Ценным источником по данной тематике являются также материалы эмигрантской периодической печати 1920–1940-х гг., на страницах которой публиковались материалы о деятельности ряда военно-активистских организаций, молодежных военно-спортивных движений и клубов, также поставивших кадры эмигрантского активизма, участия российских эмигрантов в военно-политических конфликтах в разных регионах мира и пр.

Опираясь на данные источников, можно сформулировать ряд новейших теоретико-методологических выводов по теме.

1. Российский эмигрантский военно-политический активизм в 1920–1940-е гг. развивался в контексте общемировых соци-

ально-политических процессов, что сделало его определенным фактором влияния в странах-реципиентах.

2. Военно-политический активизм российского зарубежья был интегрирован в мир политического экстремизма стран проживания, фактически став его неотъемлемым сегментом.

3. Институциональная основа российского военно-политического активизма являлась в то же время частью общеэмигрантской организационной структуры, представляя собой ее теньную, «закрытую» часть.

4. Советский режим 1930–1940-х гг. рассматривал эмигрантские военно-активистские структуры как серьезного политического противника, направив против него весь имевшийся в его распоряжении арсенал дипломатических, разведывательных и репрессивных средств, включая политическое давление на власти стран-реципиентов и физическое устранение лидеров эмигрантского активизма.

5. Военно-активистские структуры в конце 1940-х–1950-е гг. использовались западными странами в рамках идеологического противоборства «холодной войны».

6. Российский эмигрантский военно-политический активизм 1920–1940-х гг. вообрал в себя практически все виды экстремистской деятельности: акты индивидуального террора, диверсии, вооруженные опе-

рации формирований армейского типа и пр. Реализация эмигрантского военного активизма проходила в самых разных регионах мира и в условиях различных политических режимов. При этом российский эмигрантский политический активизм сохранял свое идеологическое единство в многообразии форм его проявления.

Примечания

¹ Пивовар Е.И. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.

² ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 44 и др.

³ РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 121; Ф. 308. Оп. 19. Д. 32; Ф. 309. Оп. 1. Д. 158.

⁴ «Фашизм развивается и внедряется в умы русских беженцев». Политическая деятельность белой эмиграции в Маньчжурии в сводках ОГПУ. 1928 г. / Сост. А.Ю. Цыбин // Исторический архив. 2006. № 5.

⁵ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т.4. У истоков «Русского общевойскового союза». 1924 г. М., 2007.

⁶ Агапеев В.П. Убийство генерала Романовского // Белое дело. Летопись белой борьбы. Т.2. Берлин, 1927; Ларионов В. Боевая вылазка в СССР. Записки организатора взрыва Ленинградского центрального партклуба. Париж, 1931; Ковверда Б. Покушение на полпреда Войкова 7 июня 1927 года // Русская мысль. 1984; Думбадзе Е.В. На службе ЧК и Коминтерна. Париж, 1939; Орлов В. Двойной агент. М., 1998.

А.А. Федоров

Современные теоретические подходы к изучению истории российского военного зарубежья 1920—1950-х гг.

В результате исхода из России в 1920–1930-х гг. за рубежом – в странах Юго-Восточной и Центральной Европы и на Дальнем Востоке – оказалось значительное число российских военнослужащих, как кадровых офицеров и моряков, так и солдат и казаков. Часть их эмигрировала в Советскую Россию в начале 1920-х гг., но многие составили в будущем контингент вооруженных формирований российского зарубежья. Уже в первой половине 1920-х гг. в Европе, Китае и США появились организационные структуры военной эмиграции – воинские общества и союзы, военно-учебные заведения, историко-культурные общества, которые составили институциональную основу будущих вооруженных формирований 1920–1940-х гг.

Актуальность темы исследования российских вооруженных формирований в русском зарубежье 1920–1930-х гг. определяется тем обстоятельством, что в настоящее время на постсоветском пространстве стран СНГ возникают неформальные воинские структуры, в которых принимают участие и бывшие офицеры Советской армии. Бывшие военнослужащие среднего звена армии СССР используются также в качестве военных консультантов в армиях Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и других государств ближнего зарубежья.

Возникновение вооруженных формирований российской эмиграции в разных странах и регионах не было синхронным и происходило под воздействием ряда факторов – политических, социально-эконо-

мических, военных, ментальных и др. При этом специфика деятельности воинских подразделений русского зарубежья в значительной степени зависела от региона их дислокации, политики властей стран-реципиентов, военных традиций государств, где они были сформированы, а также от общего развития военно-политического процесса в Европе и на Дальнем Востоке в период Второй мировой войны и хода боевых действий.

Изучение проблемы российских эмигрантских вооруженных формирований 1920–1940-х гг. необходимо проводить в рамках компаративного подхода или сравнительной истории. Невозможно охарактеризовать воинские подразделения российской эмиграции и их место в истории России и стран-реципиентов, не принимая во внимание факторы, определяемые методами: 1) диахронного сравнения (сопоставительное изучение всех сторон деятельности военной эмиграции из России разных этапов и волн, внутренней ситуации в СССР и в странах проживания и т. д.); 2) синхронного сравнения (сопоставления с аналогичными сторонами жизни и деятельности различных частей русского военного зарубежья в разных регионах мира – Латинской Америке, Тихоокеанском регионе и пр.). При этом необходимо сравнительное изучение социально-экономического и военно-политического состояния стран-реципиентов, а также сравнительное изучение особенностей существования российских диаспор в различных государствах мира.

Одним из существенных факторов, обусловивших живучесть российских воинских формирований в зарубежье 1920–1940-х гг.,

Александр Алексеевич Федоров – соискатель кафедры «История и политология» Российского государственного университета туризма и сервиса (РГУТИС), Москва.

являлось стремление офицерского состава из числа русских эмигрантов продолжать военную службу, даже в условиях изгнания, под чужим флагом. Реально снижение социального статуса бывших российских военных в странах-реципиентах также способствовало их активности в этом направлении.

Российские военные эмигранты в силу своей ментальной специфики трудно адаптировались в социум стран проживания, что также являлось существенным фактором, облегчавшим их консолидацию. Новые воинские институциональные структуры – вооруженные формирования российского военного зарубежья – позволяли им восстанавливать в рамках своей среды привычное военно-культурное пространство.

Как один из основных системообразующих факторов применительно к проблеме российской военной эмиграции можно рассматривать менталитет. Социокультурная среда российской военной эмиграции являлась постоянным полигоном для самых разных ментальных экспериментов на всем протяжении исторического существования зарубежной России, что дает историку перспективные возможности рассматривать на примере военных эмигрантов острые и дискуссионные вопросы ментальной специфики зарубежной России, ее проявления в условиях социокультурных отличий обществ стран-реципиентов. Необходимо также учитывать и идеологическо-ментальные различия социальных групп российской военной эмиграции, что также в значительной мере сказывалось на процессе формирования и деятельности российских воинских структур, развитии в них внутренних противоречий, организационной эволюции.

Исследование ментальности участников российских вооруженных формирований за рубежом невозможно без реконструкции и изучения воссоздававшегося ими цивилизационного пространства и эстетики российской военной культуры.

Современные теоретические подходы к изучению истории российских эмигрантских вооруженных формирований 1920–1940-х гг. предполагают также междисциплинарные методы исследования, изучение индивидуальной деятельности со-

знания и поведения участников зарубежного военно-политического движения. При том, что современная глобализация гуманитарного знания приводит историков к пониманию взаимосвязанности всего нашего мира, история воинских формирований российского зарубежья также начинает восприниматься как неотъемлемый компонент не только отечественной, но и всемирной истории, поскольку их роль в военно-политических событиях периода Второй мировой войны весьма значительна.

История российской военной эмиграции XX в. включает ряд проблем, анализ которых может способствовать продвижению как конкретно-исторического, так и теоретико-познавательного изучения таких процессов, как диалог военных культур, соотношение воинских традиций и новаций в военной истории России и стран-реципиентов, история повседневности, военно-интеллектуальная история и т. д. В рамках истории российской военной эмиграции как историографической проблемы всегда присутствуют, по крайней мере, два объекта анализа: военная история страны-реципиента и история российской военной диаспоры, прежде всего, в Центральной и Юго-Восточной Европе и на Дальнем Востоке.

Участие российских эмигрантов в вооруженных формированиях русского зарубежья являлось способом повысить свой социальный статус, а также и формой адаптации, когда средства к существованию военнослужащие получали уже из бюджета создававших данные формирования структур – РОВС, военно-политических организаций, военных штабов иностранных государств и т. д.

Спецификой вооруженных формирований российской эмиграции 1920–1940-х гг. являлась их идеологизированность, видение ее участниками своей деятельности как формы продолжения гражданской войны в России. При этом для вооруженных формирований российского зарубежья была характерна футурологическая составляющая, т.е. практически вся деятельность воинских контингентов за рубежом была ориентирована на достижение будущего реванша на родине в условиях постбольшевистской России.

Научное освоение проблемы российской военной эмиграции имеет достаточно длительную историю как в отечественной, так и в зарубежной науке, однако наиболее интенсивный процесс ее изучения пришелся на последние 20 лет, когда в России и за ее пределами были созданы многочисленные научные исследования, рассматривающие самые разные аспекты жизни и деятельности российских военных эмигрантов. При этом интерес к данной теме в нашей стране стал стимулом к расширению зарубежных научных программ, связанных с историей и военной культурой российского зарубежья.

Изучение российской военной эмиграции 1920–1945 гг. подразумевает исследование целостной картины формирования и генезиса воинских подразделений российского зарубежья, требует определения этапов его становления, изучения внутренней структуры, выявления и анализа всех составляющих данной многоаспектной проблемы и выведения ее на уровень научного обобщения.

Научная новизна данного ракурса изучения российской военной эмиграции 1920–1940-х гг. заключается в том, что впервые российские эмигрантские вооруженные формирования рассматриваются как самостоятельный предмет исследования и как компонент мировых военно-политических процессов, сыгравший значительную роль в годы Второй мировой войны, оказавший определенное влияние на ее ход и результаты. Данный подход позволяет показать формирование институционально основы российского военного зарубежья, его специфику, системообразующие факторы, а также генезис и эволюцию ментальности российских военных эмигрантов. Научная новизна данного подхода к изучению темы формирования и деятельности эмигрантских воинских подразделений 1920–1940-х гг. заключается и в междисциплинарном подходе к исследованию проблемы, использованию новейших методологических и информационных технологий, которые позволяют достичь синтеза научных знаний.

В конце 1970-х – 1980-е гг. в рамках советской историографии проводятся иссле-

дования вопросов деятельности и роли белоэмигрантских вооруженных формирований. Были опубликованы работы Г.Ф. Барихновского, Ю.В. Мухачева, Г.З. Иоффе и других историков¹. В этот период происходит интенсификация историографического процесса, выделяются новые направления исследований, применяются новые методы исторического поиска, повышается теоретический и методологический уровень научных работ, расширяется источниковая база исследований. В этот период была опубликована работа Л.К. Шкаренкова «Агония белой эмиграции», в которой затрагиваются различные аспекты деятельности российских зарубежных вооруженных формирований, и другие работы².

В течение последней четверти XX в. продолжают выходить в свет эмигрантские публикации (С.Л. Войцеховского, В. Варшавского, Б. Прянишникова и др.), посвященные российскому военному зарубежью и вооруженным формированиям³. В западной советологической историографии тема российской военной эмиграции также нашла отражение: в 1990–2000-е гг. были опубликованы работы М. Раева, Й. Хоффмана, Ю. Суомелы и других исследователей⁴.

Значительным исследовательским направлением отечественной историографии новейшего времени стало изучение проблем правовой, социально-экономической и культурной адаптации российских военных эмигрантов в 1920–1930-е гг., причем исследовалась специфика положения российской военной диаспоры в различных странах и регионах мира, особенности адаптации ее тех или иных социальных групп, теоретические проблемы интеграции в военный мир иностранных государств, вопросы ассимиляции в странах-реципиентах.

Большое внимание российские исследователи уделяли проблемам развития эмигрантской военной науки, а также созданию и деятельности военно-учебных заведений в зарубежной России.

В 1990–2000-е гг. был создан комплекс научных исследований, посвященных одному из наиболее крупных видов белоэмигрантских воинских формирований – казачьим подразделениям⁵.

Существенным аспектом деятельности российских эмигрантских вооруженных формирований являлось их участие в составе иностранных армий в военных действиях в период Второй мировой войны, причем российские военные эмигранты входили в состав армий как фашистской Германии, так и в структуры Сопротивления, а также оказывали содействие англо-американским войскам⁶.

В трудах Е.И. Пивовара, В.Ф. Ершова, А.М. Бегидова, В.И. Голдина и других авторов был осуществлен анализ идеологии и менталитета российской военной эмиграции, проблем формирования и деятельности ее институциональных структур, роли в общественно-политической и культурной жизни российской эмиграции⁷.

Таким образом, в настоящее время существует научно-теоретическая основа для осуществления комплексного обобщающего исследования проблемы формирования и эволюции российского военного зарубежья XX века в контексте современных междисциплинарных подходов, в том числе анализа и создания целостной картины феномена вооруженных формирований российской эмиграции 1920–1940-х гг.

Примечания

¹ Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). Л., 1978; Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982; Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1987.

² Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1981; Афанасьев А. Польша в чужих полях. М., 1987; и другие публикации.

³ Войцеховский С.Л. Трест. Нью-Йорк, 1974; Зарубежные высшие военно-научные курсы под руководством профессора, генерала Н.Н. Головина. 1927–1977. Мюнхен, 1977; Варшавский В. Незамеченное поколение. М., 1998; Прянишников Б.В. Незримая паутина. ВЧК–ОГПУ–НКВД

против белой эмиграции. М., 1993.

⁴ Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994; Хоффман Й. История власовской армии. Париж, 1990; Суомела Ю. Зарубежная Россия: Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. СПб., 2004.

⁵ Долгих А.И. Казачья эмиграция 1920–30-х гг. // Казаки России: проблемы истории казачества. М., 1993; Кириенко Ю.К. Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921–1945) // Вопросы истории. 1996. № 10; Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939). Краснодар, 1997; Парфенова Е.Б. Казачество в эмиграции: вопросы сравнительного анализа источников // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996; Худобородов А.Л. Вдали от Родины: российские казаки в эмиграции. Челябинск, 1997.

⁶ Захаров В.В., Колунтаев С.А. Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930-е – 1945 гг.) // Материалы по истории РОД. М., 1998. Вып. 2.; Цурганов Ю. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001; Дробязко С.И. Под знаменами врага: Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945. М., 2004; Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2000.

⁷ Пивовар Е.И., Ершов В.Ф. Военно-учебные заведения и военно-научная мысль белой эмиграции в 1920–1930 гг. // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. М., 1993; Домнин И.В. Русское военное зарубежье: дела, люди, мысли (20–30-е годы) // Вопросы истории. 1995; Ершов В.Ф. Военная эмиграция и большевистский режим в СССР // Российское зарубежье. Итоги и перспективы изучения: Тезисы докладов и сообщений научной конференции 17 ноября 1997 г. М., 1997; Он же. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000; Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом / Пивовар Е.И., Алдюхова Е.И., Ершов В.Ф. и др. М., 1999; Бегидов А.М. Военное образование зарубежной России. 1920–1945 гг. М., 2001; Голдин В.И. Армия в изгнании. Страницы истории Русского Обще-Воинского Союза. Архангельск-Мурманск, 2002; и другие работы.

С.А. Кирсанова

Старообрядчество — религия Книги

До сих пор у нас господствуют довольно хаотичные представления о русской народной религиозности и ее истории. Нередко даже специалисту бывает затруднительно разобраться в массе противоречивых сведений и старых штампов. Так, например, сегодня широко, вплоть до учебных программ вузов, распространены положения о славяно-русских Ведах, обширном пантеоне и древнерусской мифологии. По мнению же других, эти положения современной неоязыческой секты не имеют ни малейшего отношения ни к русскому народу, ни к славянам, ни тем более к древности. Другой пример: русский народ — это традиционные православные христиане. На сегодня это привычное мнение входит в противоречие не только с вышеуказанными положениями неоязычества, но и с активными миссионерскими действиями самой Русской православной церкви, направленными на вроде бы православный народ, пекший куличи и красивший яйца и при советской власти. Цель настоящей статьи — дать системное описание истории русской народной религиозности, основываясь на лингвистических исследованиях слависта академика О.Н. Трубачева, обычно не используемых в исторических или этнографических трудах, и более подробно — одного из ее этапов. Причем, именно народных верований и форм их выражения, а не истории какой-либо конфессии или конфессий (институционализированных организаций). Прежде всего, стоит сказать несколько слов о диалектном членении внутри индоевропейских языков, используя положения «лингвистической географии о нормально функционирующем ареале языка с его центром, вырабатывающим новообразования, и перифериями как естест-

венным прибежищем архаизмов»¹. «Сатэмная группа языков, т.е. языков, прошедших инновацию, занимала относительно срединное положение среди прочих индоевропейских» языков кентум, находившихся в периферийном положении².

Среди сатэмных языков наиболее продвинутыми считаются славянские языки. При этом центры индоевропейских и славянских фонетических инноваций совпадают, локализуясь в районе Среднего Дуная (центр лингвистического ареала — величина весьма стабильная)³, — положение, вынесенное О.Н. Трубачевым в виде рисунка на обложку обоих изданий цитируемой нами книги. Несмотря на нахождение в эпицентре инноваций, «славянский, засвидетельствованный в IX веке после Рождества Христова, очень консервативен, в значительно большей степени, чем хеттский, на котором говорили за 2000 лет до Рождества Христова»⁴, а в чем-то архаичнее и ближе индоевропейскому состоянию, чем даже балтийские языки⁵. Таким образом, праславянский — это самобытный индоевропейский язык архаического типа⁶, результат непрерывной и преемственной эволюции праиндоевропейского языка (его центрального диалекта) в общем центре⁷ и оставшийся там последним после постепенных уходов на периферию всех остальных индоевропейских диалектов (языков). Весьма специфическая архаичность языка славян представляет собой сочетание продвинутости (прежде всего в фонетике, отчасти в лексике, — т.е. центральности) славянской языковой эволюции со специфически славянским сохранением общего строя праиндоевропейского языка — так называемый «преобразованный архаизм»⁸.

Около четверти века назад О.Н. Трубачев представил основы относительной периодизации религиозности индоевропейцев и славян в серии публикаций «Языкознание и этногенез славян» (журнал «Вопросы языкознания»,

Светлана Анатольевна Кирсанова — преподаватель кафедры права и СКД Московского института коммунального хозяйства и строительства.

1982–1985 гг.). Однако «общепринятое мнение», с которым О.Н. Трубачев спорил практически всю жизнь, не заметило обоснованной им реконструкции. «Общее мнение» сравнительной мифологии, на которое в конечном счете опирается положение о русских Ведах, видит у древних индоевропейцев сложнейший пантеон, доживший с большими или меньшими утратами у представителей разных языковых групп до начала мировых религий или (Индия) до наших дней. Отсюда постулируется «ветхий» (дохристианский) закон праиндоевропейцев: «Тебе надлежит чтить богов»⁹, – с предположительной реализацией в виде их воспевания и обширного мифотворчества. Тем самым религиозная история изображается в виде двух этапов: описанного языческого и сменившего его христианского (а у некоторых народов и мусульманского, между прочим).

Однако беспристрастная лингвистическая реконструкция показывает, что «ритуал восхваления – отнюдь не самая древняя стадия общения славян и индоевропейцев с божеством». Вместо нее мы нащупываем иную, несомненно, более архаичную стадию **безмолвного почитания**. Идеология молчаливого почитания божества нашла выражение в замечательной исключительной славяно-латинской изоглоссе, которую по праву можно считать стадияльно древнейшей изоглоссой религиозной терминологии: слав. **gověti* с его набором значений “поститься”, “хранить почитательное молчание”, “воздерживаться”, “благоприятствовать” – лат. *favēre* “благоприятствовать, быть милостивым; хранить молчание”¹⁰. Важность этого старого лексического соответствия состоит в том, что оно является далеко еще не использованным наукой свидетельством о **древнейшей**, видимо, стадии религиозной практики и соответствующих представлений, которую уместно для краткости назвать **стадией *favere***...»¹¹.

Древнейшей стадии священного благоговения, с которой должны были начинать свою религиозную практику все индоевропейцы, соответствует отнюдь не мифотворчество, а понятие, выраженное позднее словами «мысль изреченная есть ложь». В славянском мире «*вещей*» (буквально «сказанное, названное») понятию противопоставлен неизреченному миру «*божественной красоты и гармонии*» (слав. *basa* – «красота», *nebas* – «негодяй»; лат. *fas* – «дозволенное; божественное установление», *nefas* – «грех»), о котором *нельзя* говорить, *вещать*. Почитание божественного

закладывается в безмолвном жертвоприношении – возлиянии, которое отражено в значении славянского глагола «*пою* – даю *пить*», который, в свою очередь, приобрел значение «*пою* – *воспеваю*», «*лью* “вверх” уже не только воду, жидкость, но и голос, слова, речь» на следующей стадии¹².

Итак, только после стадии *favere* наступает стадия *bbvate* др.-инд. «**призывать (воспевать)**», слав. **pěti*, рус. *петь*, обычно столь умеренно обобщаемая современными исследователями¹³. Этой же стадии соответствует эпическое творчество. Но с того момента, как группы индоевропейских народов в религиозной сфере «обрели голос», обнаруживаются и расхождения в их религиозных представлениях. У одних народов эпос практически превращается в мифологию (греки, индоарии, германцы), а у других (иранцы) не оказывается «ничего похожего на верховного бога Юпитера с его многочисленным блудливым семейством»¹⁴. Третьи же народы (из тех, о которых имеется достаточно сведений, чтобы говорить с определенностью) – италики, балты, славяне до этой второй стадии практически не дошли или остановились в самом ее начале.

Здесь же проявляется и еще одно разделение внутри индоевропейцев: и.-е. **dies* / **deiy-s* «небесный ➔ божество» от и.-е. **di-*: **dei-* «испускать лучи ➔ сиять, светить» известно только греческому, индийскому и балтийским языкам (имеющим, кстати, черты особого фонетического родства среди языков сатэм¹⁵). Латинский (язык кентум) остановился на промежуточном состоянии: *divina* и т.п. «день, дневной; небо, небесный; природа; божественный, божество» – сохранив в активе как нарицательные, так и священные значения данного корня. Славянам из всех значений этого корня известен лишь нарицательный «(сияющий) *день*», без какого бы то ни было оттенка сакральности. Наоборот, слав. *бог* является общим славяно-иранским понятием, противопоставленным инд. *devb* – (со значением «*бес*»; ир. *daia-*, откуда евроазиатское и рус. *дуб*), демонстрируя и религиозную близость славян и иранцев, близких также фонетически (среди других языков сатэм) и культурно (общий фольклор и др.). Наконец, поразительная общность религиозных верований обнаруживается в представлении о *светлом рае* (слав. **rajь* ≈ «заречье»; ир. *Vahišta* – «лучшее (бытие)», *garōdhmān* «дом восхвалений – горный рай», *naradāyza* («огороженный сад, парадиз», отсутствующем в дру-

гих индоевропейских языках, знающих только мрачный «тот свет» (греч. *Tartar*; *Aid*, *ad*; лат. и романск. *infernum*; герм. *Хель* «дыра, провал»; лит. *pragaras* «жерло, пасть»; инд. *paṛaka*)¹⁶.

Говорить о **третьей стадии** религиозности имеет смысл с того момента, когда бытовавшие ранее изустно тексты начинают **записываться**. Подобный порядок религиозных этапов просматривается и в Библии: безмолвное почитание; начало устного призывания имени Господа (Быт. 4); запись священных текстов и начало **религии Писания, Книги**. У индийцев записываются гимны и другие священные тексты, эпос, также приобретающий священный характер, и др.; затем на этой основе формируется индийская философия как уже сугубо письменная культура. У греков древнейшими записанными становятся мифологические и эпические тексты, за которыми следуют литература и дальнейшее мифотворчество и знаменитая греческая философия, за которой очень быстро, с эпохи эллинизма, наступает этап практического безбожия письменной культуры, что может считаться уже **четвертым этапом** (синкретизма, атеизма и мистицизма).

Запись германо-скандинавских мифологических и героических песен, а также кельтских легенд о короле Артуре и т. п., совпадает с началом христианизации соответствующих народов. В результате оказывается невозможным с точностью определить, является ли данный процесс третьим этапом собственного внутреннего развития, либо наступает в той же функции как следствие влияния извне.

Более определенно в подобном случае можно говорить о славянах, «задержавшихся дольше других обитателей Европы на родо-племенной стадии, позже других образовавших государство, позже применивших письменность»¹⁷ и сохранивших наиболее архаичную форму индоевропейской традиции частично до наших дней. В то же время, примерно с середины I тыс. до н.э. известен славяно-иранский симбиоз (в материальной и духовной культуре), тем более тесный, что связывал народы, изначально духовно наиболее родственные. Иранцы к этому времени находились в расцвете своей второй стадии воспевания, к которой славяне и присоединились. Третью письменную стадию религиозности у иранцев можно отсчитывать с рубежа либо со 2-й половины I тыс. н.э., когда началась массовая запись авестийских текстов на среднеперсидском и эпоса на ново-

персидском языке. Однако ни о какой иранской мифологии в греко-индийском смысле, с блудливыми похождениями «сияющих персонажей»-дэвов, речи в них не было. Нечто подобное наблюдалось и у славян, у которых политеизация (введение многобожия) была «актом вторичным, обязанным своим появлением конфронтации с христианством, как, например, в Полабье, позднее – в Польше»¹⁸. Киевский пантеон был введен тем же Владимиром Святым, что и доподлинно письменное христианство. Т.е. фактически несколько лет или десятилетий политеизма у разных славянских племен были альтернативной, но не прижившейся формой той же третьей стадии религиозности, что и христианство, за мимолетностью которой славянская мифология не успела даже зародиться.

Итак, мы подошли к **третьей стадии** религиозности у славян – письменной религии или **религии Книги** (которую рассмотрим здесь узко – только на русском материале). Эта стадия известна также как этап мировых религий, ведущее место в которых занимают религии Писания – иудаизм, христианство, мусульманство. Распространение письменности в Древней Руси как будто бы примерно совпадает по времени с принятием христианства (X в.). Однако в свете вышеизложенного встает немаловажный вопрос: была ли древнерусская культура письменности религиозной и, наоборот, было ли письменное христианство общенародным верованием?

Известные исторические данные предполагают скорее отрицательный ответ на обе части вопроса. Содержание берестяных грамот и даже графитти на стенах соборов посвящено преимущественно бытовым и экономическим темам. Религиозные книги остаются достоянием главным образом придворных кругов и монастырей; а «народным массам» вплоть до XVI в. из всей религиозной литературы адресуются лишь «Поучения против язычества». Но, пожалуй, самым весомым аргументом в пользу отсутствия перехода к третьей стадии религиозности у русского народа в целом в X и последующих веках является отсутствие письменной фиксации дохристианского фольклора, имевшее место при аналогичных обстоятельствах в Западной Европе (случайное попадание нескольких произведений в летописи не изменило общей картины и, скорее, осложнило работу фольклористов XIX–XX вв.). Русский фольклор оказался, ка-

жется, наиболее поздним записанным фольклором в Европе (собрание его продолжается до сих пор) и записанным преимущественно извне (по европейскому образцу). Если опираться на эти факты, придется утверждать, что стадия письменной религиозности у русского народа не начиналась вовсе.

Однако в русской истории имеются и другие факты, обнаружение и подробное изучение которых началось лишь в последние 15 лет, после снятия идеологических запретов. Специфика предмета – активная эволюционная религиозность простого народа – не позволяла ему быть адекватно изучаемым в эпоху господства научного атеизма. Между реконструируемым древним состоянием и современной констатируемой бездуховностью оставался пробел в 1–3 этапа, который теперь только-только начинает заполняться.

Третью стадию религиозной эволюции допустимо отсчитывать с более или менее массового распространения религиозной литературы среди народа и хотя бы частичной записи фольклора самим же народом.

Одним из первых памятников русской протонародной религиозной письменности является книга «Сын Церковный», написанная приказчиком Михайлой в Москве еще во времена Смуты и сохранявшаяся затем в копиях у старообрядцев¹⁹. Но собственно массовое обращение народа к религиозным книгам и массовое вхождение книг в народ началось во второй половине XVII в. Обратной стороной глобальных реформ этого периода стало формирование старообрядчества – не только как идеологического и т. д. течения, но и как специфического образа жизни, и целенаправленно, и бессознательно консервирующего всю возможную старину, архаику. Но у этой архаики все же была инновационная черта – наличие религиозных книг (и не только в каждом старообрядческом доме).

Это было не механическое собрание каких-нибудь книг, а осмысленная и постоянно выверяемая система книг каждой конкретной местности, являющейся территорией живого общинного книгообращения. Каждая такая территория с проживающей на ней разветвленной общиной из нескольких или многих приходов и системой книг, живущих в общине в тесном взаимодействии с людьми, представляла собой феномен старообрядческой библиотеки – самоорганизующейся живой системы, для изучения которой необходимо

привлекать синергетику и общие теории систем.

Своеобразие старообрядческих библиотек-местностей как самоорганизующихся систем состояло в числе прочего в том, что они были местом не только собирания и хранения в первую очередь древлеписменных и старопечатных книг, не только книгообращения и Богослужений как Чтений, но и – местами книговоспроизводства. Старообрядческие районы известны как скриптории – территории массового переписывания старых книг и создания новых как профессиональными писцами, так и простыми верующими (включая иногда даже детей).

Таким образом, мы можем констатировать, что старообрядчество представляет собой третью эволюционную стадию развития русской (диалектного варианта славянской) религиозности – Религию Книги – не просто Библии (как одной из форм мировой религии), а именно народного взаимодействия с книгой, книгами и именно религиозными, – «преобразованный архаизм».

Примечания

¹ Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. С. 93.

² Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 2002. С. 9.

³ Там же. С. 9, 81–94, 130, 299.

⁴ Там же. С. 274.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Там же. С. 25, 63.

⁷ Там же. С. 182, 248, 270.

⁸ Там же. С. 94, 283.

⁹ Там же. С. 310, 426.

¹⁰ См.: Этимологический словарь славянских языков. Вып. 7. С. 72–73.

¹¹ Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. С. 201.

¹² Там же. С. 200, 203–204, 237, 426.

¹³ Там же. С. 201, 425.

¹⁴ Трубачев О.Н. К отдаленнейшим истокам нашего самосознания: Презентация одной книги // Трубачев О.Н. Труды по этимологии в 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 458; *Он же*. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 2006. С. 8–11.

¹⁵ Там же. С. 82.

¹⁶ Там же. С. 50, 190, 417, 421.

¹⁷ Там же. С. 245.

¹⁸ Там же. С. 249.

¹⁹ Сын Церковный: памятник древнерусской церковной литературы / Послесловие о. Сергия Дурасова. М., 1995.

В.В. Сильвачев

Ценностные ориентации курсантов

Кардинальная смена общественной системы и произошедшие за последнее десятилетие изменения в российском обществе потребовали переоценки значимости многих фундаментальных ценностей. Социальные перемены, обусловившие необходимость принятия каждым членом общества ответственности за свою судьбу, приводят к постепенному утверждению в общественном сознании новой системы ценностных ориентаций. Входящие в жизнь молодые люди, уже не связанные с прежними ценностями, не в полной мере восприняли и ценности свободного демократического общества.

К сожалению, сегодня мы видим, что для некоторой части курсантов и офицеров характерны утрата традиционных нравственных ценностей, резкое снижение интереса к службе, обесценивание понятий воинской чести, долга, ответственности, культуры поведения. У них порой проявляются такие мотивы и качества, как устойчивое стремление к наживе, легкой жизни, неразборчивость в средствах достижения личных целей. Нравственные критерии с отрицательным вектором, которых придерживается часть молодых людей, входят в противоречие с такими традиционными нашими ценностями, как любовь к Родине, к службе, традициям, взаимное уважение, доблести и славы старших поколений и т. д.

В этой связи особое значение приобретает процесс ценностного самоопределения в вузе, формирование системы ценностных ориентаций обучающихся, имеющей гуманистическую и деонтологическую направ-

Владимир Владимирович Сильвачев – адъюнкт ХПИ ФСБ России, г. Хабаровск.

ленность. Такая направленность особенно необходима для будущей успешной профессиональной деятельности в системе «человек-человек», где она должна приобрести характер центрального элемента в структуре их профессионального образа мира. Рядом авторов в этом контексте рассматривается роль ценностных ориентаций в профессиональной деятельности педагога (О.М. Краснорядцева), психолога (А.В. Серый), социального работника (Т.Д. Шевеленкова, Н.Б. Шмелева), офицера (В.С. Емец, М.Ю. Зеленков, А.В. Кравец, В.В. Мелетичев, Л.В. Певень, Н.В. Слесаренко, С.С. Соловьев, С.А. Чернов).

В основе регуляции социального поведения и профессиональной деятельности человека находится система его ценностных ориентаций, которая представляет собой сложное и динамическое образование. Традиционно в науке под ценностными ориентациями понимаются «отношения субъекта к условиям своего бытия, отношения, в которых проявляется результат свободного, оценочного выбора социально значимых предметов»¹. Сущность ценностной ориентации состоит в гуманистической направленности «изнутри – вовне», основанной на системе ценностей, т.е. значимого, существенного для субъекта, и находящей свое выражение в логике поступка как действия, необратимого и ответственного одновременно². Иными словами, это общая оценочно-императивная устремленность морального сознания личности, обеспечивающая единство его действия, целенаправленность регуляции поведения.

Ценностные ориентации формируются в процессе усвоения социальных норм

и требований времени и тех социальных групп, куда личность оказывается включенной. «Система ценностных ориентаций, – подчеркивает В.Д. Сайко, – является важнейшей характеристикой личности и показателем ее сформированности. Степень развитости ценностных ориентаций, особенности их становления позволяют судить об уровне развития личности, цельность и устойчивость которой выступает как устойчивой ее ценностных ориентаций»³.

Формирование системы ценностных ориентаций знаменует, таким образом, становление личности как активного субъекта социальной деятельности. Адекватность ориентации курсантов социальным ценностям определяет степень их социальной зрелости, уровень воспитанности, именно эти задачи необходимо решить на начальном этапе процесса адаптации к служению делу государственности.

Важнейшей характеристикой системы ценностных ориентаций является принцип иерархии ценностей, их многоуровневость. По словам В. Франкла, субъективное «переживание определенной ценности включает переживание того, что она выше какой-то другой»⁴. Принятие личностью ценностей, таким образом, автоматически предполагает построение индивидуальной ценностной иерархии. Ранг той или иной ценности в индивидуальной системе, по мнению Н. Гартмана, может определяться как ее абстрактной «высотой», так и ее «силой», зависящей от «тягости», возникающей при ее нереализации⁵. В работах современных отечественных авторов, в частности, Е.Б. Фанталовой⁶, С.Р. Панталева⁷, Д.А. Леонтьева⁸, также указывается на неоднозначность критериев индивидуального ранжирования ценностей: их предпочтение может быть обусловлено представлениями об их абсолютной значимости для общества и человечества в целом или же их субъективной актуальной важностью, насущностью. В этой связи представляет интерес концепция С.С. Бубновой, которая наряду с принципом иерархичности выделяет принцип нелинейности системы ценностных ориентаций. По ее словам, «чрезвычайно важным свойством системы личностных ценностей является ее многомерность, заключающая-

ся в том, что критерий их иерархии – личностная значимость – включает в себя различные содержательные аспекты, обусловленные влиянием разных типов и форм социальных отношений»⁹.

Будучи сформированными и закрепленными социальным и профессиональным опытом индивида в процессе его становления и развития, ценностные ориентации отграничивают значимое, существенное для личности от незначимого, несущественного. Задавая смысложизненные цели, они обеспечивают целостность и устойчивость личности, придают общую направленность и системность ее интересам и устремлениям, поведению и действиям не только в конкретной ситуации, но и на перспективу. Непротиворечивость, целостность и устойчивость ценностных ориентаций являются важными показателями, характеризующими социально и индивидуально зрелую, самостоятельную и автономную личность, устойчивое, сплоченное общество (общество).

Исследование ценностных ориентаций будущих офицеров при подготовке к профессиональной деятельности включает изучение самих ценностей военной профессии, составляющих ее «идеальный образ» в сознании курсантов и их влияние на формирование конкретных планов. Ценность воинского труда у курсантов определяется тем, насколько он способствует развитию их потребностей в самореализации, формированию самосознания человека.

С целью изучения значимости тех или иных ценностей для курсантов пограничного института, используя разработанную автором методику, мы опросили 30 % переменного состава и получили следующие ответы на вопрос «Какие из перечисленных ценностей для Вас наиболее значимы?»:

1. Мастерство (высокая квалификация, профессионализм) – 74,5 %.
2. Благополучие (физическое и психическое здоровье, безопасность) – 50,8 %.
3. Любовь, дружба – 41,2 %.
4. Моральные (справедливость, великодушные, доброта и т. п.) – 35,9%.
5. Уважение (престиж, слава, репутация) – 31,6 %.
6. Просвещенность (знания, кругозор,

культура) – 24,5 %.

7. Богатство (материальные блага и услуги) – 12,3 %.

8. Власть – 2,6 %.

9. Затруднились ответить – 2,6 %.

В целом проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что система ценностных ориентаций курсантов достаточно мозаична. Надо полагать, что ценность «мастерство», выбранная абсолютным большинством участников опроса, позиционируется как ресурс для социальной мобильности и освоения новых социально-профессиональных ролей, капитал для инвестирования при достижении желаемого социального статуса, эффективного выполнения обязанностей военной службы в пограничных органах. Именно эта ценность непосредственно связана с мотивацией учебной деятельности курсантов – она побуждает их успешно учиться с целью лучше подготовиться к профессиональной деятельности.

Образовательная деятельность курсанта пограничного вуза является движущей силой развития дела охраны границы, повседневной работы пограничных органов ФСБ России, обеспечения безопасности личности, общества и государства. В процессе этой деятельности накапливаются, передаются

от поколения к поколению традиции, нормы, правила и другие содержательные компоненты жизнедеятельности этого организма, которые и составляют каркас деятельности курсантов, выступают его ценностными основаниями.

Примечания

¹ Франкл В. Человек в поисках смысла / Пер. с англ. и нем. М., 1990.

² Айламазян А.М. Выбор мотивов деятельности: теоретические аспекты проблемы и экспериментальное изучение // Вопросы психологии. 1990. № 4. С. 123–130.

³ Сайко В.Д. Ценностные ориентации детей при переходе в младший подростковый возраст // Вопросы психологии. 1986. № 2. С. 67–74.

⁴ Франкл В. Человек в поисках смысла.

⁵ Гартман Н. Эстетика / Пер. с нем. М., 1958.

⁶ Фанталова Е.Б. Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 1. С. 21–29.

⁷ Панттилеев С.Р. Методика исследования самоотношения / С.Р. Панттилеев. М., 1993.

⁸ Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М., 1992.

⁹ Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 1999. № 5. С. 38–44.

Новости науки

Московский быт XVII века

В филиале ГИМ «Палаты в Зарядье» (ул. Варварка, дом 10) каждую пятницу в 18.30 проводится театрализованная экскурсия для взрослых – «Московский быт XVII века», в основу которой положены статьи уникального памятника русского средневековья «Домострой». В старинных палатах оживают картинки патриархального быта. Средневековые костюмы, интерьеры, старинные песни, которые исполняют солисты певческого братства Иоанна Златоуста, помогают погрузиться в атмосферу эпохи. В конце экскурсии гостей угощают «заморским напитком» – чаем с русскими пирогами.

Телефон для справок – (495) 698-12-56

Н.О. Блейх

Горское просветительство в контексте мирового люмьеризма

Просвещение является одним из немногих величайших феноменов мировой культуры, общественной и философской мысли. В той или иной, более или менее развитой форме национальное просвещение наблюдалось во всех странах, переходивших от феодализма к капитализму. Затронуло оно и Россию.

При всех видовых различиях просветительства в разных странах ему присущи общие черты, которые в наиболее полном и чистом виде представлены в его французской классической разновидности XVIII в., своего рода модели всякого просветительства. В силу того, что просветительство (люмьеризм) при всех своих региональных особенностях является отражением эпохи с аналогичным социокультурным содержанием, оно представляет собой один родовой, наднациональный тип культуры, общественной и философской мысли, подразделяющийся на национальные разновидности.

По этимологическому смыслу разноречивых понятий «эпоха Просвещения» («Sicle des lumiers»; «Zeitalter der Aufklrung»; «Age of Enlightenment») речь идет о времени и деятельности, противоположном мракобесию, необразованности, бескультурию, о «свете разума» в противоположность неразумию, о времени познаний, объяснения, разъяснения, агитации, информации, культуры, цивилизации. Если так широко толковать смысл понятий «просвещение», «просветитель», то в мировой истории, как отметил в свое время Г.В. Плеханов, действительно было несколько просветительских эпох¹.

Надежда Оскаровна Блейх – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии Северо-Осетинского государственного университета, г. Владикавказ.

Эпоха Просвещения, определяющая культурный водораздел между феодализмом и Новым временем, отличалась от предыдущих моделей философствования стремлением распространить научные знания на самые широкие слои населения, освободить разум человека, переустроить общество на основе изменения человека. Европейское и российское просветительство сказало на развитии общественного сознания, разнообразных отраслей научного знания, методологии науки, на научно-просветительском движении, и потому с древних времен до настоящего времени в круг просветителей в широком смысле слова можно включать всех новаторов, поборников разума, знания, науки, образования, культуры, цивилизации, гуманности и т. д.

Абстрагируясь от особенностей просветительства в западных странах, отметим специфичность российского просветительства, основные черты которого были сформулированы В.И. Лениным: 1) вражда «...к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области»; 2) «... защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России»; 3) «...отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян, ... искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому»².

Наличие родственных черт между западноевропейским и российским антифеодальным движением обусловило совпадение основных идей просветительства в России и Западной Европе, сходство его проявлений

в философии, искусстве, литературе и других формах духовной жизни (борьба с религиозно-моральным догматизмом, рационализм, теории «естественного права», «общественного договора», «разумного эгоизма» и т. п.). Свообразие исторического процесса (характер самодержавия и крепостного права, позднее развитие капитализма и формирование класса буржуазии) определило особенность русского просветительства: необычайную остроту в постановке крестьянского вопроса, преобладание в числе просветителей выходцев из дворянства, воздействие на просветительство противоречий буржуазного развития западных стран, с одной стороны, и реформаторских актов царизма, с другой. Проблема ликвидации крепостничества, бывшая средоточием всей идеологической и политической борьбы на протяжении столетия (с 1760-х гг. до 1861 г.), обусловила длительность и сложность процесса просветительства в России, которое развивалось, то сопутствуя стихийным выступлениям простого народа, то откатываясь назад под давлением феодальной реакции, то сопровождая отдельные либеральные начинания верхов³. Представители русского просветительства, объединенные общей задачей борьбы с крепостническими порядками и феодальной идеологией, расходились во взглядах при разработке положительных программ и концепций как в сфере социально-политической, так и в различных областях культуры. Некоторые просветители отстаивали идею просвещенного абсолютизма, надеялись на реформы сверху, которые позволили бы избежать кровопролития, неизбежного при насильственных общественных переворотах, осуществляемых «темными» массами (в современной литературе существует точка зрения, отождествляющая просветительство только с этим течением). Представители другого направления считали необходимым приобщить к науке, к «свету разуму» и активному созидательному творчеству трудовой народ; некоторые из них приходили к идее общенародного восстания против деспотизма, выдвигали требования демократической республики и политического равенства всех граждан. Расхождение в стремлениях «левых» и «правых» в русском просветительстве было более значительным,

чем в западноевропейском. И тому имелись исторические причины. Некоторые просветительские идеи встречались уже у деятелей «ученой дружины» Петра I (Феофана Прокоповича, А.Д. Кантемира, В.Н. Татищева) и в еще большей степени – у М. В. Ломоносова: критика церкви, идея внесловной ценности человека, концепция просвещенного абсолютизма⁴.

Расцвет раннего русского просветительства относится к 1760–1780-м гг., когда появились произведения Н.И. Новикова, Д.И. Фонвизина, А.Я. Поленова, Я.П. Козельского, С.Е. Десницкого и других авторов. Первые русские просветители возлагали надежды на «просвещенного монарха», справедливые законы, основанные на естественном праве, смягчение нравов в результате распространения образования и правильного воспитания; выступали за пробуждение национального самосознания и достоинства личности, за патриотизм, равно чуждый и национальной спеси, и «чужебесию».

Идеология русских просветителей начала XIX в. (В.В. Попугаева, И.П. Пнина, А.П. Куницына и других), продолжая оставаться умеренной в политическом и теоретическом отношении, все более наполняется либеральным содержанием.

Первой попыткой претворения идей просветительства в жизнь стало движение декабристов, деятельность и литературное творчество которых (П.И. Пестеля, К.Ф. Рылеева, В.К. Кюхельбекера и других) отличали идеи гражданского служения, активной борьбы за воплощение идеалов общечеловеческой свободы и разумного общества.

Возбуждение общественного мнения в последекабристский период было в значительной мере обязано художественной литературе, особенно творчеству А.С. Пушкина, Н.В. Станкевича, Н.А. Полевого, Н.И. Надеждина. В 1840-е гг. благодаря литературно-критическим выступлениям В.Г. Белинского, философским трудам и художественным произведениям А.И. Герцена, деятельности петрашевцев просветительство поднялось на качественно новую ступень.

К середине XIX в. окончательно сформировались два направления русского просветительства – либерально-реформаторское и революционно-демократическое. Предста-

вители первого (К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин и другие) выступали против привлечения народа к общественно-политическим преобразованиям. Демократы (Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, А.И. Герцен, Н.П. Огарев), напротив, видели основную задачу в пробуждении революционной инициативы народа. Однако общность антифеодальных целей позволяла обоим направлениям просветительства, несмотря на теоретические разногласия, до начала 1860-х гг. выступать совместно по многим вопросам. Революционная ситуация 1859–1861 гг. и крестьянская реформа 1861 г. провели окончательное размежевание: радикальное крыло просветителей, открыто провозгласив революционно-демократическую и социалистическую программу, решительно стало на сторону ограбленного крестьянства. От них отмежевалось либеральное течение, напуганное крестьянским движением и отчасти удовлетворенное царской реформой. Часть просветителей открыто перешла в лагерь охранителей (М.Н. Катков). В 1860-е гг. все более расходившиеся течения русского просветительства еще выступали вместе против пережитков крепостничества: М.Е. Салтыков-Щедрин и Д.И. Писарев, с одной стороны, И.С. Тургенев и Ф.П. Еленев (Скалдин), с другой. Основные задачи русского просветительства после реформ 1860-х гг., направивших Россию на путь капитализма, оказались исчерпанными, и как специфическое явление оно прекратило существование. Радикальное, революционно-демократическое течение русского просветительства, выражавшее интересы трудового крестьянства, пошло по пути народничества. Либеральное течение защищало интересы молодой русской буржуазии. Поскольку пережитки феодальной системы сохранялись в России до 1917 г., элементы просветительства присутствовали как в произведениях писателей-народников, так и в либеральной журналистике, но особенно в творчестве И.А. Тургенева, Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко.

Просветительское движение в России наложило отпечаток и на появление просветительства у горцев, вся история которого наглядно свидетельствует о том, что оно стало возможным только в силу прогрессивного влияния России на горские народы.

Социально-экономические и политические прогрессивные перемены, происходившие после присоединения Кавказа к России, вызвали позитивные изменения в крае, ускорили подъем общественно-просветительского движения, создали благоприятные условия для развития научной и просветительской мысли.

Веками копившаяся внутренняя энергия горских этносов, обращенная к культуре и просвещению, с помощью России получила исторический простор, принесла северокавказским народам достижения, которые нельзя не расценивать как блестящие. Всего лишь два–три поколения понадобилось Кавказу, чтобы создать у себя стройную систему образования, национальную литературу и науку. За это же время была сформирована влиятельная военная и гражданская интеллигенция, ставшая на Кавказе общественным сословием, способным влиять на судьбы своего народа, участвовать в важнейших событиях российской истории. При непосредственном участии российской и горской интеллигенции на Северном Кавказе зарождается просветительство.

Просветительство нетитульных народов России, обладая общепросветительским сциентистским пафосом, представляло собой интеграционный культурно-исторический феномен, охватывающий вопросы национального строительства, культуры и образования, обеспечивающий внутренний культурный рост народов, способствующий «поднятию их духовно-нравственного уровня и материального благосостояния, помогающий росту народного самосознания, приобщению к общечеловеческой семье культурных народностей.

Население Кавказа в XVIII–XIX вв. в своем историческом развитии прошло ускоренными темпами культурные этапы, которые народы других стран переживали веками. Объясняется это тем, что горцы связали свою судьбу с экономически и культурно более развитой Россией. Именно это событие вызвало к жизни те материальные и духовные силы, которые способствовали ускоренному развитию горского общества. Передовые представители кавказской научно-просветительской мысли не раз подчер-

кивали особое значение этого события в жизни своего народа.

Однако до сих пор в научной литературе вопросы кавказского просветительства до конца не проработаны. Прежде всего это касается этимологии самого слова «просветитель» (например, при оценке деятельности осетинских мыслителей термин «просветитель» употреблялся довольно редко⁵). Значение слова «просветитель» в широком смысле совпадает по сути дела с понятием «культуртрегер». И поскольку в нашей литературе, несмотря на неоднократные попытки разграничить понятия «просвещение» и «просветительство», эти понятия постоянно отождествляются, мы будем пользоваться понятиями «просветительство» и «люмьеризм» (от франц. *lumière*) также применительно и к северокавказскому просветительству.

Во-вторых, привычность присутствия темы национального просветительства в краеведческой литературе породила традицию универсального применения понятий «национальное просветительство», «национальный просветитель» ко всем культурным явлениям и институтам, что мешает полноценному пониманию значимости феномена национального просветительства, его сущности, размывает хронологические рамки этого явления, мешает осмыслению его социокультурной значимости.

В-третьих, традиция восприятия национального просветительства Северного Кавказа в рамках «этнических квартир» сужает общественную и культурную значимость этого явления общественного сознания, переводит его в разряд периферийных процессов общественно-политической жизни России, не позволяет выявить его целостность и подлинную ценность. Между тем национальное просветительство – это тот исторический феномен, который наиболее полно отразил в себе разные стороны этнической культуры нерусских народов России. Оно во многом определило их современное цивилизационное развитие, пути сближения с достижениями мировой и русской культуры. В рамках просветительства произошло объединение общечеловеческих идей Просвещения и национальных культурных традиций.

В-четвертых, позволим себе не согласиться с мнением большинства ученых, согласно которому на начальном этапе своего существования просветительская мысль горских народов была представлена лишь просветительством, в узком смысле этого понятия. Имеется немало фактов, что именно в начальный период развития просветительства возникают и научные основы изучения фольклора, обычаев, общественной и социальной жизни. Широко известны имена и первых горских ученых (И. Атажукина, Казем-Бека, Хан-Гирея и других), которые своим творчеством положили начало кавказоведческой науке.

В-пятых, нет единого мнения относительно периодизации просветительского движения на Северном Кавказе (хотя следует сказать, что определены особенности и этапы движения по отдельным национальным районам). Систематизировав и обобщив имеющиеся данные, мы выделили три этапа социоисторического развития горского просветительства, а не два (как это практиковалось относительно Балкарии)⁶ или четыре (как мыслилось в Кабарде). 1-й этап – генезис просветительства (1800–1864 гг.); 2-й этап – пореформенный (1864–1890 гг.); 3-й этап – революционный (1890–1917 гг.).

На наш взгляд, они объективно отражают эволюция горского люмьеризма в России.

Примечания

¹ Плеханов Г.В. Философские труды. М., 1978. С. 34.

² Ленин В.И. Полное собрание соч. 5-е изд. Т. 2. С. 519.

³ Анненков И. Российское просветительство в философском аспекте // Философия современности. 2007. № 2. С. 44–48.

⁴ Зенченко Л. Французское просветительство и отражение его идей в России // Философская мысль. 2005. № 6. С. 33–38.

⁵ Цховребов З.П. Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии. М., 1977. С. 23.

⁶ Сабанчиев И. Пореформенная Балкария в отечественной историографии. Нальчик, 1989. С. 151–155.

И.Н. Смоляков

Методика совершенствования коммуникативной культуры преподавателей военного вуза

Наш интерес к вопросу совершенствования коммуникативной культуры преподавателей обусловлен поиском путей модернизации образовательного процесса военного вуза с целью формирования профессиональных коммуникативных умений у курсантов.

Совокупность научных исследований, проведенных в Хабаровском пограничном институте и в других образовательных учреждениях, позволяет выделить ряд психолого-педагогических условий совершенствования процесса формирования профессиональных коммуникативных умений у курсантов военного вуза. Одним из таких условий является совершенствование коммуникативной культуры преподавателей.

Эффективным способом реализации этого условия мы считаем методику совершенствования коммуникативной культуры преподавателей в процессе овладения ими активными формами обучения, увеличение спектра применяемых методик и техник проведения занятий¹.

Результаты анкетного опроса, проведенного в рамках нашего диссертационного исследования, говорят о готовности преподавателей к использованию активных форм обучения с целью успешного формирования профессиональных коммуникативных умений у курсантов².

Вместе с тем, несмотря на принятие подавляющим числом преподавателей активных форм обучения как эффективного средства развития практической составляющей будущей профессиональной деятель-

Илья Николаевич Смоляков – адъюнкт Отделения подготовки научных кадров Хабаровского пограничного института ФСБ России.

ности, реальное их применение в образовательном процессе носит скорее случайный характер³. Это является следствием того, что внедрение в практику образовательного учреждения инновационных форм обучения сопряжено с рядом организационных и методических трудностей.

Вопросы применения активных форм обучения в современной педагогической и психологической литературе представлены достаточно широко. Тем не менее, методические подходы к применению активных форм обучения в практике подготовки будущих офицеров-пограничников разработаны не в полном объеме. А прямой перенос опыта преподавания в гражданском вузе в образовательный процесс военного вуза не всегда адекватен требованиям, предъявляемым к подготовке курсантов.

На наш взгляд, целесообразно разработать поэтапную методику совершенствования коммуникативной культуры преподавателей, основанную на использовании широкого круга психолого-педагогического инструментария, на создании дополнительной мотивации к становлению собственного стиля преподавания.

Предлагаемая нами методика включает в себя следующие этапы:

- мотивационный этап;
- теоретический этап;
- этап практического участия в активных формах проведения занятия;
- этап освоения методик активных форм занятий;
- этап творческого поиска собственного стиля преподавания.

В отношении молодого преподавателя (имеющего стаж педагогической деятельно-

сти 1–2 года и уверенно владеющего методикой проведения традиционных организационных форм обучения) эта последовательность этапов будет наиболее полной.

Мотивационный этап. Основная цель этого этапа: создать у преподавателей положительную мотивацию к использованию активных форм проведения занятий, заинтересовать их, а также минимизировать возможные стрессогенные факторы, связанные с освоением незнакомых методик и техник проведения занятий.

В адъюнктуре Хабаровского пограничного института для повышения коммуникативной составляющей профессионального мастерства молодых преподавателей на мотивационном этапе реализовывался следующий прием. Перед проведением занятия приглашенным преподавателям предлагалось выступить в роли наблюдателей и отмечать в ходе занятия наиболее интересные моменты межличностных взаимодействий между преподавателем и курсантами. Данный прием строился на изначальной психологической совместимости наблюдателей и активных участников. После проведения занятий в экспериментальной группе преподаватель (ведущий, проводивший занятие с использованием активных форм обучения) делился с коллегами впечатлением о проведенном занятии, приводя при этом наиболее удачные, на его взгляд, примеры поведенческих реакций курсантов. Поскольку описываемые реакции курсантов другими преподавателями, как правило, в полной мере не наблюдались, то эти сообщения вызывали обычно определенную заинтересованность коллег.

После обмена мнениями молодые преподаватели, заинтересовавшись, обращались с просьбой по возможности ознакомиться с материалами проведения занятий и предоставить их для использования в собственной практике. Если это сделать на данной стадии, то после ознакомления с процедурными аспектами методики заинтересованность постепенно сходит на нет. Поэтому лучше всего предложить преподавателю использовать какую-либо из активных форм (или их отдельные элементы) в процессе занятий с учебной группой, в которой он постоянно ведет занятия по изучаемой

дисциплине. При этом преподаватель на занятии только лишь анонсирует тему и предоставляет аудиторию для работы своему более опытному коллеге. Присутствуя на занятии в качестве наблюдателя, он может сравнить поведенческие реакции курсантов на активную форму и те формы занятия, которые практиковал он сам.

Наблюдая эффекты, описываемые ранее его коллегой в «своей» группе, преподаватель убеждается не только в практической ценности методики, но и в возможности повторения методики, в неслучайности результата. Как показывает опыт, проведение занятий, в которых преподаватель выступает в роли наблюдателя, значительно развивает его мотивацию к освоению методик, направленных на совершенствование коммуникативной культуры преподавателей. В качестве закрепления когнитивно-мотивационных установок следует предложить ему самостоятельно провести подобное занятие по этой же теме, но уже в других группах. Такой многоперспективный подход к анализу проведенных занятий (с позиций наблюдателя и ведущего) позволяет наиболее глубоко и всесторонне проанализировать происходящее в учебной аудитории. Этот момент может рассматриваться как переходный к этапу теоретического освоения методики совершенствования коммуникативной культуры преподавателя в условиях использования активных форм обучения.

Теоретический этап. Совместная (коллективная) рефлексия воспринимаемых результатов, полученных в период проведения занятий с использованием активных форм и наблюдением их реальной динамики на занятиях с группой курсантов, актуализирует необходимость теоретико-методического объяснения наблюдаемых эффектов⁴. Главным импульсом для овладения методиками активных форм проведения занятий на теоретическом этапе является узнавание в теории эвристически-интуитивно используемых элементов и сравнение преподавателем реально наблюдаемой деятельности курсантов в описаниях конкретных активных форм проведения занятий в изучаемой им литературе.

Этап практического участия в актив-

ных формах проведения занятия. Основным содержанием данного этапа должно явиться участие преподавателя в работе тренинговой группы в качестве рядового участника. Тренинг с целью совершенствования коммуникативной культуры позволяет выполнить следующие задачи:

а) восполнение дефицита межличностных умений, не обеспечиваемых современными образовательными учреждениями и институтами социализации;

б) формирование специфических знаний и умений, освоение которых в ходе стихийной адаптации по каким-либо причинам затруднено⁵.

Опыт участия в тренингах даст возможность преподавателю на себе ощутить внутригрупповую динамику, освоить механизмы рефлексии, осознать динамику своего личностного роста. При этом решается задача самопознания, происходит изучение различных аспектов собственного поведения и собственной личности.

Важной особенностью данного этапа является то, что преподаватель, участвуя в тренинге, не просто решает собственно тренинговые задачи личностного роста или повышения компетентности в общении, а еще и активно перенимает опыт организации и проведения подобных форм занятий. Поэтому, кроме полной вовлеченности в тренинговый процесс, преподаватель переживает позицию (состояние) стороннего наблюдателя за техникой и приемами ведущего тренинга. Результатом этого этапа является осознанный выбор преподавателем того психологического направления тренинговой работы, в котором он намерен специализироваться.

Этап освоения методик активных форм занятий. Основной целью этого этапа является приобретение собственного опыта проведения занятий с использованием активных организационных форм. Подготовительным этапом освоения методик активных форм может быть, например, участие в работе группы тренинга в качестве помощника ведущего, осуществляющего видеосъемку в ходе занятий или проводящего отдельные несложные игры и упражнения. Затем преподаватель переключается на преподавание своего предмета. Первоначально

самостоятельное проведение занятий должно по возможности осуществляться с участием супервизора – более опытного специалиста, который оказывает методическую помощь.

Этап освоения методик должен включать в себя проработку отдельных упражнений, которые потом реализуются в ходе проведения занятий. Особенно эффективно проведение, например, какой-нибудь деловой игры во всех курсантских группах, где преподаватель проводит занятия. Реализация данного условия, во-первых, даст возможность преподавателю зафиксировать методическую составляющую в сознании, алгоритмизировать последовательность реализации инновационных технологий. Во-вторых, преподаватель приобретает определенный опыт применения конкретной методики, что позволяет ему увереннее чувствовать себя при возникновении различных уникальных ситуаций тренинговой работы, импровизировать в ходе занятия.

Одним из путей освоения методик активных форм занятий может быть проведение их в паре с другим преподавателем. Это позволяет снизить психологическую нагрузку на ведущего, избежать незамеченных ошибок, создать многомерность отношений в сфере «преподаватель–группа»⁶. В таком случае оба преподавателя выступают в качестве наблюдателя-консультанта друг для друга.

На первых этапах описываемой нами методики использовался прием отстранения, предполагающий выход преподавателя из своего учебного предмета в содержательное поле другого предмета при условии пребывания в роли наблюдателя. Это позволяет взглянуть на происходящее с новой перспективы. На этапе освоения методик активных форм занятий преподаватель получает возможность применить полученный опыт в своей группе и перейти к следующей ступени своего творческого развития.

Этап творческого поиска собственного стиля преподавания. Цель этого этапа заключается в осознанном внесении в методику активных форм занятий личностного аспекта, собственной интерпретации методики, расширения ее возможностей за счет

положительных педагогических ситуаций, которые могут воспроизводиться в дальнейшем.

На этом этапе преподаватель реализует не просто отдельные элементы активных форм занятий, а варьируя их в зависимости от поставленных задач, творчески конструирует собственные занятия. Примером такого занятия может быть социально-психологический тренинг, в процессе которого может быть реализовано большинство активных методов обучения.

Началом данного этапа можно считать первые попытки преподавателя импровизировать в ходе занятия. Импровизация предполагает достаточную степень свободы и уверенное владение методикой применения активных организационных форм занятий⁷. Результатом этапа творческого поиска можно считать готовность и способность преподавателя к самостоятельному освоению инновационных технологий.

Описанная выше последовательность овладения методикой реализации активных форм обучения может быть предложена преподавателям для овладения ими данными инновационными формами обучения. Уверенное владение методикой позволяет преподавателю избирательно подходить к ее применению; она не претендует на вытеснение других традиционных форм повышения профессиональной компетентности преподавателей. Кроме того, использование тех или иных упражнений не должно быть самоцелью, а должно преследовать вполне определенную задачу развития профессионально важных качеств.

Другим важным условием овладения методикой реализации активных форм обучения является корректный перенос известных в тренинговой практике методик и технологий в образовательный процесс военного вуза. Проведение тренингов с военнослужащими имеет свою специфику, связанную с несколькими моментами⁸: во-первых, с комплектованием тренинговых групп, обеспечением однородности их состава и, во-вторых, с необходимостью более детальной проработки механизмов рефлексии и дополнительных усилий для запуска

групповой динамики, так как субординальные отношения между военнослужащими, их профессиональная направленность закрепляют в их сознании определенные стереотипы поведения и оценки.

Представленная методика совершенствования коммуникативной культуры преподавателей подразумевает поэтапное освоение методики проведения активных форм занятий. Вместе с тем, данная методика должна рассматриваться не как последовательная смена одного этапа другим, а как процесс приобретения умений эффективного использования активных форм обучения с учетом индивидуальных особенностей преподавателя и педагогической ситуации.

Таким образом, совершенствование коммуникативной составляющей профессионального мастерства преподавателей предполагает увеличение спектра применяемых в их педагогической практике различных организационных форм и в первую очередь – активных форм проведения занятий, наиболее целостной из которых является социально-психологический тренинг.

Примечания

¹ Франкл В. Человек в поисках смысла / Пер. с англ. и нем. М., 1990.

² Айламазян А.М. Выбор мотивов деятельности: теоретические аспекты проблемы и экспериментальное изучение // Вопросы психологии. 1990. № 4. С. 123–130.

³ Сайко В.Д. Ценностные ориентации детей при переходе в младший подростковый возраст // Вопросы психологии. 1986. № 2. С. 67–74.

⁴ Франкл В. Человек в поисках смысла.

⁵ Гартман Н. Эстетика / Пер. с нем. М., 1958.

⁶ Фанталова Е.Б. Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 1. С. 21–29.

⁷ Панттилеев С.Р. Методика исследования самоотношения / С.Р. Панттилеев. М., 1993.

⁸ Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М., 1992.

⁹ Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 1999. № 5. С. 38–44.